М. М. Тарѣевъ,
Проф. Московской Духовной Академіи.

3749
200
103
19

ЖИВЫЯ ДУШИ.

Очеркъ нравственныхъ силъ
современной Россіи.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
367
31

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я давно собирался лично посѣтить и внимательно осмотрѣть мѣста и учрежденія, въ которыхъ дѣлаются опыты практическаго осуществленія христіанскихъ идеаловъ, опыты христіанской жизни. Такіе опыты имѣютъ ближайшее отношеніе къ той каѳедрѣ (нравственнаго богословія), которую я занимаю въ Академіи. Мы слишкомъ часто повторяемъ слова о томъ, что христіане *должны* дѣлать, какъ они *должны* жить, и совсѣмъ не справляемся о томъ, что *дѣлаютъ* лучшіе христіане, какъ они *живутъ*. Между тѣмъ изображеніе идеала и долга, чтобы не быть пустымъ отвлеченнымъ звукомъ, должно сообразоваться съ условіями наличной жизни. Для моралиста и проповѣдника важно и интересно знать, до чего простираются силы человѣка, и какія границы христіанской дѣятельности намѣчаются условіями наличной жизни. Здѣсь дается необходимый коррективъ требованіямъ моралиста и проповѣдника, здѣсь же—и источникъ того воодушевленія, которымъ должна характеризоваться христіанская проповѣдь, ибо—благодареніе Богу!—жизнь свидѣтельствуетъ не только о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя зло ставитъ на пути добра, дѣлая этотъ путь узкимъ и труднымъ, но она громко возглашаетъ и о тѣхъ неисчерпаемыхъ силахъ, которыя гнѣздятся въ груди человѣческой. Много зла въ нашей жизни, оно бросается въ глаза, но есть и труженики на нивѣ Христовой—будемъ лишь внимательны къ ихъ дѣятельности, скромной и тихой, и она выростетъ предъ нами въ грандіозныхъ размѣрахъ, она поразитъ насъ несокрушимостью энергіи, силою любви, красотою организаціи и всепобѣждающею немощью вѣрующей личности, въ которой дѣйствуетъ сила Божія. И тогда самое лицо земли русской предстанетъ предъ нами въ свѣтлыхъ краскахъ, осіянное разсѣянными тамъ и сямъ свѣтлыми точками,—и тогда надежда на радостное будущее христіанскаго дѣла въ Россіи окрѣпнетъ въ нашемъ сердцѣ...

Я интересуюсь опытами христіанской жизни во всемъ ихъ разнообразіи, какое только наблюдается въ русской дѣйствительности. Въ умѣ читателя прежде всего, конечно, возникнетъ образъ монастырскаго подвижничества, которое не только въ своемъ историческомъ прошломъ, но и въ своемъ настоящемъ состояніи находило и находитъ многихъ описателей. Но для наблюдателя, интересующагося глубиною и широтою христіанской жизни, монастыри обычнаго типа доставляютъ мало матеріала, такъ какъ здѣсь надъ всѣмъ царятъ установившіяся формы, скрывающія подъ собою личную жизнь. Мы наблюдаемъ въ монастыряхъ толпы богомольцевъ, собирающихся за многія сотни верстъ видимъ здѣсь торжественныя богослуженія, можемъ любоваться строемъ монашеской жизни, стройнымъ пѣніемъ, но жизни мы здѣсь не можемъ наблюдать: истинное подвижничество, по существу своему, скрывается отъ наблюденія, которому доступно лишь въ реликвіяхъ. Наблюдатель жаждетъ новыхъ формъ, личнаго почина, живого дѣла. Кромѣ того, извѣстно, съ какою настойчивостью въ литературѣ послѣднихъ дней противопоставляются созерцательное подвижничество и дѣятельная христіанская жизнь. Но нужно въ возникшемъ спорѣ стать на ту или другую сторону, чтобы признать, что болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе наблюдателя: опыты дѣятельной христіанской жизни, или наивозможно глубокой по энергіи благотворительной любви, или наивозможно широкой по полнотѣ проведенія въ жизнь христіанскихъ началъ. Для нашего времени чрезвычайное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, что дастъ христіанство для жизни, что оно привноситъ въ дѣйствующую жизнь, въ качествѣ ли благотворительной любви или въ опытахъ устроенія всей полноты жизни на христіанскихъ началахъ. Наше время внимательно не къ тому, что совершается за монастырскою стѣною, въ уединеніи пустыни, въ затворѣ аскета, а къ тому, что дастъ христіанство для всѣхъ сторонъ дѣйствительной жизни—для экономическихъ нуждъ, для соціальныхъ потребностей, для брачной жизни, для трудовыхъ общинъ, для братскаго общежитія. При этомъ, легко понять, наблюдатель, который стоитъ на почвѣ научнаго изученія христіанства, никакъ не можетъ ограничиться офиціальными предѣлами церкви: для него столь же интересны христіанскія дѣла, совершаемыя въ оградѣ церкви, какъ и опыты христіанской жизни внѣ ея. Подобно тому, какъ свойства и жизнь организма познаются не только въ анатоміи и физіоло-

гіи, но и въ патологіи, такъ и для научнаго изученія христіанства важно наблюсти не только традиціонную церковную жизнь, но и свободные опыты устроенія христіанской жизни, не только успѣшные опыты, но и опыты безуспѣшные. Не будемъ думать, что всѣ пути христіанской жизни давно исхожены, всѣ распутія давно испытаны, что нашимъ современникамъ остается на долю ходить проторенными тропами, усвоивать готовые отвѣты. По мѣрѣ того какъ идетъ впередъ и осложняется исторія, неумолчно и съ неслабѣющею силою повторяется христіанскій вопросъ; съ каждою ступенью культурнаго прогресса, для каждаго времени и поколѣнія онъ звучитъ въ новыхъ тонахъ, выливается въ новыхъ словахъ, для каждаго дня онъ составляетъ «свою злобу». Всякій долженъ поставить его для себя, въ индивидуальныхъ особенностяхъ мѣста, времени, культуры, экономическихъ и бытовыхъ условій, всякій долженъ отвѣтить на него по своему. Вотъ почему теряетъ почти всякую цѣнность традиціонное сохраненіе древнихъ формъ безъ привнесенія въ нихъ живого содержанія, болѣзненно раздражаетъ проторенная дорога, уравнивающая лицемѣрную привычку и мертвую обрядность съ живою жизнью; напротивъ, пріобрѣтаютъ громадную цѣнность всякіе новые опыты, въ которыхъ видна живая душа человѣческая. Тутъ дорого разнообразіе опытовъ, дорога ихъ типичность. Внимательный къ нимъ повсюду извлечетъ для себя пользу и урокъ. Успѣшныя начинанія покажутъ ему, въ чемъ—ихъ сила, въ чемъ залогъ ихъ успѣха; на опытахъ неудачныхъ онъ научится, чего должно избѣгать, въ чемъ причина неуспѣха. Лишь бы начинаніе было искреннее, лишь бы проведено оно было съ достаточною энергіею и послѣдовательностью, лишь бы съ силой и экспрессіей отразилась въ немъ личность человѣческая, ея живая разумная энергія. Время и труды, потраченные на наблюденіе, не пропадутъ безплодно: въ самомъ крайнемъ случаѣ, въ самыхъ неуспѣшныхъ дѣлахъ, странныхъ начинаніяхъ и искусственныхъ организаціяхъ, мы узнаемъ живую душу человѣческую. Такъ не цѣнно преданіе, но живая мысль ищетъ новыхъ словъ; какъ не цѣнно старое преданіе, но въ рѣчи своихъ современниковъ мы прислушиваемся только къ новымъ словамъ. Такъ и въ жизни—обнаруживается живая христіанская личность лишь въ своихъ дѣлахъ, въ новыхъ начинаніяхъ, въ новыхъ формахъ, которыя и притягиваютъ къ себѣ взоры наблюдателя. И обратно—самое драгоцѣнное въ каждомъ христіанскомъ дѣлѣ, въ каждомъ

учрежденіи, въ каждой формѣ не само дѣло и учрежденіе, не сама форма, а христіанская возрожденная личность, проявившаяся въ дѣлѣ и формѣ, дорога человѣческая свобода, открывшаяся съ достаточною энергіею и красотою. Въ томъ и значеніе новыхъ формъ и учрежденій, что въ нихъ видно живое дѣло свободы. Вотъ почему принадлежность дѣла и формы къ опредѣленной категоріи оказывается безразличною: не все изъ того, что стоитъ подъ флагомъ ортодоксальной традиціи, оказывается живымъ дѣломъ живой свободы, но въ дѣлѣ, надъ которымъ развѣвается протестующее знамя, можно подмѣтить живое біеніе мятущейся христіанской души. Это ничего, что дѣло создается изъ плохого строительнаго матеріала, изъ сырого дерева и даже изъ соломы,—душа строителя можетъ быть полна самыхъ благородныхъ порывовъ, возвышенныхъ стремленій, которыя цѣпятся на судѣ Божіемъ. Солома сгоритъ, не устоитъ и дерево, но душа человѣческая, если только жила свѣжею и полною жизнью, спасется Интересы догматиста и интересы моралиста не вполнѣ совпадаютъ: перваго интересуютъ формы опредѣленной категоріи, дѣла опредѣленнаго вида и слова точно формулированныя, второй слѣдитъ за біеніемъ живой христіанской души, христіанской жизни, въ какихъ бы дѣлахъ она ни проявлялась, въ какихъ бы формахъ ни открывалась. Для моралиста вся сложность жизненныхъ отношеній, все богатство дѣлъ и формъ есть лишь система отображеній живой души, есть лишь рядъ вѣхъ, отмѣчающихъ ея развитіе и ея ростъ. Для него путь добра—не путь опредѣленныхъ дѣлъ, а путь живой жизни; для него лучшіе—не старшіе сыновья, пребывающіе вѣрными въ дому отца, строгіе блюстители преданій и заведенныхъ порядковъ, а младшіе, идущіе на дальнюю сторону, пролагающіе свой путь, пытающіе свои силы въ новыхъ дѣлахъ. Лучшая жизнь—наиболѣе полная, наиболѣе свободная, сильная, смѣлая, пытливая, жертвующая безъ разсчета, не оглядывающаяся назадъ, идущая прямымъ путемъ. Такихъ богопоклонниковъ ищетъ Отецъ Небесный. Такіе дѣятели даютъ богатый матеріалъ для наблюденій ..

Такъ я намѣтилъ себѣ ознакомиться съ Кіевскимъ Покровскимъ, Княгининымъ, монастыремъ, съ Лѣснинскимъ Богородичнымъ монастыремъ, съ Вировской Спасовой пустынью и съ Крестовоздвиженскимъ трудовымъ братствомъ.

Съ лѣта 1905 года мои намѣренія стали осуществляться.

I. Кіевскій Покровскій (Княгининъ) монастырь.

Начну историко-біографическими свѣдѣніями.

Предо мною «Обзоръ дѣятельности больничныхъ учрежденій Императора Николая II при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежительномъ монастырѣ за 1-е десятилѣтіе» (1893—1903). Составили врачи больницы. Кіевъ 1905. Рецензентъ можетъ усиленно рекомендовать вниманію читателей эту, тщательно составленную и изящно изданную, книгу. Она составлена изъ статей двухъ родовъ: а) біографическаго и общаго содержанія и б) специально-медицинскаго. Къ первому ряду относятся статьи: Проф. И. А. Сикорскаго «О жизни и кончинѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, въ иночествѣ Анастасіи»,—Д-ра Г. Г. Левицкаго «Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна (инокиня Анастасія)» — довольно обстоятельный біографическій очеркъ,—Д-ра В. Ѳ. Бушуева «Н. В. Соломка» (некрологъ) и «Объ участіи монастырей въ дѣлѣ народнаго врачеванія». Второй рядъ составляютъ многочисленныя статьи, имѣющія предметами содержаніе больницы, комитетъ по управленію больничными и благотворительными учрежденіями при монастырѣ, списокъ врачей, работавшихъ въ больницѣ за первое десятилѣтіе (изъ коихъ первымъ врачемъ больницы, много содѣйствовавшимъ Августѣйшей Строительницѣ больницы при устройствѣ ея, былъ Н. В. Соломка), цифровой отчетъ о дѣятельности больничныхъ учрежденій за 1900—1903 гг. и, наконецъ, обзоры дѣятельности разныхъ отдѣленій больницы—терапевтическаго, дѣтскихъ болѣзней, гинекологическаго, хирургическаго и др. Послѣдніе статьи имѣютъ значительный научно-медицинскій интересъ, но наше вниманіе главнымъ образомъ останавливается на статьяхъ, изображающихъ благотворительную дѣятельность Великой Княгини. Нижеслѣдующія біографическія данныя заимствованы преимущественно изъ статьи д-ра Г. Г. Левицкаго. Кромѣ того существуютъ (и имѣются у меня) слѣдующія изданія, впрочемъ

достаточно использованныя д-ромъ Левицкимъ: Проф. Сикорскій Кончина Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны» (въ нѣсколько измѣненномъ изложеніи статья вошла въ «Обзоръ»), Проф. Подвысоцкій «Участіе монастырей въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія», Скворцовъ «Памяти царственной Инокини Анастасіи»—изданіе журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» и др.

Великая Княгиня Александра Петровна, Вдова Августѣйшаго фельдмаршала Великаго Князя Николая Николаевича (брата Императора Александра Николевича), происходила изъ рода принцессъ Ольденбургскаго дома и родилась въ С.-Петербургѣ 2 мая 1838 года отъ брака принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и принцессы Терезіи-Вильгельмины-Фридерики-Изабеллы-Шарлоты Нассауской Уже отецъ Великой Княгини, Принцъ Петръ Георгіевичъ, пользовался извѣстностью широкаго филантропа. Въ 1860 году ему ввѣрено было управленіе всѣми учрежденіями Императрицы Маріи. Его заботамъ и трудамъ принадлежитъ широкое развитіе этого вѣдомства. По его личной иниціативѣ и просвѣщенной заботливости возникъ цѣлый рядъ воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній Заслуги его въ этомъ направленіи увѣковѣчены постановкой ему памятника на Литейномъ проспектѣ въ С.-Петербургѣ въ 1889 году, на которомъ надписано: «Просвѣщенному Благотворителю Титулъ Императорскаго Высочества принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому пожалованъ былъ въ 1845 году.

Отъ брака принца съ принцессой Терезіей Нассауской родились 4 сына (Николай, Александръ, Георгій, Константинъ) и 3 дочери: Александра (Екатерина и Терезія).

Дочь покойнаго великаго гуманиста, Великая Княгиня съ юныхъ лѣтъ унаслѣдовала отъ своего отца его взглядъ и убѣжденія на то, въ чемъ должна выражаться любовь къ людямъ и помощь имъ Въ юныхъ уже годахъ она отдавала всѣ свои «карманныя» деньги на помощь бѣднымъ и больнымъ дѣтямъ.

Вся первая половина ея филантропической дѣятельности протекла въ Петербургѣ, гдѣ она обильно и широко распредѣляла свое состояніе на различныя гуманитарныя цѣли. Но и помимо оказываемой ею матеріальной помощи дѣламъ и учрежденіямъ, гдѣ только чувствовалась нужда въ ней, она являлась дѣятельнѣйшей руководительницей въ, возникавшихъ по ея иниціативѣ, различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Вскорѣ послѣ замужества ею основана въ Галерной гавани Покровская община сестеръ милосердія, больница, клиническая амбулаторія, лѣчебница, отдѣленіе для дѣвочекъ-сиротъ младшаго возраста, училище для образованія фельдшерицъ, преобразованное нынѣ въ образцовую женскую гимназію министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ того почившая Великая Княгиня по 1881 годъ состояла предсѣдательницей совѣта дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и, благодаря заботамъ ея, былъ составленъ капиталъ, достигшій въ настоящее время двухъ милліоновъ рублей. На эти деньги содержатся 23 обширныхъ и благоустроенныхъ дѣтскихъ пріюта, изъ коихъ 21 находятся въ Петербургѣ, одинъ въ Царскомъ селѣ и одинъ въ Петергофѣ. Въ нихъ призрѣваются до пяти тысячъ сиротъ.

Во время русско-турецкой войны почившая Великая Княгиня на собственныя средства организовала санитарный отрядъ.

Въ 1879 году почившая Великая Княгиня оставила Петербургъ, вслѣдствіе своей тяжелой и, казалось, неисцѣлимой болѣзни, и переѣхала на жительство въ Кіевъ, гдѣ ей суждено было обрѣсти воскресеніе къ новой жизни, всецѣло посвященной высокимъ подвигамъ исканія правды вѣчной и трудамъ христіанскаго благотворенія. Здѣсь она достигла высшихъ степеней душевной красоты и нашла свой идеалъ въ служеніи Богу и ближнему.

Поселившись въ Кіевѣ и получивъ облегченіе въ свои тяжкой многолѣтней болѣзни, Великая Княгиня приступила къ осуществленію своей великой мысли, созиданію живого монашества, живого монастыря «Живое монашество—писала покойная Великая Княгиня—вотъ знамя, которое столь дорого моему сердцу, и которому я уповаю служить до послѣдняго издыханія. Никакіе монашескіе обѣты и правила не мѣшаютъ ближняго любить, какъ самого себя, служить болящимъ, питать неимущихъ, призрѣвать сирыхъ и убогихъ, обучать желающихъ, ибо монастыри будутъ имѣть двойную силу и значеніе». Въ другой разъ Великая Княгиня писала по тому же вопросу о монашествѣ: «Современное монашество должно имѣть цѣлью мирить міръ съ монашествомъ. Исключительно созерцательная жизнь есть удѣлъ немногихъ особыхъ избранниковъ Божіихъ по особому промыслу Божію, а жить въ келіи, занимаясь рукодѣліемъ, дабы путемъ продажи этого труда кормить и одѣвать себя, не можетъ привлечь никого. Общежитіе—единственная благопріят-

пая община, и та обитель достойна названія общежительнаго монастыря, гдѣ есть полное общеніе духа, кромѣ общей пищи и одѣянія. Больничное дѣло было предусмотрѣно уставомъ Василія Великаго. Въ св. уставѣ о больницѣ говорится: «Монашки, опасающіяся, что путемъ больничнаго послушанія онѣ уклоняются отъ монашества, не понимаютъ церковнаго устава, не понимаютъ заповѣди Христовой и не понимаютъ того, что Господь во время Своего земного странствованія такъ много заботился о болящихъ, а равно и св. апостолы. Когда мы сподобляемся приблизиться къ болящему, то мы невидимо приближаемся ко Христу, и если при служеніи болящимъ хранимъ на умѣ, въ сердцѣ и творимъ устами Іисусову молитву, то это—тѣ живыя четки, та идея, за которую радостно можно горѣть на кострѣ, за которую можно радостно принимать всякое поношеніе! Величайшая отрада—сподобляться жить въ св. обители, быть монахомъ и осуществлять дорогое, живое, любвеобильное монашество. Нужно вдуматься въ этотъ типъ монашества, дающій вѣчное радованіе на земли и на небеси»! Для покойной великой подвижницы живое монашество означало именно монашество любвеобильное, живой подвигъ—подвигъ любви. Согласно евангельскому слову, она не знала ничего выше любви. Своимъ «возлюбленнымъ о Христѣ больничнымъ сестрамъ» она писала впослѣдствіи: «Душою я съ вами и въ этомъ нахожу большое утѣшеніе. Я несомнѣнно уповаю, что вы вполнѣ умѣете цѣнить и благодарить Господа, что сподобляетесь служить болящимъ; любовь къ страждущимъ пріемлется Господомъ. Всякій вашъ трудъ приближаетъ васъ къ искреннему душевному служенію ради спасенія души. Любовь—это высшая добродѣтель, и буду посильно молиться, чтобы эта добродѣтель приумножалась въ душахъ вашихъ». Въ частности, старшей сестрѣ хирургической больницы Великая Княгиня писала: «Благодари непрестанно Бога, поставившаго тебя на такое послушаніе, гдѣ каждый съ любовью поданный стаканъ воды пріемлется Господомъ Въ св. евангеліи Господь постоянно проповѣдуетъ о любви къ ближнему. Онъ Самъ показывалъ примѣръ исцѣленія и служенія болящимъ. Единственное на землѣ неотъемлемое счастіе—это служеніе болящимъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Сестры, которыя готовятъ кушанье, шьютъ, пекутъ, стираютъ для болящихъ, тоже благоугождаютъ Господу... Трудись съ любовью, трудись мужественно. Господь воздастъ тебѣ сторицею! Все принимай съ горячею любовью отъ руки Гос-

пода, тогда все будетъ на душѣ присное радованіе. Будешь себя забывать, жить для страждущихъ, ради страждущихъ»...

Такой высокій идеалъ монашескаго подвижничества покойная Великая Княгиня носила въ своей душѣ. Созданіемъ Кіевскаго общежительнаго монастыря съ его многочисленными лѣчебными и благотворительными учрежденіями Великая Княгиня свою завѣтную мысль привела въ исполненіе.

Лѣчебно-благотворительныя учрежденія Покровскаго монастыря въ настоящее время имѣютъ слѣдующій видъ: лѣчебница для приходящихъ больныхъ, больница съ двумя отдѣленіями на 108 человѣкъ, при ней заразный баракъ на 12 мѣстъ и изоляціонный на 5 мѣстъ, въ общемъ 125 мѣстъ, и два пріюта—одинъ для неизлѣчимо больныхъ, другой для слѣпыхъ. Лѣчебница для приходящихъ больныхъ въ иные дни вмѣщаетъ 400—500 приходящихъ больныхъ, при чемъ не замѣтно ни тѣсноты, ни порчи воздуха Знакомые съ больничнымъ дѣломъ у насъ говорятъ, что эта лѣчебница «по своей обширности и благоустройству является единственной въ Россіи». Нужно замѣтить, что лѣчебница эта въ случаѣ нужды (войны или эпидеміи) въ нѣсколько часовъ можетъ быть обращена въ образцовую больницу на 100 мѣстъ. Вообще о врачебныхъ учрежденіяхъ Покровскаго монастыря бывшіе въ Кіевѣ въ 1896 и 1898 гг. съѣзды врачей засвидѣтельствовали, что они составляютъ гордость не только Кіева, но и всей Россіи. «Необыкновенная чистота, изящество, привѣтливый видъ зданій и особый, не поддающійся описанію, привлекательный оттѣнокъ, лежащій на всемъ, произвелъ впечатлѣніе и оставилъ слѣдъ, который никогда не изгладится изъ памяти посѣтителей». Одинъ изъ этихъ врачей свои впечатлѣнія при осмотрѣ ихъ выразилъ въ слѣдующихъ авторитетныхъ словахъ: «Я началъ свой осмотръ съ лѣчебницы для приходящихъ, которая внутри расположена въ видѣ прямоугольнаго креста; въ правомъ и лѣвомъ крылѣ этого креста устроены кабинеты по всевозможнымъ спеціальностямъ; каждый кабинетъ снабженъ всѣми необходимыми принадлежностями по своей спеціальности; чистота, свѣтъ, воздухъ и, если угодно, роскошь не оставляютъ желать ничего лучшаго. Осмотрѣвши эту амбулаторію, для которой, очевидно, сдѣлано все, что можно сдѣлать по послѣднему слову науки и техники и, конечно, не жалѣя средствъ, я отправился въ больницу для стаціонарныхъ больныхъ; эта больница представляетъ прекрасное двухъэтажное зданіе, въ которомъ помѣ-

щается небольшая домашняя церковь, столовая для больныхъ, двѣ операціонныхъ залы, которыя блещутъ чистотой, свѣтомъ и изяществомъ обстановки и инструментовъ, и затѣмъ, то большія, то меньшія палаты для хирургическихъ больныхъ женщинъ и дѣтей . Я въ восторгѣ отъ всего видѣннаго,—я здѣсь видѣлъ нѣчто подобное тому, что видѣлъ въ нѣкоторыхъ больницахъ въ Берлинѣ и новыхъ клиникахъ въ Москвѣ».

О дѣятельности больничныхъ учрежденій Покровскаго монастыря могутъ свидѣтельствовать слѣдующія цифровыя данныя изъ отчета за десятилѣтіе съ 1893—1903 г Лѣчебница приняла 194.993 больныхъ, сдѣлавшихъ 466.523 посѣщеній; въ больницѣ пользовалось 5020 человѣкъ; въ обоихъ пріютахъ призрѣвалось 123 человѣка; изъ аптеки выдано безплатно 501,064 номеровъ лекарствъ.

И вся эта система благотворительности была создана энергіей и трудами Великой Княгини, ближайшимъ сотрудникомъ которой былъ названный уже Н. В. Соломка.

Великой Княгинѣ—говоритъ ея біографъ, д-ръ Г. Г. Левицкій—желалось дѣятельной любви, и своихъ идеаловъ достигла она въ Покровской обители, созданіемъ и дѣятельностью которой совершенъ первый трудный шагъ на пути реальнаго участія монастырей въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія. Этимъ шагомъ начинается новая эра въ культурномъ значеніи монастырей на Руси. Учрежденія, созданныя великимъ духомъ Великой Княгини, будутъ безусловно имѣть значеніе не только какъ осуществленіе высокихъ гуманитарныхъ цѣлей, но и памятной страницы въ исторіи Россіи. Въ чудномъ уголкѣ Кіева—Лукьяновкѣ, на высокомъ живописномъ откосѣ Вознесенской горы, сплошь покрытомъ вѣковѣчными деревьями, скоро выросъ цѣлый городокъ Покровскаго монастыря въ русскомъ стилѣ. Монастырь этотъ съ каждымъ днемъ, каждымъ годомъ разростался, устроялся, украшался и крѣпъ Все здѣсь создавалось подъ личнымъ наблюденіемъ почившей Великой Княгини: всѣ планы составлялись ею, счета по постройкѣ и содержанію всѣхъ учрежденій велись лично Великой Княгиней, здѣсь не было деревца, которое не было бы посажено по указанію ея, не было гвоздя, вбитаго не по ея распоряженію, а часто и въ ея присутствіи. Выстроенъ соборъ, дома для монастырскихъ сестеръ съ помѣщеніемъ для навѣщавшей семьи Ея Высочества, грандіозная больница, лѣчебница для приходящихъ больныхъ, образцово-устроенная аптека,

училище для дѣвочекъ-сиротъ, пріютъ для слѣпыхъ, пріютъ для неизлѣчимыхъ хронически-больныхъ женщинъ, бараки для заразныхъ больныхъ, анатомическій покой для нуждъ больницы, прачешныя, столовыя и кухни для больницы и сестеръ монастыря, странноприимница, куда шелъ холодный и голодный и находилъ заботу, пріютъ и ночлегъ. Великая мысль Царственной Труженицы возродилась здѣсь въ реальную жизнь, полную энергіи, любви, самосовершенствованія, жизнь преисполненную труда и подвижничества, жизнь для сирыхъ, больныхъ и бездомныхъ. И все это—въ тиши и глубочайшемъ смиреніи, все въ стремленіи къ высшей красотѣ, къ высшимъ идеаламъ, въ стремленіи къ Богу. Среди поля выросъ дивный, прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, на которомъ отрадно останавливались взоры и усталаго больного путника и великихъ міра сего и людей науки. Возвышенная, всеобъемлющая любовь Великой Княгини одухотворяла, созрѣвала и цвѣтила новыми красками этотъ дивный цвѣтокъ. Все здѣсь созидалось крайне быстро, энергично; буквально не было ни мгновенія, когда бы живая дѣятельность Почившей замирала. Казалось, она спѣшила увидѣть поскорѣе воплощеніе своихъ мыслей въ реальную оболочку, она какъ бы чувствовала непродолжительность своей жизни и спѣшила съ устроеніемъ монастырскаго городка. Я боюсь не смерти, но боюсь не успѣть сдѣлать все то, что я должна еще сдѣлать здѣсь на землѣ, часто говорила Великая Княгиня. И сколько прекрасныхъ проектовъ и предначертаній она унесла съ собой въ могилу. Всѣ особенныя свои заботы и материнскую любовь почившая Великая Княгиня отдала больничнымъ учрежденіямъ. Ея любовь и довѣріе къ своей больницѣ были такъ велики, что операція, которой ей пришлось подвергнуться вскорѣ послѣ устройства монастыря, была совершена благополучно въ монастырской больницѣ; въ той же больницѣ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ она и скончалась. Она жила больницей, жила въ больницѣ, работала въ больницѣ и умерла въ больницѣ. Участь завидная для истиннаго поборника науки и любви къ ближнему...

Покровскій монастырь есть монастырь не по названію только, а въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова; обитающія въ немъ насельницы проводятъ монашескую жизнь по строгому студійскому уставу. Первый день новооткрытаго Покровскаго монастыря начался совершеніемъ въ 12 ч. ночи полунощницы, собравшей множество молящихся. Сколь часто Великая Княгиня

напоминала монастырскимъ сестрамъ о подвигѣ любви къ ближнему, столь же строго слѣдила она и за ихъ молитвеннымъ подвигомъ. «Всѣ эти живыя четки, писала она о монахиняхъ-послушницахъ, работаютъ сильно и все и вся за св. послушаніе. Въ каждой больницѣ въ 6 час. утра литургія, поютъ наши слѣпыя 20 дѣвицъ... Въ больницѣ все строго-монашеское. Всѣ въ бѣломъ... Приготовленіе къ массѣ операцій — все дѣлается и успѣвается, молитвенно окропляется водой, все тайно, твердо, убѣжденно и ничего напоказъ». Другой разъ, въ письмѣ къ сестрамъ больницы, Великая Княгиня, восхваляя любовь, какъ высшую добродѣтель, вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ сестеръ къ молитвѣ: «Непрестанно творите Іисусову молитву: это—могущественная сила, все дурное поглощающая. При этомъ настроеніи вы всегда будете благодушны и счастливы». «Всякій шагъ съ молитвой на умѣ!—писала она снова.—Имѣйте въ сердцѣ и умѣ великое орудіе—Іисусову молитву». О соединеніи съ подвигомъ «служенія болящимъ» умной, сердечной и словесной молитвы Іисусовой писала Великая Княгиня и въ другомъ письмѣ—въ отрывкѣ, который мы уже приводили выше. Покойная Княгиня, какъ мы слышали отъ близко знавшей покойную сестры М., внимательно слѣдила за совершеніемъ богослуженія, сама писала росписаніе церковныхъ службъ. Однажды она сдѣлала священнику строгій выговоръ, гнѣвъ ея быстро утихъ,—какъ это всегда съ нею бывало,—и она смиренно сказала батюшкѣ: «пожурите меня старуху». О глубокомъ религіозномъ настроеніи покойной Великой Княгини краснорѣчиво говоритъ, нынѣ уже оконченный вчернѣ, величественный соборный храмъ во имя св. Николая, заложенный Великой Княгиней въ 1896 г. въ присутствіи Ихъ Величествъ. Эскизный проектъ храма былъ составленъ сыномъ Великой Княгини, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ. Своею обширностью храмъ этотъ превосходитъ всѣ кіевскіе храмы. Покойная Великая Княгиня, создавая храмъ, хотѣла, чтобы ея обитель не уступала другимъ монастырямъ богослужебнымъ великолѣпіемъ. Покровская обитель—монастырь, не богослужебно-молитвенному подвигу не уступающій другимъ (конечно, лучшимъ) монастырямъ. Но она—не только монастырь въ обычномъ смыслѣ этого слова: въ ней монастырь неразрывно связанъ съ больницей, молитвенные подвиги съ подвигомъ любви. Сестры обслуживаютъ всѣ лѣчебно-благотворительныя

учрежденія, исполняя въ нихъ всякую посильную (женскую) работу, не гнушаясь грязной работы, не отступая ни предъ какими трудами. Уходъ за больными это по преимуществу женское дѣло, требующее вниманія, ласки, нѣжности; больничная сидѣлка замѣняетъ дѣтямъ мать, взрослымъ сестру или дочь. Союзъ женскаго монастыря съ больницей, поэтому представляется особенно естественнымъ. Одинъ очевидецъ говоритъ: «трогательно было видѣть, то въ одномъ углу, то въ другомъ, стоящихъ на колѣняхъ молодыхъ женщинъ надъ кроватками маленькихъ пациентовъ и кормящихъ ихъ (во время обѣда); тутъ какъ бы сказывалась не только женская, но и материнская нѣжность».

Во главѣ сестеръ, въ ихъ святомъ дѣлѣ, стояла сама покойная Великая Княгиня. Она стояла во главѣ сестеръ, потому что шла впереди ихъ въ ихъ общемъ дѣлѣ. И прежде всего, она была среди монахинь монахиня, имѣла монашеское постриженіе, хотя это событіе въ жизни почившей оставалось тайной. Она подписывалась подъ своими письмами своимъ прежнимъ именемъ: «грѣшная Александра», «грѣшная послушница Александра». Но въ Кіевѣ давно были убѣждены въ томъ, что она имѣетъ другое имя. И дѣйствительно, духовное завѣщаніе ея, хранившееся въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора и вскрытое тотчасъ по ея смерти, подтвердило, что въ инокиняхъ Ея высочество Анастасія. И она была инокиней не на словахъ только: она проводила простую аскетическую жизнь. Даже въ дни праздничныхъ торжествъ обители, на которыхъ присутствовали ея августѣйшіе родственники, была та же монастырская скудная трапеза, безъ всякихъ напитковъ, та же простая утварь — деревянныя ложки и чашки. Также близко участвовала Августѣйшая инокиня и въ монастырской молитвѣ. Пока позволяло ей здоровье, она присутствовала на всѣхъ ежедневныхъ монастырскихъ службахъ, причемъ иногда сама читала шестопсалміе, часы, кононъ и пр. Но покойная Великая Княгиня участвовала не только въ молитвенно-аскетическомъ подвигѣ сестеръ,—она была инициаторомъ и вдохновительницей и ихъ подвиговъ на служеніе ближнему. Прежде всего она внесла въ это дѣло свои капиталы, она была основательницей и строительницей монастырско-больничныхъ учрежденій. «Мы, писала покойная Великая Княгиня, скудны добродѣтелью, мы богаты матеріальными средствами, ибо я получаю огромныя средства; стало быть, весьма естественно,

что, какъ монахинѣ, мнѣ не нужно никакихъ затратъ на пищу и одежду, т. е. минимально мало, и, стало быть, долгъ совѣсти повелѣваетъ все отдать, что имѣю, къ осуществленію своего идеала. Покойная подвижница поступала по этому долгу своей совѣсти. Но она не откупалась отъ нищихъ и больныхъ одною денежною подачкою, она не думала замѣнить подвигъ матеріальною жертвою, сваливши трудъ на другихъ, на монастырскихъ сестеръ. Она была первою сестрою милосердія въ устроенныхъ ею лѣчебно-благотворительныхъ учрежденіяхъ. Буду говорить словами проф. Н. А. Сикорскаго. Покойная Великая Княгиня, пишетъ проф. Сикорскій, отдала всѣ свои обширныя милліонныя средства на благое дѣло, довольствуясь монастырскимъ столомъ и скромной одеждой сестры милосердія. Но не въ матеріальныхъ щедротахъ сказалось величіе Ея души. Она совершила большее. Она рѣшилась отдать личныя свои силы на служеніе страждущимъ и показать на дѣлѣ возможность практическаго осуществленія новой мысли, созрѣвшей въ ея умѣ и сердцѣ. Со своимъ крайне слабымъ здоровьемъ и тѣлесными немощами, она вознамѣрилась совершить дѣло новое и на нашей памяти невиданное—связать больницу и монастырь въ одно учрежденіе. Для этого понадобилась твердая, непреклонная рѣшимость, необходимъ былъ не только личный починъ, но и личный примѣръ, чтобы показать на дѣлѣ и воочію осуществимость того, что казалось для многихъ неосуществимымъ и невозможнымъ! Она лично стала на службу страждущимъ людямъ съ тою любовію и тѣмъ величайшимъ нравственнымъ напряженіемъ, которое можно назвать исключительнымъ и безпримѣрнымъ. Ея дѣло и ея личная служба этому дѣлу произвели глубокое впечатлѣніе на врачей и членовъ VI Пироговскаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1896 году. Въ стѣнахъ Покровскаго монастыря врачи посѣтители увидѣли истинную благотворительность и не могли не отдать дань уваженія подвигамъ Женщины, которая въ своемъ лицѣ довела служеніе святому дѣлу до поэтическаго одушевленія и художественной высоты; впечатлѣніе оказалось тѣмъ болѣе сильнымъ, что посѣтитель, ждавшій встрѣтить земной блескъ, не увидѣлъ другого величія, кромѣ величія нравственнаго. Осмотрѣвъ больничныя учрежденія, члены съѣзда убѣдились, что заботливость объ удобствахъ больного, о расширеніи врачебной помощи, до самыхъ утонченныхъ усовершенствованныхъ способовъ, повидимому, не знаетъ границы. Но наблюдателей поразили не эти матеріальныя щед-

АКАДЕМ

роты. а болѣе всего этотъ ррѣдкій примѣръ беззавѣтной преданности дѣлу и долгу, какой показала Великая Княгиня, и въ особенности ея неутомимое служеніе ближнему во всѣхъ роляхъ, начиная отъ роли крупнѣйшаго жертвователя до роли сестры милосердія, сидѣлки, матери; и все это такъ просто, такъ радостно! «Кто захотѣлъ бы воочію увидѣть истинное счастье, доставляемое служеніемъ идеѣ, говорили члены съѣзда, тотъ можетъ видѣть его въ Покровскомъ монастырѣ»...

Цѣлые годы, продолжаетъ проф. Сикорскій, проведены Великой Княгиней среди больныхъ въ полномъ значеніи слова. она жила въ одной изъ больничныхъ палатъ, въ постоянномъ непосредственномъ соприкосновеніи съ больными такъ, какъ живутъ фельдшерицы и сидѣлки. Здѣсь Великая Княгиня проводила дни и ночи въ такихъ условіяхъ и при такой обстановкѣ, что эту жизнь необходимо признать непрерывнымъ подвигомъ. Дверь ея комнаты не закрывалась для того, чтобы и въ ночное время она могла слышать стоны и жалобы больныхъ и идти къ нимъ на помощь. По ея собственнымъ словамъ, тишина и покой будили ее, такъ какъ она боялась пропустить минуту необходимой помощи страждущимъ. Эта святая боязнь отгоняла сонъ отъ ея очей Только спокойствіе больныхъ давало и ей немногія минуты покоя Ко всѣмъ труднымъ больнымъ она вставала по нѣскольку разъ въ теченіи ночи, и этимъ нерѣдко лишала себя и того наименьшаго отдыха, который необходимъ для поддержанія здоровья и силъ. Изъ ея рукъ больные получали лекарства. изъ ея устъ они постоянно слышали слова ободренія, утѣшенія и состраданія. Простые люди и особенно дѣти такъ цѣнили ея доброту и ласковость и такъ вѣрили въ помощь, подаваемую ея руками. что желали принимать лекарство непремѣнно изъ ея собственныхъ рукъ. Она всегда радостно исполняла этотъ нерѣдко тяжелый долгъ. При всѣхъ хирургическихъ операціяхъ Великая Княгиня лично присутствовала и помогала, какъ опытный помощникъ, своей умѣлой и твердой рукой Всѣхъ больныхъ, которымъ предстояли тяжелыя операціи, она собственными руками омывала, чтобы обезпечить необходимую чистоту и зависящій отъ того успѣхъ операціи, не полагаясь въ этомъ случаѣ на другихъ.—Кто знакомъ съ больничной жизнью, кто проводилъ часы среди стоновъ и человѣческихъ страданій, тотъ пойметъ силу подвига Великой Княгини. Нося въ себѣ самой давній не-

дугъ, переживъ двѣ тяжелыя операціи, страдая одышкой и часто задыхаясь, великая труженица не думала о себѣ, не заботилась о своемъ собственномъ здоровьѣ и вся отдалась избранному ею высокому служенію. Самыя тяжелыя обязанности она несла съ полною отвѣтственностью, не полагаясь на другихъ. Ея примѣръ производилъ глубокое впечатлѣніе на окружающихъ. Трогательно было видѣть Великую Княгиню передъ началомъ какой-либо тяжелой операціи,—что случалось почти ежедневно въ больницѣ Покровскаго монастыря. Въ эту минуту она мысленно переживала и чувствовала всю предстоящую опасность и всю отвѣтственность не только за исходъ операціи, но и за самую жизнь человѣка. Великая Княгиня съ глубочайшимъ, но нерѣдко непримѣтнымъ для окружающихъ, чувствомъ волненія творила благоговѣйно крестное знаменіе и послѣ этого спокойно, съ твердостью духа и рѣдкимъ умѣньемъ, помогала оператору, ободряя и вдохновляя сестеръ. Свои труды, сопровождавшіеся непрерывнымъ напряженіемъ силъ, безсонными ночами и тревогами, Великая Княгиня несла съ радостью и считала себя, среди этой очень тяжелой жизни, «счастливѣйшей въ мірѣ» И таковою она была на самомъ дѣлѣ. неустанный трудъ служенія ближнему, личное участіе ко всѣмъ, кому она могла облегчить физическія или нравственныя страданія, и нескончаемыя заботы о дальнѣйшемъ расширеніи созданныхъ ею благотворительныхъ учрежденій—все это давало ей такую полноту жизни, что она, поистинѣ, познала счастье на землѣ! Ея бодрый и радостный видъ укрѣплялъ и ободрялъ окружающихъ ..

Письма покойной Великой Княгини, писанныя ею къ различнымъ лицамъ, причастнымъ къ больничной дѣятельности, когда ей приходилось отсутствовать — большею частью изъ Ниццы, гдѣ она проживала послѣ операціи,—эти письма показываютъ, какъ сильно покойная Великая Княгиня любила свое дѣло. Въ разныхъ письмахъ она писала: «Не дождусь я счастливаго часа возвращенія во святую нашу обитель... Не могу выразить словами моихъ чувствъ радованія, когда я представляю себѣ близость возвращенія въ дорогую св. обитель! Радость узрѣть всѣхъ васъ, дорогихъ сестеръ, болящихъ, слѣпыхъ, убогихъ, всѣхъ дѣточекъ!.. Все близко моему сердцу—писала Великая Княгиня по полученіи письма отъ одной изъ сестеръ съ обстоятельнымъ описаніемъ состоянія больницы — все близко моему сердцу, всякое дыханіе моихъ дорогихъ больныхъ для

меня интересно. Радуюсь, что въ ихъ здоровьѣ есть нѣкоторое улучшеніе... Не дождусь писемъ... Душою я всегда съ вами всѣми, тѣло лишь мое въ Нишѣ»..

Такъ Великая Княгиня жила, работала и чувствовала до дня своей кончины...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы осматривали Кіевъ—мы видѣли его во всемъ его церковно-историческомъ величіи: поклонились многочисленнымъ святынямъ Кіево-печерской лавры, съ высокаго балкона гостепріимной лаврской гостинницы любовались «купелью русскаго народа»—чуднымъ Днѣпромъ и при блѣдномъ сіяніи тихой луны и въ страшную грозу, какой не запомнятъ старожилы; предъ нами прошелъ цѣлый рядъ древнихъ и новыхъ храмовъ и церковныхъ памятниковъ—Аскольдова могила, соборъ Андреевскій, Десятинная церковь, соборы Софійскій, новый Владимірскій, памятникъ св. Владиміру съ его чуднымъ электрическимъ крестомъ, другіе древніе монастыри.. Впечатлѣніе было громадно, предъ нами воскресла родная исторія, предъ нами проходили судьбы русской церкви, тысячи паломниковъ свидѣтельствовали, что эта исторія еще не кончилась, что пульсъ христіанской жизни русскаго народа бьется сильно. Волна церковной исторіи невольно охватывала сердце и наполняла его религіознымъ восторгомъ. Послѣднимъ пунктомъ нашихъ наблюденій былъ намѣченъ Покровскій-Княгининъ монастырь. Мы подошли къ нему уже въ приподнятомъ религіозномъ настроеніи, съ сердцемъ, жаждущимъ видѣть живой человѣческій подвигъ, расцвѣтшій на этомъ церковно-историческомъ древѣ. Уже обращено вниманіе на то, что «этотъ яркій свѣточъ благочестія и иноческаго подвижничества въ царственной семьѣ возгорѣлся въ эпоху благодатнаго обновленія русской національной мысли,—въ благодѣтельное царствованіе Александра III, когда Россія перевозмогла сбросить съ себя плетворныя духовныя путы Запада и рѣшительно повернула на свой исконный путь церковно-историческихъ идеаловъ національной жизни и мысли». И не прибѣгая къ тенденціозной окраскѣ факта, можно сказать, что покойная Княгиня любила православіе. Въ письмѣ къ одному церковно-общественному дѣятелю мы находимъ слѣдующія высоко-знаменательныя слова Великой Княгини: «Все, о чемъ я пишу, старо, но и не нужно новшествъ, напротивъ—возвращеніе ко временамъ Ѳеодора Студита!.. Усердно прошу

писать мнѣ—все, что касается св. Церкви; люблю ее какъ душу» .. Идеалы покойной Великой Княгини были истинно-церковные идеалы!

Когда мы проходили садомъ, заполняющимъ все пространство между зданіями Покровскаго монастыря, первое, что остановило на себѣ наше вниманіе, былъ большой надмогильный крестъ, съ надписью на немъ: Ея Императорское Высочество Августѣйшая строительница Благовѣрная Государыня Великая Княгиня Александра Петровна, во инокѝняхъ Анастасія, скончалась 13 апрѣля 1900 года на 62 году.

И величественный образъ Подвижницы-благотворительницы наполнилъ наши души, всколыхнулъ въ нашихъ сердцахъ глубокія чувства... Великая Княгиня, оставившая царственную высоту для скромной аскетической жизни подвижницы-инокини, до конца сохранила смиреніе. Въ послѣднія минуты своей жизни, при тяжелыхъ физическихъ страданіяхъ, она сдѣлала всѣ распоряженія о своемъ погребеніи, могилѣ, отпѣваніи и даже о поминовеніѝ столѣ. Простой сосновый, некрашенный гробъ былъ уже готовъ около десяти лѣтъ назадъ. Воля Царственной Инокини была та, чтобы ее погребли непосредственно въ землѣ, безъ сводовъ, на мѣстѣ, ею давно предназначенномъ—противъ алтаря монастырскаго храма (рядомъ съ Августѣйшей внучкой, дочерью Великаго Князя Петра Николаевича). При погребеніи, согласно той же волѣ покойной, не было ни рѣчей, ни вѣнковъ; отпѣваніе совершено по иноческому чину; простой деревянный крестъ — единственный надмогильный памятникъ. И невольно припоминались намъ глубоко-прочувствованныя слова описателя кончины Ея Императорскаго Высочества: «Скромная могила сокрыла отъ нашего взора Ея физическія черты, и тѣмъ съ большей силой возстаетъ предъ нами Ея нравственный обликъ во всемъ его величіи. Народной святыней станетъ Ея скромная могила потому, что Она сослужила великую службу русскому народу! Земной поклонъ принесетъ Ей Кіевъ и возвеличитъ Ея память, потому что Она создала Кіеву новую славу, избравъ его мѣстомъ своей жизни и дѣлъ! Преклонится предъ Нею русская женщина, какъ предъ идеальнымъ образомъ Милосердной Сестры русскаго народа! Своей жизнью, своими дѣлами, своею близостью къ простому народу усопшая Великая Княгиня скрѣпила русскій народъ съ Царемъ и Царствующимъ Домомъ—скрѣпила тою новою прочною нитью, которая соткана изъ самыхъ

возвышенныхъ душевныхъ качествъ, изъ любви къ народу и милосердія къ страждущимъ. Велики ея заслуги въ этомъ дѣлѣ. Земной поклонъ ей отъ всѣхъ живыхъ!»

Съ глубокимъ чувствомъ поклонились и мы праху Великой Женщины.

И пошли видѣть свидѣтелей ея великихъ дѣлъ.

Предъ нами одно за другимъ выплывали изъ-за густоты сада монастырскія больничныя зданія. Мы видѣли ихъ, удивлялись обширности этого благотворительнаго учрежденія, восторгались ихъ поразительною чистотою, обиліемъ свѣта.. Но что говорить о томъ, что уже достаточно описано и оцѣнено людьми компетентными, что засвидѣтельствовано статистическими данными.

Съ наибольшимъ вниманіемъ мы осмотрѣли хирургическую больницу, гдѣ насъ встрѣтила сестра Магдалина — старшая сестра хирургической больницы, интеллигентная, въ высшей степени любезная, преданная своему дѣлу. Она пребываетъ въ монастырѣ двадцать девятый годъ и двѣнадцатый годъ завѣдуетъ больницей. Она—ближайшая сотрудница и воспитанница Великой Княгини, о которой не можетъ говорить безъ слезъ.. Мы осмотрѣли палаты, операціонные залы, больничную церковь, столовую Въ столовой обращаетъ на себя вниманіе мраморная доска съ начертанными на ней словами: «Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна осчастливили больницу своимъ посѣщеніемъ 1896 года 21 августа». Его Величеству Государю Императору благоугодно было сдѣлать щедрое пожертвованіе на расширеніе больницы, и именно на это пожертвованіе было воздвигнуто въ 1897—1898г.—рядомъ съ хирургической больницей —новое зданіе терапевтической больницы Императора Николая II Тогда же, въ 1896 году, въ присутствіи Ихъ Величествъ, былъ заложенъ и новый соборный храмъ во имя Святителя Николая Это уже показываетъ, насколько Ихъ Величества остались довольны лечебно-благотворительными учрежденіями Покровскаго монастыря. Впослѣдствіи, по смерти Великой Княгини, Его Величество Государь Императоръ еще разъ выказалъ участіе къ благотворительному дѣлу покойной Великой Княгини. Все хозяйство больницы (и монастыря), при жизни Великой Княгини, велось лично ею, безъ всякой табели и нормировки По смерти ея, вопросъ о содержаніи лечебно-благотворительныхъ учрежденій Покровскаго

монастыря остался совершенно открытымъ. На содержаніе ихъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ 1900 года Государю Императору угодно было повелѣть отпустить изъ суммъ Министерства Двора и Удѣловъ 57 тыс. руб, а также 64 тыс. руб. для уплаты за пріобрѣтенный Почившей Августѣйшей Строительницей участокъ усадебной земли, прилегающей къ обители. Дальнѣйшее содержаніе медицинскихъ и благотворительныхъ учрежденій при монастырѣ навсегда было упрочено Высочайше утвержденнымъ ежегоднымъ отпускомъ изъ Государственнаго Казначейства 80 тыс. руб. (съ 1-го января 1901 года). Все это служитъ достаточнымъ основаніемъ того, почему больничныя учрежденія при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежительномъ монастырѣ носятъ имя Императора Николая II. Все это, въ свою очередь, достаточно показываетъ, почему посѣщеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1896 г. 21 августа было счастьемъ для Покровской обители.

Но изъ всѣхъ помѣщеній хирургической больницы преимущественно наше вниманіе къ себѣ приковала комната Ея Высочества Великой Княгини, въ которой протекли ея подвиги. Комната находится рядомъ съ церковью. Она не велика, и въ ней все сохранилось такъ, какъ было при покойной Великой Княгинѣ. Здѣсь вѣетъ Ея великій духъ, здѣсь на всемъ видны слѣды Ея великихъ думъ и великаго сердца. Все, что извѣстно о подвигѣ этой Царственной Женщины, наполняетъ душу паломника, при вступленіи его въ эту подвижническую келію, религіознымъ благоговѣніемъ. Здѣсь горѣла христіанская дѣятельная любовь ярымъ пламенемъ, здѣсь въ тиши и скромности совершалось истинно-христіанское дѣланіе, которое названо въ евангеліи «единымъ на потребу», здѣсь жила христіанская душа полною духовною жизнью, жизнью вѣры и единой любви къ Богу и ближнему,—здѣсь жила та, которая сказала: «Мнѣ не долго остается жить, но я свои старческія силы всецѣло желаю отдать на служеніе Господу и ближнему моему». Печать этого единаго подвига служенія Богу и ближнему лежитъ здѣсь на каждой вещи, во всѣхъ углахъ.

Недалеко отъ двери, налѣво, въ углу, стоитъ недлинная кушетка съ незатѣйливой подушкой, предъ нею на полу туфли, рядомъ съ нею небольшой круглый столикъ. Это, говорила намъ, охваченная горячимъ потокомъ воспоминаній, сестра Магдалина, это—мѣсто, гдѣ покойная Матушка спала. Обыкновенно спала

сидя. Голову склоняла на этотъ столикъ, ничего не стлала, только ноги закутывала одѣяломъ. И какъ спала! Двери открыты, и она прислушивалась къ тому, что происходило въ палатахъ. Едва только дежурная на звонокъ больной приходила не ту же минуту, являлась уже покойная Матушка и дѣлала, что было нужно. Даже дежурила по ночамъ.

Налѣво у стѣны книжный шкафъ. Это—тѣ немногія книги изъ богатой библіотеки покойной Великой Княгини, которыя были для нея настольными. Мы прочитали на корешкахъ имена свв. Димитрія Ростовскаго, Іоанна Златоустаго, Макарія Египетскаго, Василія Великаго и т. д.

Направо, въ переднемъ углу, икона: предъ этою иконою покойная Великая Княгиня, возвращаясь къ себѣ въ келію послѣ больничныхъ трудовъ, имѣла обыкновеніе молиться, произнося вслухъ: «благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоилъ меня послужить больнымъ».

Предъ иконой аналой, на которомъ большое славянское богослужебное евангеліе. Почти весь текстъ подчеркнутъ или краснымъ, или синимъ карандашомъ.

Что скрывается подъ этими помѣтками, трудно сказать: но во всякомъ случаѣ здѣсь мы видимъ указаніе на внимательное чтеніе этой священной книги.

Впереди аналоя въ стѣнѣ оконце въ церковь, а предъ нимъ кресло: здѣсь покойная Великая Княгиня внимала богослуженію, когда силы не позволяли ей стоять въ храмѣ.

На одномъ изъ столовъ, заполненныхъ разнаго рода вещами, обращаетъ на себя вниманіе псалтирь, можетъ быть снятая съ аналоя: псалтирь примѣчательна тѣмъ, что внутренняя обложка заполнена многими изреченіями, [illegible] собственною рукою покойной Великой Княгини. «Аще Господь восхощетъ и живи будемъ—Разумъ убо кичитъ, а любы созидаетъ.—Въ скорби призвалъ мя еси и избавихъ тя.—Тѣмже, братіе моя возлюбленная, тверди бывайте непоступни, избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда, вѣдяще, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ.—Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческія.—Азъ бо язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу» и т. д. Зная религіозныя воззрѣнія покойной Великой Княгини, ея взглядъ на первенствующее значеніе любви, ея смиреніе, ея болѣзненность, мы легко можемъ понять, почему ея взоры прилежно останавливались на этихъ изреченіяхъ. Мы какъ бы про-

читываемъ лѣтопись ея душевной жизни, подслушиваемъ ея бесѣду съ Богомъ, ея молитвенные вздохи.

На столѣ же мы видимъ большую разграфленную тетрадь, въ которую покойная Великая Княгиня собственноручно вписывала вновь прибывавшихъ въ ея больницу. Всякая, вновь поступающая больная, какъ бы вступала въ семью, ее уже не считали чужою, ее считали своею, родною. Великая Княгиня старалась узнать не только болѣзнь, но и душу больной, ея психику. Особенно она любила простой народъ, удрученныхъ не только болѣзнью, но и горемъ, бѣдностью. По ея настоянію часто не отказывали такимъ больнымъ, у которыхъ роковой исходъ не могъ уже быть задержанъ ни хирургіей, ни терапіей, — оставляли ихъ въ больницѣ, чтобы по крайней мѣрѣ доставить имъ на послѣдніе дни относительныя удобства, дать имъ внѣшній покой. «Если бы можно было, я бы весь міръ обняла любовью», часто повторяла Великая Княгиня. Въ ея шкафѣ хранились лакомства и вина для больныхъ. И она обыкновенно сама несетъ больной то рюмку портвейна, то чаю съ ромомъ, то дѣтямъ лакомствъ.

Мы посмотрѣли на послѣднюю исписанную страницу записной тетради: 1900 г. 26 марта. Воскресенье. № 145. Influenza Дарья Нѣмая 3 отд.—№ 232 Tubercul. art. cub. Грисюкова — № 228 Sarcoma mam. Ерохина.

Это былъ послѣдній день дѣятельности покойной Великой Княгини. 26 марта она слегла въ постель и уже не поднималась до смерти, послѣдовавшей 13 апрѣля. Богослуженіе страстныхъ дней и Свѣтлой Пасхи она уже выслушивала, лежа въ своей кели. Площаница вокругъ церкви обносилась чрезъ келію Великой Княгини и, для лобзанія, была поднята на ея голову. Лежа, Ея Высочество смотрѣла на огни пасхальной иллюминаціи, устроенной подъ непосредственнымъ руководствомъ Великаго Князя Николая Николаевича. Святую Пасху Покойная встрѣтила въ кругу своихъ Августѣйшихъ родственниковъ. Скончалась она на 2-й день Пасхи.

II. Вировская обитель.

Вировскій монастырь находится въ Сѣдлецкой губерніи, Соколовскомъ уѣздѣ. Отъ станціи ж. д. Соколовъ до Вирова что-то около 25 верстъ. Нашъ поѣздъ прибылъ въ Соколовъ

часовъ въ 9 утра 17 сентября. Этотъ день въ Вировѣ праздникъ. У вокзала я съ своимъ спутникомъ сѣлъ на одноконку. Скверныя мостовыя уѣзднаго города смѣнились, едва мы выѣхали изъ него, великолѣпнымъ казеннымъ шоссе. Мы вдругъ поняли, почему нашъ возница обѣщалъ намъ съ увѣренностью, что мы еще застанемъ въ Вировѣ праздничную службу. Лошадка бѣжала быстрою рысью... Былъ чудный солнечный день, въ блескѣ котораго разстилались поля сѣверо-западнаго края. Хотѣлось не говорить, а думать и думать. На фонѣ дѣйствительности въ воображеніи развертывались картины далекаго и недалекаго прошлаго. «Это фольваркъ пана такого-то», говорилъ намъ время отъ времени нашъ возница. Всюду возвышались громадные кресты съ латинскими распятіями. И эти черточки придавали пейзажу своеобразный характеръ, будили воспоминанія о своеобразной исторіи, заставляли думать о грядущемъ и «нашихъ» задачахъ. Мы ѣхали по полямъ католиковъ и калакутъ (упорствующихъ уніатовъ). Невольно думалось на темы, затронутыя священникомъ-публицистомъ І. Фуделемъ въ извѣстной трилогіи Наше дѣло въ Сѣверо-западномъ краѣ. «Обитель расположена въ мѣстности, заселенной сплошь упорствующими, которые въ своей ненависти ко всему православному поддерживаются тайною іезуитской пропагандой. Эти несчастные, забывъ вѣру предковъ, десятки дѣтъ находятся внѣ церковнаго воздѣйствія, отказываясь войти въ церковную ограду; не крестятъ младенцевъ, вырастаютъ и умираютъ безъ церковнаго напутствія. Безпроглядное невѣжество и дикость, сбитая съ толку вражьими навѣтами, служатъ причиной такого положенія дѣлъ». Католичество Польши имѣетъ политическое значеніе. Въ 64—65 годахъ Муравьевъ рѣшился очистить край отъ католичества. Появились «обращенія» крестьянъ-католиковъ цѣлыми приходами. Миссіонерами оказались чиновники, которые сами посѣщали храмъ только въ табельные дни. Наряду съ чиновниками-миссіонерами появился особый типъ «боевого» священника, въ политическомъ смыслѣ этого слова. «Это совсѣмъ особый типъ священника, незнакомый центральной Россіи и выработанный жизнью западной окраины преимущественно воздѣйствіемъ на нее католическихъ понятій. Такъ и называются эти священники боевые. Они представляютъ изъ себя довольно точную копію ксендзовъ. По крайней мѣрѣ дѣйствія ихъ всецѣло исходятъ изъ положенія: цѣль оправдываетъ средства

Высокомѣрное отношеніе къ своимъ прихожанамъ, подчиненіе ихъ себѣ посредствомъ тонко-выработанной дисциплины, разжиганіе въ нихъ политической ненависти къ своимъ противникамъ—достаточно характеризуютъ ихъ. Борьба явная и тайная съ ксендзами всѣми возможными средствами, постоянные розыски лицъ, упорно отклоняющихся отъ православія, воздѣйствіе на нихъ чрезъ посредство чиновъ полиціи, постоянное хожденіе по судамъ и возбужденіе дѣлъ о совращеніи—занимаютъ у этихъ пастырей все ихъ свободное время». Результаты такого миссіонерства чиновниковъ и пастырей, легко понять, были не особенно благопріятны для истиннаго дѣла православной церкви. Необходимо искать новыхъ путей православнаго миссіонерства. «Чѣмъ больше свѣта будетъ внесено въ эту тьму упорствующихъ, чѣмъ больше тепла почувствуютъ эти закостенѣвшіе люди, тѣмъ скорѣе рухнетъ искусственная преграда между ними и нами. И этотъ свѣтъ, и это тепло можетъ внести только женщина. Кому неизвѣстно громадное вліяніе женщины въ семьѣ? Женщина можетъ внести въ семью тотъ духъ, который ей самой внушенъ, и дѣлаетъ она это всегда съ тою долею фанатизма и упорства, на которое способна только женщина. Стало быть воспитаніе дѣвочки, воспитаніе будущихъ женъ и матерей—есть первое условіе и единственно-вѣрное средство для достиженія нашихъ цѣлей. Мы говоримъ в о с п и т а н і е и подчеркиваемъ это слово, такъ какъ простое обученіе грамотѣ еще слишкомъ недостаточно для воздѣйствія на семью. Тутъ нужна выработка въ извѣстномъ направленіи, закалка духа. Эту выработку дастъ религіозно-нравственное воспитаніе въ хорошей церковно-приходской школѣ подъ воздѣйствіемъ Церкви».

Такова обстановка, въ которой дѣйствуютъ наши знаменитые сѣверо-западные монастыри новаго типа — Вировскій и Лѣснинскій. Я ѣхалъ не съ тѣмъ, чтобы видѣть миссіонерскіе плоды дѣятельности этихъ монастырей,—я интересуюсь исключительно ихъ нравственными, евангельскими задачами, — и меня радуетъ, что почтенный пастырь-публицистъ ставитъ наше сѣверо-западное дѣло на нравственную почву. Но ужъ если зашла рѣчь о церковной обстановкѣ, которая придаетъ особый оттѣнокъ нравственной дѣятельности ихъ, то считаю нужнымъ отмѣтить тѣ измѣненія, которыя произведены въ этой обстановкѣ недавнимъ манифестомъ о свободѣ совѣсти. Многіе рѣшали этотъ вопросъ, съ теоретической-точки зрѣнія, радикально

и безъ ограниченій. Но трудно было предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ привела свобода совѣсти на сѣверо-западной окраинѣ. Православіе быстро оказалось гонимымъ и совершенно беззащитнымъ. Національное католичество Польши отпраздновало свободу совѣсти необычайно торжественно. Мѣстность, по которой мы ѣхали, изобиловала, кромѣ старинныхъ крестовъ, свѣжими тріумфальными воротами изъ зелени. Это—слѣды объѣзда мѣстности католическимъ епископомъ при новыхъ условіяхъ. Его сопровождали огромныя толпы ликующаго народа, его окружала конница изъ нѣсколькихъ сотенъ всадниковъ въ національныхъ костюмахъ. Уже одна эта пышность угнетала православныхъ. Но этого мало. Всюду раздавались побѣдные клики католичества: «пришелъ конецъ русской схизмѣ. Самъ царь принялъ польскую вѣру. Спѣшите,—говорили католики православнымъ, принять католичество,—иначе вы скоро останетесь безъ крещенія и вѣнчанія». Цѣлые приходы обращенныхъ прежде въ православіе политическими средствами объявляли себя теперь католиками. Исконно-православнымъ ставились всякія затрудненія въ удовлетвореніи религіознымъ потребностямъ. Раздался плачъ православныхъ. Конечно, эти побѣдные клики католичества, его наступленіе—не подавляли бы православія, если бы православные оказались болѣе подготовленными къ новымъ порядкамъ. Но новые порядки явились неожиданно; православный народъ къ нимъ не былъ подготовленъ. Наканунѣ манифеста у насъ не позволялось писать о свободѣ совѣсти. Въ моментъ радостнаго по существу манифеста сказались горькіе плоды византійскаго строя церковной жизни. И вотъ, независимо отъ того, какъ рѣшается вопросъ о свободѣ совѣсти съ теоретической точки зрѣнія, практически отношеніе православія къ католичеству въ сѣверо-западномъ краѣ поставило предъ поборниками евангельскаго мира высокую задачу — укрѣпить, утѣшить, ободрить гонимыхъ, умиротворить враждующихъ...

По Дрогичинскому шоссе мы проѣхали отъ Соколова до Скрешева верстъ 19. Здѣсь дорога на Вировъ сворачиваетъ въ сторону. Еще не такъ давно этотъ остатокъ пути до обители представлялъ путешественникамъ затрудненія, почти непреодолимыя въ распутицу. Нынѣ же, по ходатайству покойной игумени Анны, и этотъ путь шоссированъ до самой обители... Мы спустились въ лощину, поднялись на откосъ,—и предъ нами открылась Вировская обитель, расположенная на высокомъ берегу

Бугa Обнесенная всего лишь невысокою изгородью, не прячась за стѣнами, скромная обитель показывала намъ, едва мы стали приближаться къ ней, свою внутреннюю жизнь: лужайка внутри изгороди, между зданіями, была усѣяна праздничнымъ людомъ— въ глубинѣ предъ главнымъ храмомъ, гдѣ шла еще не окончившаяся литургія, богомольцами, которые не могли помѣститься въ небольшомъ храмѣ, а ближе къ изгороди и повсюду—дѣтьми. Пестрая праздничная толпа. И непріятно поразило насъ, что подъ самымъ монастыремъ шла оживленная работа—осенняя пахота Нашъ возница разсѣялъ наше недоумѣніе. небольшой— обидно небольшой участокъ, занимаемый монастырскими зданіями, окруженъ землею, не принадлежащею монастырю. Если бы не отсутствіе панскихъ построекъ близъ монастыря, если бы не широкій видъ, открывающійся въ сторону Буга, если бы не извѣстная скромность святого мѣста и всепобѣждающая кротость его обитательницъ, не отгораживающихся отъ міра, но несущихъ ему любовь и добро,—то было бы жутко за эту затерявшуюся на чужой окраинѣ обитель. Шагомъ въѣхали мы въ монастырь. Справа и слѣва живою веселою стѣною стояла дѣтвора, уже отслушавшая свою обѣдню. На насъ смотрѣли сотни любопытныхъ довѣрчивыхъ глазъ, насъ привѣтствовали дружелюбные дѣтскіе голоса. Мы видѣли своими глазами то, что трудно видѣть жителямъ средней Россіи· монастырь, переполненный дѣтьми.

Мы въѣхали въ монастырь съ запада; съ восточной стороны отъ него протекаетъ Бугъ, на высокомъ берегу котораго стоитъ главный монастырскій храмъ во имя Всемилостиваго Спаса— бывшій католическій костелъ. Два ряда монастырскихъ зданій идутъ съ сѣверной и южной сторонъ. Съ сѣверной стороны, слѣва отъ въѣзжающихъ, первыми бросаются въ глаза два красивыхъ и огромныхъ зданія—дѣтскій пріютъ и далѣе школа съ Свято-Леонтьевскою церковью для дѣтей. Зданія новыя каменныя, двухъэтажныя. Далѣе, противъ храма, въ глубинѣ сада небольшая гостиница, предъ нею, ближе къ храму, два миніатюрные домика—одинъ служитъ для пріема почетныхъ гостей и другой—живописная. Этотъ рядъ построекъ оканчивается службами, расположенными уже внизу на берегу рѣки и не видными со стороны въѣзда. Справа отъ въѣзжающихъ, еще внѣ изгороди, находятся пять домиковъ для монастырскаго причта. Затѣмъ, внутри монастыря, идетъ рядъ зданій, кажется, соеди-

ненныхъ между собою — богадѣльня, больница, «монашеская» церковь во имя св. Серафима, кельи и, уже противъ храма, въ глубинѣ сада, трапезная, помѣщеніе игумени, канцелярія. Послѣднія помѣщенія—старый ксендзовскій домъ, обнесенный верандою, которая и служитъ трапезною въ лѣтнее время. Ужъ бѣглый обзоръ монастырскихъ зданій въ высшей степени поученъ и наводитъ на многія размышленія. Все бросающееся въ глаза, возможно красивое, удобное и даже богатое — это храмы и благотворительныя учрежденія. Храмы еще сравнительно бѣдны. Бѣденъ и недостаточно помѣстителенъ главный храмъ: умилятъ своею скромностью «монашеская» домовая церковь, но уже хороша дѣтская церковь — высотою въ два этажа, съ хорами. Настоящимъ архитектурнымъ украшеніемъ монастыря служатъ оба зданія для дѣтей. Во всякомъ случаѣ поражаетъ наряду съ красивыми и богатыми дѣтскими помѣщеніями скромность монашескихъ помѣщеній. Въ монашескомъ зданіи имѣются келіи только для немногихъ монахинь; комната игумени болѣе чѣмъ проста и неприхотлива. Видъ монастырскихъ зданій невольно заставляетъ спросить: гдѣ же помѣщаются сестры? Ближайшее знакомство съ монастырскою жизнью дало намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: сестры—а ихъ до 200—находятъ себѣ пристанище тамъ, гдѣ проходятъ послушаніе: въ аптекѣ, въ больницѣ, въ богадѣльнѣ, въ дѣтскомъ пріютѣ, въ школѣ. Какой нибудь уголокъ, каморка на чердакѣ, на полу въ комнатѣ, которая освобождается на ночь—въ дѣтской столовой и т. д., и т. д.—вотъ мѣста ночного покоя сестеръ-труженицъ. Все для другихъ и почти ничего для себя—таковъ девизъ монастыря.

Въ гостиницѣ мы помылись съ дороги и переодѣлись, и поспѣшили въ церковь. Мы застали конецъ литургіи, которую совершалъ холмскій преосвященный Евлогій. Изъ боковой комнатки при алтарѣ, гдѣ мы стали, не было видно хода богослуженія, издали доносились слова и пѣніе. И мысль уносилась вдаль; думалось о томъ, что было прежде тамъ, гдѣ теперь мѣсто свято. «Вировъ когда-то былъ страшилищемъ всякаго запоздалаго путника. Овраги надъ Бугомъ, прикрытые кустами въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь обосновалась женская Вировская пустынь, служили удобнымъ уголкомъ, за которымъ въ былое время таился не одинъ разбойникъ и бродяга. Разумѣется, это было давно, и быльемъ поросло. Окрестные жители и даже власти имѣли основа-

ніе тогда избѣгать этого мѣста, а странникъ дѣлалъ значительный кругъ, лишь бы обойти завѣдомый притонъ. Позднѣйшая исторія Вирова не сложна Въ 1894 году вировскій, много лѣтъ пустовавшій по случаю закрытія, костелъ былъ перестроенъ въ церковь, а 31 іюля того же года новоустроенный храмъ былъ освященъ». Вотъ что уже прежде я прочиталъ у С. Колосова «Изъ дорожной записной книжки». Въ воображеніи рисовались картины изъ прошлаго по контрасту съ настоящимъ.

По окончаніи литургіи былъ совершенъ крестный ходъ на могилу покойной игумены Анны, находящуюся недалеко отъ храма съ южной стороны. Скромная могилка, но какъ много она говоритъ и напоминаетъ обитательницамъ Вирова. Это ихъ святыня. Покойная игумена Анна то же для Вировской обители, что В. Княгиня — въ иночествѣ Анастасія для Покровскаго монастыря и что игумена Екатерина для Лѣснинскаго монастыря. Какъ при ея жизни монастырь жилъ ею, такъ теперь живетъ памятью о ней. «Чтобы убѣдиться,—писала намъ игумена Софія (въ мірѣ княгиня С. А. Шаховская), преемница игумены Анны, отъ которой я получилъ сердечное благословеніе посѣтить Вировъ,—чтобы убѣдиться, до какой степени жива и постоянна память о святой подвижницѣ въ обители нашей, вамъ необходимо пріѣхать къ намъ и тогда вы увидите, что, какъ выразилась одна богомолица, не знавшая ея,—въ Вировѣ пѣснь «Вѣчная память» совершенно теряетъ свое ужасающее значеніе, такъ постоянно и съ любовью слышится она и въ церкви и на дорогой могилкѣ, гдѣ сестры и дѣти по нѣскольку разъ въ день поютъ ее, и въ кели покойной матушки, въ которой каждую недѣлю служится литія, и которая оставлена нами въ томъ видѣ, какъ она была при жизни усопшей. Не мнѣ, недостойной преемницѣ ея, возможно что-либо прибавить въ Вировѣ, въ духовномъ строѣ обители, и я только прошу васъ непремѣнно пріѣхать помолиться у насъ, на нашей могилкѣ»...

Покойная игумена Анна — центральная фигура въ исторіи Вировской обители.

Участвуя въ искренней и горячей молитвѣ вировскихъ труженицъ объ усопшей, я воспроизводилъ въ своей памяти ея жизнь. (Нижеслѣдующія біографическія свѣдѣнія взяты изъ «Некролога игумены Вировскаго монастыря Анны», принадлежащаго перу священника Мизецкаго, бывшаго настоятеля Сѣдлецкой церкви, нынѣ, кажется, служащаго въ Варшавѣ, который принималъ

близкое участіе въ жизни Вировской обители и издалъ нѣсколько брошюръ съ цѣлью популяризаціи свѣдѣній о ней).

Скончавшаяся 29 августа 1903 г. игуменія Вировскаго монастыря Анна, въ мірѣ Анна Александровна Потто—дочь завѣдывающаго артиллерійскими складами Брестской крѣпости, родилась въ Брестѣ 9 декабря 1865 года. Еще младенцемъ осталась сиротой, безъ матери. На фотографической карточкѣ, сохранившейся съ того времени, когда ей было 6 лѣтъ, видимъ Анну Александровну худенькою, съ задумчивыми, не по лѣтамъ, серьезными, скорбными глазками, съ густыми, длинными двумя косами.

Въ Варшавѣ «Аня» дѣлается неузнаваемою, другимъ существомъ. Она тамъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ г-жи Брендель, откуда ходитъ въ первую женскую гимназію. Когда она на каникулы пріѣзжаетъ въ Брестъ, ее не узнаютъ: живая, граціозная, танцующая, всѣхъ одушевляющая, 15½ лѣтъ отъ роду Анна Александровна кончаетъ гимназію съ медалью. Назначенная на должность помощницы главной воспитательницы Холмскаго Маринскаго училища Маріи Наумовны Нолле, она въ ней находитъ свою вторую мать, подъ ея руководствомъ проходитъ житейскую науку, дѣлается серьезнымъ тружепикомъ. Шесть лѣтъ административной, учебной и хозяйственной жизни въ Холмѣ были отличною подготовкою для будущей игуменіи Вировскаго монастыря. Совершенно новый, невѣдомый дотолѣ міръ вносятъ въ идеальную душу Анны Александровны Потто-Холмская гора, архіепископъ Леонтій, епископъ Флавіанъ, ученые монахи—Антоній, Владиміръ, Серафимъ. Въ это время и Лѣснинская обитель стала манить къ себѣ своими подвигами уже замѣчательную Анну Александровну. Когда она пріѣзжала изъ Холма въ Брестъ, новая перемѣна съ нею бросалась въ глаза. «Правда ли, что Аня въ монастырь поступаетъ?» спрашивали прежніе ея друзья и подруги... Выходъ въ отставку М. Н. Нолле и переводъ Анны Александровны изъ Холма въ Калишскую гимназію сдѣлалъ ее замкнутою, пока она черезъ два года послѣ того не поступила въ Лѣснинскій монастырь. Здѣсь она имѣла предъ собою житіе препод. Ѳеодосія въ Кіевопечерской лаврѣ до игуменства: первою въ церковь приходила, послѣднею выходила; участвовала въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. Подъ руководствомъ старца протоіерея Тимоѳея Софроновича она изучила практически весь церковный уставъ, съ буквальнаго исполненія котораго до смерти не отступала и на іоту. Знавшіе ее знаютъ и ея искус-

ство владѣть перомъ,—этотъ даръ она принесла на службу обители, работая постоянно въ ея канцеляріи. Знаніе канцелярской работы весьма пригодилось потомъ для Вирова. Она же уроки давала дѣтямъ въ монастырской школѣ, она же и благочинною скоро стала въ обители .. 22 сентября 1890 года архіепископъ Леонтій постригъ ее въ рясофоръ.

Много выпустила изъ своего Лѣснинскаго гнѣзда знаменитая игумена Екатерина птенцовъ своихъ. Въ разныхъ мѣстахъ они продолжаютъ нести великіе ея апостольскіе труды. Теолинъ, Радочница, Турковицы, Красностокъ... Но труды м. Анны въ Вировѣ паче другихъ.

Пробывъ годъ въ Теолинѣ, съ 18 октября 1893 года, гдѣ она трудилась въ дѣлѣ созиданія обители, 18 сентября 1894 года она получила назначеніе быть завѣдывающею Вировскимъ отдѣленіемъ Лѣснинскаго монастыря. Что она тогда застала и что оставила? Застала церковь и два деревянныхъ ветхихъ дома, еще покостельныхъ,—оставляетъ созданныя ею многочисленныя зданія. Земли въ обители мать Анна прикупила у помѣщика на 6 тысячъ рублей, пожертвованныхъ Государемъ Императоромъ изъ личныхъ средствъ Много хлопотала матушка, пока получила для обители пожалованное имѣніе Ставы въ Гродненской губерніи. Оно еще въ арендѣ отъ казны. Вблизи монастыря м. Анна купила два имѣнія—одно въ Чекановѣ за 37 тысячъ руб., лично ею выпрошенныхъ у Государя Императора Тамъ она устроила сельско-хозяйственную школу для дѣтей. Другое—въ Моложевѣ, гдѣ возвела нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ построекъ для двухклассной мужской школы. На какія же средства все это въ обители Вировской, въ Чекановѣ и Моложевѣ м Анна построила и устроила? Трудно вообразить, какими она неимовѣрными трудами добывала на все это средства. Крѣпко вѣруя въ помощь Божію, огнемъ горя состраданіемъ къ ближнимъ, она никому не отказывала, всѣхъ принимала, строила для нихъ въ долгъ, въ долгъ одѣвала и кормила и потомъ слезы лила предъ кѣмъ сѣдустъ и просила. Въ какихъ она постоянно затруднительныхъ обстоятельствахъ была—ужасъ находитъ! И такъ все время, до смерти. Посѣтивъ обитель въ первый годъ житія м. Анны въ Вировѣ, ея жизнеописатель, протоіерей Мизецкій, узналъ здѣсь, что м. Анна и 12 сестеръ нѣсколько уже дней ничего не ѣдятъ; хлѣба и картофеля нѣтъ А онѣ и не говорятъ ничего и не пишутъ. Чтобы увеличить свою личную помощь, почтенный про-

тоіерей сдѣлалъ въ Сѣдлецѣ подписку среди дамъ и собранное отправилъ въ Вировъ. Скоро въ обители обучалось до 30 дѣтей. Для нихъ тоже сборъ былъ въ Сѣдлецѣ. Собирались пожертвованія всѣмъ—платьемъ, полотномъ, платками, обувью и проч. Прошелъ годъ, а нищета въ Вировѣ была неописанная. Получилъ о. протоіерей отъ архіепископа Флавіана письмо прибыть къ нему по дѣлу о печальномъ состояніи Вировскаго отдѣленія Лѣснинскаго монастыря, такъ какъ оное не имѣетъ средствъ къ существованію. Это отдѣленіе Лѣснинскаго монастыря тогда существовало только церковною землею въ Чекановѣ. Уже поѣхалъ опъ съ м. Анною въ Варшаву. Но какъ разъ въ этотъ день на имя м. Анны прислалъ первое свое письмо съ деньгами о. Іоаннъ Кронштадтскій. Радости м. Анны конца не было. И владыка согласился продлить существованіе Вирова.

Высокоподвижническая, просвѣтительная и благотворительная дѣятельность матери Анны въ Вировѣ стала извѣстною въ Варшавѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Отовсюду ей стали присылать помощь. Особенно сталъ благоволить къ ней о. Іоаннъ Кронштадтскій, который даже посѣтилъ обитель Анны. Въ Варшавѣ къ ней очень благоволилъ князь Имеретинскій и супруга его Анна Александровна... Архіепископъ Флавіанъ часто благотворилъ обители и былъ внимателенъ къ нуждамъ ея настоятельницы. Любилъ ее, едва-ли не больше всѣхъ, высокопреосвященный Іеронимъ и много ей лично и обители помогалъ. Отеческую любовь свою къ ней онъ особенно выразилъ въ рѣчи при возведеніи ея въ санъ игумены 1 августа 1899 года, вручая ей игуменскій жезлъ. Тогда же и Вировъ возведенъ былъ въ первоклассный монастырь.

Слава о Вировской обители и о ея настоятельницѣ дошла и до Государя. 23 мая 1898 года на докладѣ синодальнаго оберъ-прокурора онъ написалъ: «Благотворная дѣятельность Вировской общины имѣетъ важное значеніе для всего населенія въ краѣ. Пріобрѣтеніе земли настоятельно необходимо. Нужную для этого сумму 6000 рублей жертвую отъ себя». Чрезъ два мѣсяца послѣ этого 21 іюля м. Анна имѣла счастье представляться Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. 9 октября 1901 года въ Спалѣ второй разъ представлялась она Ихъ Величествамъ и тамъ удостоилась продолжительной бесѣды о состояніи своей обители. Государь не только исполнилъ всѣ просьбы

м. Анны. по потомъ къ празднику Рождества Христова и сверхъ просьбы осчастливилъ присылкою обители 1000 рублей. Предъ своею смертью м. Анна была утѣшена извѣстіемъ, что Государь Императоръ повелѣлъ выдавать изъ Государственнаго казначейства на нужды Вировской обители ежегодно по 23 тысячи 500 р.

Въ апрѣлѣ 1902 года м. Анна была по дѣламъ обители въ Петербургѣ, и тамъ открылась въ ней сильная чахотка. Чтобы спасти драгоцѣнную жизнь дорогого человѣка, м. Анну отправили 22 апрѣля въ Италію, откуда 20 іюля она возвратилась поправившеюся, съ надеждою на выздоровленіе. Но она немедленно съ такимъ жаромъ отдалась работѣ, что болѣзнь возвратилась. и больную опять отправили въ Nervi 17 ноября. 7 мая 1903 года она возвратилась изъ заграницы безъ голоса, еле двигаясь. По пути въ Nervi она по особому случаю была у венеціанскаго патріарха, кардинала Джузеппе Сарто и получила отъ него благословеніе. Тогда никто не зналъ, что онъ скоро будетъ папою Піемъ X. За мѣсяцъ предъ смертью м. Анна получила отъ Кіевскаго митрополита 2 тысячи рублей на постройку трапезной церкви во имя Серафима Саровскаго 31 іюля была закладка этой церкви, но м. Анна этого торжества не могла видѣть, болѣзнь уже приковала ее къ одному мѣсту. 19 іюля ее въ послѣдній разъ носили въ церковь. Съ 1 августа она ежедневно причащалась. Въ послѣдній день причастилась два раза, утромъ и вечеромъ. Сама сказала читать молитвы на исходъ своей души. Когда что невнятно читали, она просила читать медленно и ясно. Прощалась со всѣми сестрами, плачущими и рыдающими. Около 12 часовъ ночи просила читать евангеліе. Читали о блаженствахъ. Претерпѣвая страшныя страданія, она просила поминутно: «молитесь, молитесь, чтобы Господь помогъ мнѣ вынести эти страданія. Я просила у Бога страданій. Не знала, что они такъ тяжелы». Своего духовника она просила положить руки ей на голову и молиться. Говорила, что ей такъ легче. Въ 12 часовъ ночи она отпустила духовника, сказавъ ему: «идите домой и тамъ молитесь, чтобы Господь принялъ мою душу». Сестры потомъ слышали, какъ умирающая говорила: «Господи, слава тебѣ! Господи, благодарю Тебя!» Въ 1 часъ ночи подвижница Христова предала Ему духъ свой...

Это жизнеописаніе—житіе святой, но и отличается нѣкоторыми чертами отъ обычнаго типа житій. Была живая, граціозная, любила танцы... Затѣмъ самое острое подвижничество, такое по

движничество, что Лѣснинская игуменія Екатерина отсылаетъ ее отъ себя на самостоятельный постъ въ Вировъ со словами: «я не хочу, чтобы ты у меня на глазахъ умирала въ чахоткѣ». Эти слова оказались пророческими. Но и умирая отъ своего подвижничества, м. Анна не умѣщалась въ застывшей формѣ житійной святости. «Ей хотѣлось жить», говорила намъ м. Софія, сопровождавшая покойную въ Nervi. «Ей не хотѣлось умирать», передавала и м. Екатерина. «Ты на меня не сердись, говорила ей, прощаясь, усопшая, каюсь, каюсь»... На полотнѣ такой жизнерадостности картина христіанскаго устремленія къ небу оказывается религіозною тайною, выступающею за рамки соціальной пользы. Съ религіозной точки зрѣнія цѣнны личности, а не дѣла.

Въ описаніи погребенія м. Анны мнѣ глубоко запала въ душу одна страничка. Первый день и ночь по смерти ея были дождливые. Въ воскресенье 31 августа утромъ выкатилось изъ-за Буга чудное, ясное солнце. Такъ оно, пишетъ протоіерей Мизецкій, восходило и въ XV вѣкѣ, когда, по свѣдѣніямъ изъ Виленскаго центральнаго архива, здѣсь была православная церковь; такъ оно восходило и въ 1712 году, когда умеръ незабвенный создатель церкви Іоанна Крестителя въ Вировѣ Іоаннъ Годлевскій; такъ оно восходило и 100 лѣтъ послѣ того, когда Кушель сжегъ все, созданное Годлевскимъ; такъ оно всходило, когда въ наши дни, послѣ возсоединенія уніатовъ, ксендзъ Вировскій сдѣлалъ Вировъ центромъ упорства; такъ оно восходило, когда этотъ ксендзъ въ день воскресный утромъ застрѣлилъ себя двадцать лѣтъ назадъ; такъ оно восходило, когда 10 лѣтъ назадъ опять въ Вировѣ воскресла церковь и православіе... Былъ такой случай. Чей-то черепъ изъ размытаго Бугомъ кладбища Вировскаго, древняго, принесла вода къ берегу обители, когда тамъ стояла мать Анна. Она взяла изъ воды черепъ, благословила его, сотворила надъ нимъ молитву, зря къ востоку. И солнце глядѣло на тотъ черепъ. Матушка понесла его на гору свою и погребла при церкви. Девять лѣтъ солнце Вировское, восходя за Бугомъ, первымъ дѣломъ глядѣло въ келію м. Анны и почти всегда заставало ее за работою, измученную, еще не дававшую сна очамъ своимъ. Иногда солнце видѣло тамъ то, что такъ тщательно скрывалось отъ всѣхъ, напр., лежащаго въ крошечной келіи игуменьи больного нищаго... Въ послѣдніе два мѣсяца солнце глядѣло уже и на нее болящую, изсохшую, зрящую къ смерти. 31 августа оно явилось, послѣ предшествовавшихъ посмурныхъ дней, во всей

славѣ видѣть славное погребеніе закрывшей очи навѣки, неусыпавшей въ нощныхъ и дневныхъ трудахъ и молитвахъ Вировской Анны.

Я припомнилъ эту страницу, потому что и 17 сентября 1905 года яркое солнце освѣщало и славу крестнаго хода и толпы слезно молящихся монастырскихъ сестеръ и монастырскихъ дѣтей Мѣсто своей могилы покойная подвижница сама выбрала,— съ правой стороны Вировскаго храма, противъ алтеря Сюда она просила выносить ее въ послѣдніе дни; тамъ сидѣла и говорила: «вотъ сюда вы будете ходить ко мнѣ и бесѣдовать со мною на моей могилѣ» .

Красный звонъ обратилъ наше вниманіе на... знаменитую монастырскую колокольню Она находится къ югу отъ входа въ храмъ, недалеко отъ него. По виду это верхушка вѣтряной мельницы, ветхая-преветхая. Конечно, это единственная по своему убожеству колокольня. Не менѣе примѣчателенъ и обитающій въ ней звонарь Ѳеона. Звонарь этотъ, по чьему-то совѣту, звонилъ по смерти м. Анны день и ночь 40 дней и 40 ночей. Въ брошюркѣ П. Зомного «Среди друзей человѣчества» при описаніи этой колокольни сказано: «здѣсь подъ колоколами въ миніатюрной келійкѣ ютится мать Фіона-звонарь». Эта описка даетъ поводъ къ добродушному монастырскому юмору... Я позднѣе видѣлъ этого прислужника Вировскаго храма .. На его лицѣ сіяла такая безконечная евангельская простота, которую не часто приходится встрѣчать...

По окончаніи службы я былъ свидѣтелемъ трогательной картинки изъ монастырской жизни Игуменія Софія оставила управленіе монастыремъ по слабости своего здоровья и особенно по болѣзни ногъ; утромъ этого дня игуменскій посохъ былъ врученъ ея преемницѣ м. Сусаннѣ. Въ саду, на небольшой площадкѣ предъ бывшимъ ксендзовскимъ домомъ, происходило сердечное прощаніе Вировскихъ обительницъ, сестеръ и дѣтей со своей матушкой, оставлявшей управленіе монастыремъ, хотя и не покидавшей монастыря. То, что я видѣлъ, краснорѣчиво говорило о сердечной и нѣжной любви монастырскихъ труженицъ и дѣтей къ достойной замѣстительницѣ покойной м. Анны... Новая игуменія Сусанна (дочь знаменитаго петербургскаго артиста Мельникова), непосредственно предъ тѣмъ подвизавшаяся въ Краспостокскомъ монастырѣ—изъ той же «Лѣснинской» школы, своя въ этой «семьѣ»...

Вслѣдъ затѣмъ мы были приглашены къ трапезѣ на верандѣ «ксендзовскаго» дома, и съ той минуты до самаго отъѣзда мы непрерывно находились въ ласковой атмосферѣ привычнаго и простосердечнаго гостепріимства прежней игуменіи Софіи и новой игуменіи Сусанны. Кромѣ преосвященнаго Евлогія, отбывшаго вскорѣ послѣ обѣда, здѣсь были Лѣснинская игуменія Екатерина и Красностокская Елена. Предъ нами была семья родныхъ душъ, согрѣтыхъ одною идеею христіанскаго добра, однимъ родомъ христіанской дѣятельности, хотя и съ индивидуальными оттѣнками. Оживленная и поучительная бесѣда съ перерывами затянулась до поздняго вечера.

Въ этомъ же «ксендзовскомъ» домѣ находится и келлія покойной м. Анны. Трудно представить жилую комнату меньшихъ размѣровъ и съ такою незатѣйливою обстановкою. Передній уголъ, завѣшанный иконами; предъ нимъ аналой. Подвижническое ложе. Миніатюрный некрашенный столикъ, на которомъ усопшая вела обширное письмоводство... Сколько было пережито, передумано и перечувствовано въ этихъ стѣнахъ, сколько здѣсь угерто слезъ, сколько облегчено страданій. Здѣсь умеръ восьмидесятилѣтній старикъ, которому не нашлось мѣста въ богадѣльнѣ. Здѣсь лежала 14-лѣтняя католичка, болѣвшая натуральною оспою. Здѣсь помѣщалась больная дефтеритомъ дѣвочка,—за нею м. Анна ухаживала и послѣ того сама опасно хворала. Многочисленная семья офицера, попавшаго въ бѣду, вся была пришята м. Анною въ Вировъ и была помѣщена въ домъ за обителью на полное содержаніе, пока бѣда не миновала. Семья чиновника, попавшаго въ тюрьму и позднѣе по суду оправданнаго, спаслась отъ голода и холода тоже въ Вировѣ.

Когда все это узнаешь, то начинаешь понимать, что такое великія дѣла, въ которыхъ обнаруживаются великія души. «По дѣламъ ихъ узнасте». И двойное чувство переполняетъ сердце. Съ одной стороны, глубоко постигаешь собственное ничтожество,—но вмѣстѣ съ тѣмъ радуешься за человѣка, за человѣчество,—и въ этомъ соприкосновеніи съ великими душами, съ ихъ дѣлами, самъ становишься лучше, чище; по крайней мѣрѣ хочется быть лучше. Вотъ въ чемъ цѣнность «иного подвига человѣческаго», отличная отъ соціальной пользы. Прекрасныя больницы и школы можно устроить на деньги, и ужъ, конечно, успѣхъ медицинскаго дѣла или учебнаго не зависитъ отъ того, что для этого дѣла, для его основанія «потеряна жизнь человѣческая»

Но цѣнность подвига не въ томъ только, что онъ замѣняетъ хорошія учрежденія,—онъ дорогъ по своему дѣйствію на человѣческую душу. Когда его видишь, слышишь о немъ, на сердцѣ становится тепло и радостно,—и радости этой ничто не отниметъ, напротивъ она освѣтитъ всякую тьму, побѣдитъ всякую злобу.

Тотъ же характеръ душевнаго умиротворенія имѣетъ и миссіонерство такихъ «православныхъ», какою была м. Анна. Вотъ уже оглашенный въ печати разсказъ ксендза о покойной подвижницѣ «Приглашенъ я былъ—передаетъ ксендзъ — настоятельницей обители напутствовать умирающаго въ обители католика Я немедленно отправился исполнить свой долгъ. Подъѣзжаю къ монастырю и что же увидѣлъ? Это худая, блѣдная и высокая м. Анна впереди, а за нею всѣ монахини съ возженными свѣчами въ рукахъ ожидали ксендза съ Св Дарами и привѣтствовали меня, служителя Божія, смиреннымъ поклономъ. Я видалъ всякіе въ жизни виды, но истинно христіанскій поступокъ вировскихъ монахинь сбилъ меня съ толку, и я не сразу нашелся, чтобы дать понять почтеннымъ людямъ, какъ меня тронуло ихъ поведеніе Въ душѣ моей явилось недоумѣніе: какъ же это такъ—еще вчера ко мнѣ доносились побѣдные клики о томъ, что вировскія монахини пришли сюда бороться и побѣждать, а сегодня вижу ихъ смиренными, воздающими достодолжную честь моей религіи, моей святынѣ? Съ тѣхъ поръ прошло уже не мало времени, я ближе познался о дѣлахъ и жизни вировскихъ монахинь. Я не знаю, побѣдятъ ли монахини исторію, добьются ли онѣ коренного переворота въ религіозныхъ воззрѣніяхъ извѣстной части населенія, но что онѣ доживутъ до общаго къ себѣ уваженія отъ окрестнаго населенія, въ томъ не можетъ быть ни какого сомнѣнія. Какъ ксендзъ, представитель противной партіи, я могу имѣть особые на миссію монахинь взгляды; но, какъ человѣкъ-христіанинъ, я могу только радоваться, что обаяніе православной вѣры и русскихъ людей вступаетъ къ намъ съ восточной границы не при посредствѣ земской стражи, штрафовъ и ограниченія правъ, а чрезъ истинныхъ подвижницъ»..

А вотъ другой, тоже оглашенный въ печати, разговоръ съ католичкой-полькой, которой хотѣлось бы отдать своего мальчика въ Вировъ.

— Развѣ ты знаешь вировскихъ?

— Довольно ихъ тутъ всѣ знаютъ. Всѣмъ помогаютъ, кто бы и за чѣмъ ни пришелъ.

— А развѣ ты не боишься, отдавъ ребенка монахинямъ, что тамъ вѣру ему перемѣнятъ?

— Э, тамъ вѣрѣ выучиваютъ и калакутъ даже. Всѣ одному кресту поклоняемся. Нашей вѣры онѣ не трогаютъ. Вотъ онѣ-то молятся, такъ молятся! Праведные люди...

Все это достаточно убѣдительно...

На слѣдующій день мы отстояли раннюю литургію въ монашеской церкви и зашли на нѣсколько времени на хоры въ дѣтскую церковь во время поздней литургіи Монашеская церковь была заполнена инокинями въ одной сторонѣ и богомольцами-мірянами въ остальной части храма. Эти богомольцы— изъ Гродненской губерніи, изъ Забужья. Долженъ засвидѣтельствовать строгую уставность вировскаго богослуженія. Смотря на ряды темныхъ фигуръ и строгихъ лицъ, легко было вообразить, что находишься среди монашеской общины, которая не имѣетъ другой цѣли, кромѣ «спасенія своихъ душъ». И даже, пожалуй, не во всякомъ «идеальномъ» монастырѣ молятся такъ много и такъ уставно, какъ въ Вировскомъ. И уже, конечно, такого прекраснаго пѣнія можно было бы пожелать для любого монастыря. Хочется спросить, чѣмъ же навѣянъ извѣстный отрицательный взглядъ на эти монастыри. Истинно-религіозные люди съ ужасомъ прочитали эти строки: «Никто и въ нѣдрахъ Церкви православной не препятствуетъ устраивать общины по подобію монастырей; такую общину создала въ Бозѣ почившая княгиня-подвижница нашихъ дней. Но это не монастырь въ собственномъ смыслѣ сего слова: это идеальное, если угодно, благотворительное заведеніе, и только. Пусть въ немъ строй жизни походитъ на монастырскій, пусть даже именуется такое учрежденіе монастыремъ,—это будетъ только исключеніемъ изъ общаго правила, нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ высшаго идеала монашества. Такихъ уклоненій мы можемъ указать и еще не мало. Таковы наши женскія обители въ западномъ краѣ: Лѣснинская, Вировская». Высшій идеалъ монашества, по мнѣнію автора этихъ строкъ,— исключительно душеспасеніе, служеніе «святому эгоизму». И то обстоятельство, что въ поименованныхъ обителяхъ молитвенный подвигъ доведенъ до совершенства—да и кто можетъ такъ молиться, какъ не тотъ, кто видитъ человѣческія страданія? Это обстоятельство показываетъ, что съ извѣстной точки зрѣнія для идеальнаго состоянія монастыря считаютъ недостаточнымъ

положительное условіе—молитвенный подвигъ, но требуютъ еще отрицательнаго условія—принципіальнаго воздержанія отъ подвига служенія ближнему. И эти взгляды высказываютъ подъ знаменемъ православія. Пусть эти монастыри новаго типа представляютъ собою уклоненіе отъ установившагося вида,—вѣдь это уклоненіе въ сторону идеала. И если представители историческаго монашества отрекаются отъ этого новаго типа, то тѣмъ хуже для нихъ. Можно было бы радоваться, если бы такихъ уклоненій было «не мало».

Когда я вошелъ на хоры Свято-Леонтьевской церкви, то моимъ глазамъ представилось зрѣлище, подобнаго которому я никогда не видалъ. Вся церковь была полна дѣтьми,—лишь вверху стоялъ хоръ иноковъ и въ коридорѣ нѣкоторые богомольцы. Дѣти стояли группами, посреди—малолѣтки. Костюмчики однообразные, съ незначительными отличіями въ цвѣтѣ по группамъ. Мальчики въ красныхъ рубашкахъ, дѣвочки въ синихъ сарафанчикахъ. У малышей черезъ плечо сумки съ носовыми платками. Дѣти вымыты, здоровы и радостны; стоятъ чинно и молятся осмысленно. Здѣсь было болѣе 400 дѣтей. Картина была восхитительная; трудно было оторвать глаза. Это побѣдное знамя Вировскаго монастыря, это свидѣтельство его подвижницъ предъ Богомъ и людьми. «Это письмо Христово, чрезъ служеніе ихъ написанное не чернилами, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрижаляхъ сердца». Богу и обществу онѣ уготовляютъ людей, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Вѣдь все это или дѣти бѣдныхъ родителей, или брошенныя на произволъ судьбы, — это матеріалъ, изъ котораго естественно вырабатываются враги общества и Бога, дѣятели и страдальцы дна, хулиганы, разрушительные элементы. И ихъ вировскія сестры приняли, подобрали, обмыли, накормили, выучили, научили молиться Богу — своими согрѣтыми любовью сердцами.

Потомъ мы осматривали помѣщенія дѣтей и школы. Въ зданіи съ церковью—второклассная женская школа, насчитываетъ до 130 дѣвочекъ. Въ пріютѣ для дѣтей и учениковъ школы грамоты—163; тамъ же малютокъ—11. Затѣмъ двухклассная мужская школа въ селѣ Моложевѣ—120 учениковъ; къ богослуженію они пока ходятъ въ монастырскую дѣтскую церковь. Наконецъ, Чекановская практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства—24 дѣвочки.

Мы сначала осмотрѣли оба дѣтскихъ монастырскихъ зданія. Не буду касаться учебной и воспитательной техники. Скажу лишь: дѣлается здѣсь для дѣтей все, что только въ человѣческихъ силахъ. Приходится во всемъ экономить, и прежде всего въ помѣщеніи, потому что принимаютъ болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ мѣсто, хотя все же монастырь вынужденъ многимъ отказывать. Особенно тѣснятся въ спальняхъ: устроены здѣсь двухъэтажныя сплошныя нары, раздѣленныя небольшими перегородками. Легко понять, что постельное бѣлье не тонкое голландское, но чистое. Опрятный видъ постелекъ и хорошій воздухъ вскрываютъ предъ наблюдателемъ добровольную и сердобольную заботу подвижницъ-сестеръ. Даже и такихъ наръ не для всѣхъ достаетъ. Въ углу сложены тюфячки, которые на ночь раскладываются на полу. Какъ бы легко избѣгнуть этой тѣсноты, лишь бы . сократить число призрѣваемыхъ дѣтей Но здѣсь знаютъ только одну границу — физическую необходимость, сердце же расширено любовью до безкопечности. Дѣти съ видимымъ удовольствіемъ пѣли и читали стихи. Особенно хорошо удается хоровое произношеніе стиховъ. Не умѣющіе читать и писать, малыши научиваются пѣнію и произношенію стиховъ съ голоса. Особенно сильное впечатлѣніе производила комната малютокъ .

Въ брошюркѣ «Среди друзей человѣчества» П. Земного, посѣтившаго Вировскую обитель, разсказывается: «Для игръ каждый ребенокъ имѣетъ быстрыя ножки. Когда я спросилъ, есть ли у нихъ еще какія-нибудь игрушки или игры, напр. мячики, кегли, то у многихъ ребятъ появились грустныя мины. Очевидно, они если и знаютъ объ этихъ хорошихъ и для нихъ полезныхъ играхъ, то только по названію. Одинъ изъ мальчиковъ нерѣшительно попросилъ: Дяди, привезите намъ игрушекъ! Его поддержали другіе, видно было, что всѣмъ имъ хочется получить какія-нибудь игрушки. Можетъ быть, просьбу малютокъ услышатъ и другіе, откликнутся на нее, и сообща удастся доставить дѣтямъ радость и дать имъ возможность безъ шалостей и скуки, но съ пользой и удовольствіемъ проводить долгіе зимніе вечера» .

Я прочиталъ эти строки, прежде чѣмъ поѣхалъ въ Вировъ. Я воспользовался этимъ напоминаніемъ ихъ автора и могу быть ему только благодарнымъ. Повторяю теперь эти строки въ надеждѣ, что кто-нибудь и изъ моихъ читателей, пожелавъ

посѣтить знаменитыя обители, вспомнить доставить дѣтямъ небольшую радость...

Съ неменьшимъ вниманіемъ осматривали мы затѣмъ богадѣльню и больницу. Въ богадѣльнѣ было до 40 призрѣваемыхъ. Старухи и дѣти. Есть мужчина—совершенно парализованный, принятъ въ богадѣльню чуть не брошенный на улицѣ. Припоминается мнѣ такой случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тамбовѣ доживалъ свой вѣкъ семидесятилѣтній старикъ-протоіерей, у котораго, въ довершеніе его бѣдствій, отнялись ноги. Грошевой пенсіи едва доставало на наемъ прислуги-сидѣлки. Единственная дочь его, служившая въ женской гимназіи и имѣвшая тамъ квартиру, вынуждена была взять его къ себѣ. Начальство воспретило ей это подъ тѣмъ предлогомъ, что неприлично «мужчинѣ» жить въ стѣнахъ женско-учебнаго заведенія.. Очевидно, вировскія сестры далеки отъ такой фарисейской щепетильности. Среди остальныхъ призрѣваемыхъ есть слѣпая, припадочная—всякія представительницы человѣческаго страданія. Я поинтересовался узнать, гдѣ тотъ мальчикъ—мегалоцефалъ, о которомъ сообщалось въ печати, что «умственныя способности его угасаютъ съ каждымъ годомъ, но возрастаетъ неимовѣрная физическая сила, такъ что съ нимъ подчасъ никто изъ сестеръ не можетъ сладить». Оказывается, что онъ отправленъ въ извѣстное петербургское благотворительное заведеніе для такого рода несчастныхъ.

Медицинскую помощь сестры оказываютъ въ широкихъ размѣрахъ. Амбулаторныхъ больныхъ онѣ принимаютъ въ годъ нѣсколько тысячъ; безплатно выдаютъ и лекарства. Занимающіяся леченіемъ сестры рѣдко обращаются къ врачу, тѣмъ болѣе, что это сопряжено съ значительными затрудненіями: ближайшій отъ больницы врачъ живетъ за нѣсколько верстъ. Въ больничныхъ палатахъ, кромѣ больныхъ сестеръ, при насъ въ одной комнатѣ находились три дѣвочки: одна изъ нихъ, недавно принятая, страдаетъ туберкулезомъ костей. Жалкій ребенокъ, дни котораго сочтены. По крайней мѣрѣ будутъ облегчены послѣдніе часы его ласковымъ уходомъ.

Послѣ обѣда мы отправились въ Моложево и Чекаиово. Моложево находится къ сѣверу, верстахъ въ двухъ, отъ обители, вверхъ по теченію Буга. При выѣздѣ изъ села, противъ улицы, господствуя надъ нею, высится теперь архитектурно-изысканное каменное двухъэтажное зданіе Моложевской школы, начатое

постройкой еще при покойной м. Аннѣ. Оно вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ, какія предъявляются къ школьнымъ зданіямъ Обилие свѣта и воздуха. Осталось лишь немного просушить зданіе внутри, и въ него переселяются ученики школы. Домашняя церковь внутри еще совсѣмъ не отдѣлана. Въ подвальномъ этажѣ помѣщеніе для кухни. Трудно повѣрить, что это зданіе стало всего тысячъ 30. Земли здѣсь у Вировскаго монастыря около 15 морговъ, изрѣзанныхъ неудобною черезполосицей, устранить которую монастырю не удается, несмотря на всѣ старанія. На этой землѣ разведенъ школьный садъ, огородъ и устроена пасѣка. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каменнаго зданія находится деревянный новый домъ, гдѣ теперь помѣщается школа. Домъ довольно удобный, но недостаточно помѣстительный для 120 человѣкъ, живущихъ въ школѣ на полномъ содержаніи. Вблизи новаго каменнаго зданія до сего времени сохраняется первое помѣщеніе Моложевской школы, о которомъ въ Цер. Вѣд. за 1900 г. № 24 сказано: «Школа эта помѣщается въ зданіи старой корчмы. Прогнившія стѣны кое-какъ замазаны известкой. На всемъ отпечатокъ крайней скудости». Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ. Но нельзя не вѣрить, видя и теперь эту жалкую хибару. Въ ней теперь школьныя мастерскія—сапожное, столярное и др. Удовлетворяются надобности вировскихъ школъ, и вмѣстѣ ученики приучаются къ разнымъ ремесламъ.

По пути изъ Моложева въ Чеканово мы проѣхали мимо Вировской обители. Здѣсь мы простились съ м. Сусанной, которая дальше насъ не сопровождала. Вся обитель была предъ нами... Когда затѣмъ мы проѣзжали деревню Вировъ, мы наблюдали обычай вировскихъ игуменій—проѣзжая деревней, раздавать дѣтямъ гостинцы

Чекановскимъ имѣніемъ, которое находится на пути отъ Вирова къ Соколову, завѣдуетъ управляющая, бывшая помѣщица, опытная хозяйка. Мы осмотрѣли садъ, птичій и скотный дворы и пруды, въ которыхъ разводится рыба... Слышали пѣніе ученицъ, видѣли ихъ разнообразныя работы... За вечерней трапезой, въ квартирѣ управляющей, мы продолжали «вировскую» бесѣду. Поздпимъ вечеромъ мы простились съ м. Софіей.

Была темь осенней ночи, усиленная пасмурной погодой. Но удобный монастырскій экипажъ дѣлалъ не страшнымъ это ночное путешествіе.

Глубокія чувства благоговѣнія къ подвигамъ Вировскихъ труженицъ и сердечной благодарности за гостепріимство вировскихъ игуменій переполняли наши сердца.

III. Лѣсна.

Игуменіи знаменитаго Лѣснинскаго монастыря, м Екатеринѣ, я представился въ Вировѣ и здѣсь—что входило въ мои планы—получилъ отъ нея приглашеніе посѣтить Лѣсну.

Возвращаясь изъ Вирова, я съ своимъ спутникомъ со станціи Сѣдлецъ свернулъ на Варшаву. Не было силъ отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться на «столицу» Польскаго края, расположившуюся на берегахъ Вислы Съ особымъ вниманіемъ разсматривали мы здѣсь старинные католическіе костелы и новый, еще только отстраивающійся внутри, православный соборъ.

Изъ Варшавы мы проѣхали назадъ, за Сѣдлецъ, до ст. Бѣлы, находящейся въ 12 верстахъ отъ Лѣснинскаго монастыря. Было не особенно пріятно оказаться въ незнакомомъ уѣздномъ городкѣ въ началѣ темной осенней ночи Но насъ дожидались лошади изъ Лѣсны Быстро промелькнули мигающіе огоньки еврейскаго городка, и мы погрузились въ мракъ, который на небольшое пространство разгоняли экипажные фонари. Раза два въ ихъ свѣтѣ, какъ во снѣ, померещились крестьянскіе воза, сейчасъ же оставшіеся позади. Дорога, особенно во второй половинѣ, была очень тяжела Въ Лѣснинскій монастырь мы прибыли около 11 часовъ ночи На вопросъ кучера, куда насъ подвезти, мы отвѣтили, что самое лучшее—къ гостинницѣ. Но, какъ бы раскаиваясь въ минутномъ искушеніи, онъ тутъ же добавилъ: «нужно спросить у матушки». Едва мы подъѣхали къ домику, гдѣ находилась матушка, и ей доложили о насъ, какъ сейчасъ же мы услышали ей голосъ: «конечно, сюда, сюда». Вслѣдъ за нею мы вошли въ столовую, гдѣ былъ готовъ для насъ ужинъ .

Разумѣется, это прежде всего мелкая подробность изъ путевыхъ впечатлѣній, которую съ удовольствіемъ вспоминаешь. Но этой мелкой черточкѣ въ ходѣ моего разсказа слѣдуетъ придать болѣе серьезное значеніе, такъ какъ она является характерною для направленія Лѣснинскаго монастыря и его руководительницы: вниманіе къ людямъ, забота объ ихъ нуждахъ, а не аскетическая замкнутость—здѣсь занимаютъ первое мѣсто.

Эти основные взгляды на монашеское дѣланіе я слышалъ отъ

м. Екатерины еще въ Вировской бесѣдѣ. Они придаютъ Лѣснин скому монастырю новый характеръ, отличный отъ традиціоннаго Извѣстный проповѣдникъ архіеп. Амвросій говорилъ м. Екатеринѣ: «Вы основываете повый монастырь по новому уставу Богъ васъ благословитъ». Новизна Лѣснинскаго устава—въ рѣшительномъ предпочтеніи любви всѣмъ другимъ заповѣдямъ Евангеліе—въ любви, а монастыри должны жить по евангелію «Типикона я терпѣть не могу», говоритъ м. Екатерина, разумѣя, конечно, не богослужебный строй типикона, такъ какъ богослуженіе въ Лѣснѣ совершается благолѣпно и уставно, а разумѣя особенную любовь къ типиконнымъ іотамъ, къ уставной казуистикѣ, поставленіе типиконной правды выше всего. Уставная строгость, по словамъ м. Екатерины—если она не является лицемѣрною внѣшностью, обыкновенно встрѣчается у неврастениковъ. Бываетъ нервной аскетизмъ,—аскетизмъ съ надрывомъ Налагаетъ его на себя человѣкъ или подъ дѣйствіемъ какого-нибудь случая или подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Убѣждается онъ или убѣждаютъ его въ спасительности аскетизма,—и ему нужно постоянно поддерживать въ себѣ это убѣжденіе, нужны для этого средства. Однимъ изъ такихъ средствъ и является типиконная буква. Это своего рода гипнозъ, и нельзя отрицать его психологическаго значенія Но не слѣдуетъ пѣть ему гимны. Не слѣдуетъ налагать этого ига на всѣхъ, не должно имъ придушать живое дѣло. Это форма, которую можно терпѣть только при наличности живого содержанія, живого дѣла любви, и которая безъ этого условія легко обращается въ обманчивую внѣшность. У натуръ честныхъ и прямолинейныхъ, но не далекихъ по уму, система поклоновъ и вѣчно пустого желудка производитъ, прямо сказать, умопомраченіе, которое ихъ дѣлаетъ никому и ни на что ненужными. М Екатерина не только не слѣдитъ въ своемъ монастырѣ за строгимъ исполненіемъ аскетическаго устава, а даже сдерживаетъ ревность иноковъ, когда это бываетъ нужно О лицемѣріи въ ея монастырѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ жизнь въ этой обители не представляетъ ничего привлекательнаго въ матеріальномъ отношеніи, и, напротивъ, на долю каждой сестры выпадаетъ слишкомъ много живого дѣла, которое могутъ безропотно вынести только любовь къ ближнему и вѣра въ Божію правду. Можно опасаться скорѣе другого—излишней ревности въ аскетическомъ подвижничествѣ. И за этимъ слѣдитъ игумена. Она запрещаетъ постническое изнуреніе тѣмъ сест-

рамъ, которымъ это угрожаетъ болѣзненностью, отвлекающею отъ дѣла. Такимъ образомъ, нѣкоторыя сестры, въ качествѣ послушанія, пользуются мяснымъ столомъ. Здѣсь смотрятъ на жизнь какъ на Божій капиталъ, который долженъ приносить пользу, а не лежать зарытымъ въ землѣ. Охраняютъ жизнь и ухаживаютъ за нею, чтобы она сіяла добрыми дѣлами. Смотрятъ на здоровье съ точки зрѣнія пользы ближнимъ. Знаютъ только одну жертву—на благо людей, знаютъ только одно служеніе—служеніе Богу въ ближнихъ. Съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ м. Екатерина выставляетъ это знамя на своемъ монастырѣ; она подбираетъ инокинь своей обители исключительно съ этой точки зрѣнія, она хочетъ управлять лишь подвижницами любви, она цѣнитъ въ своихъ монахиняхъ лишь одну работоспособность—въ служеніи ближнимъ. Она не принимаетъ къ себѣ или удаляетъ отъ себя не только тѣхъ, которыя монашескою рясою прикрываютъ наклонность къ тунеядству и лѣность, но и истинныхъ, заслуживающихъ полнаго уваженія подвижницъ, если только въ нихъ нѣтъ убѣжденія, что типиконъ — дѣло второстепенное А крайности аскетическаго направленія вызываютъ въ ней негодованіе. «Не моются для Бога! Да развѣ Богу нужна наша грязь? Богъ есть Богъ чистоты и свѣта, а не Богъ грязи. Уже съ чисто философской точки зрѣнія, грязь это—тлѣніе, а тлѣніе—область сатаны, а не область Божія». Нѣтъ, этого мало—признать служеніе любви, служеніе ближнимъ подѣлемъ. Мало считать его дѣломъ наряду съ другими дѣлами. Оно можетъ быть истиннымъ дѣломъ лишь тогда, когда ставится на первомъ мѣстѣ, когда ставится выше всего, когда считается единымъ на потребу. М. Екатерина не хочетъ допустить, чтобы фанатики аскетизма имѣли любовь. «Ихъ сердце исполнено ненавистью. Повѣрьте, они способны призвать народъ къ рѣзнѣ... Я была у одного изъ «вашихъ» подвижниковъ. Когда онъ узналъ во мнѣ игуменію того монастыря, въ которомъ ѣдятъ скоромное, и въ которомъ воспитываются дѣти, онъ застучалъ на меня ногами, закричалъ, забранился. «Такой монастырь, говорилъ онъ, нужно проклясть. Не монастырь—тотъ, гдѣ ѣдятъ скоромное. Не свято то мѣсто, гдѣ есть дѣти. Младенцы—чертенята»... Боже мой, Боже!—восклицала м. Екатерина.—Дѣти, которымъ Господь обѣтовалъ царствіе Божіе, которыхъ Онъ съ любовью и нѣжностью благословлялъ, которымъ мы должны уподобиться, чтобы войти въ царствіе небесное, дѣти обзываются чертеня-

тамп! Да это не только не евангельское христіанство, это хуже язычества, это отрицаніе всякой религіи и морали... Евангеліе не проклинаетъ міра, какъ творенія Божія, не проклинаетъ всего, что въ немъ естественно и законно, не хочетъ на все набросить черное покрывало, не хочетъ всѣхъ облечь въ черную рясу. Изъ міра появляются дѣти Божіи,—и дѣти міра становятся дѣтьми Божіими, переживая сначала мірское. Ближе къ евангелію сказавшій: «блаженъ, кто въ молодости былъ молодъ», чѣмъ фанатики аскетизма, служители тлѣнія и грязи. Скорѣе придетъ ко Христу тотъ, кто любилъ въ мірѣ, кто жилъ его радостями и горями, чѣмъ тѣ, которые насильно заглушили въ себѣ все человѣческое. Они близки къ стѣнамъ царства Божія, но далеки отъ его дверей». Съ неменьшею опредѣленностью высказывается м. Екатерина и противъ другихъ сторонъ спеціальной техники монастырскаго душеспасенія, напр., откровенія помысловъ. Въ этомъ случаѣ она опирается на авторитетъ Іоанна Кронштадтскаго, который наставлялъ се: «не заводи въ своемъ монастырѣ откровенія помысловъ. Это бѣда, бѣда». Этотъ совѣтъ встрѣтилъ воспріимчивую почву. М. Екатерина противъ того, чтобы монахъ копался въ своей душѣ. Побольше дѣла, и поменьше самолюбованія, возни съ собой. По дѣламъ нужно узнавать не только другого, но и себя. Ни къ чему такъ не склоненъ человѣкъ, какъ къ самолюбованію. М. Екатерина припоминаетъ слова И. С. Тургенева: «о всемъ человѣкѣ можетъ говорить съ удовольствіемъ, съ восторгомъ, но съ аппетитомъ только о себѣ». Откровеніе помысловъ сводится обыкновенно къ самовыхваленію, къ самооправданію. «Подозрительна мнѣ любовь къ частой исповѣди... Не одобряю я записыванія грѣховъ... Желательна исповѣдь открытая и краткая.

Сама м. Екатерина (въ мірѣ графиня Евгенія Борисовна Ефимовская) приняла монашество на тридцать пятомъ году. До того времени она много пережила и много передумала. Начать съ того, что она росла слабымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ. Дѣтская фантазія рисовала заманчивые образы здоровой жизни, крѣпкаго организма. Краски для работы фантазіи брались изъ дѣтскихъ учебниковъ. «Я буду спартанкою»: таковъ былъ первый идеалъ будущей христіанской подвижницы. Въ семьѣ подъ надзоромъ матери, нянекъ и боннъ было трудно осуществить этотъ идеалъ. Но съ 21 года мечты становятся дѣйствительностью: молодая мечтательница спитъ при открытомъ окнѣ даже въ хо-

лодную погоду. Жесткая постель. Холодныя обмыванія. Умѣренный столъ. Этотъ суровый режимъ входитъ въ привычку, закаляетъ организмъ, укрѣпляетъ волю.

Первоначальное образованіе впослѣдствіи дополняется самообразованіемъ. Не ситематическимъ, педантическимъ прохожденіемъ курсовъ, а порывистымъ устремленіемъ въ ту или другую область. Переживается послѣдовательно рядъ увлеченій въ погонѣ за истиной и красотой. Душа не знаетъ половиннаго дѣла; всему отдается всецѣло, ищетъ своего призванія, которое поглотило бы всѣ ея силы, стало бы для нея религіей. Увлекается Евгенія Борисовна ваяніемъ, нѣмецкими поэтами, театромъ. Въ періодъ увлеченія театромъ мечтаетъ поступить на сцену. Беретъ уроки итальянскаго языка у пѣвца-итальянца,—и въ 6 недѣль овладѣваетъ этимъ языкомъ. Слѣды эстетическаго воспитанія доселѣ замѣтны въ христіанскомъ воззрѣніи м. Екатерины. Болѣе глубоко и продолжительно увлекалась Евгенія Борисовна литературой. Нѣкоторое время она и духовно и матеріально жила литературными трудами. На этой почвѣ она имѣла много знакомствъ—съ Тургеневымъ, Е. Туръ, Марковичемъ, Аксаковыми. Съ И. С. Тургеневымъ она познакомилась въ Парижѣ. Читала ему свои литературныя произведенія, слушала его замѣчанія и сужденія; бесѣды съ нимъ выступали и за предѣлы собственно литературныхъ интересовъ.

Мнѣ бы хотѣлось представить себѣ, въ какомъ направленіи вліялъ И. С. Тургеневъ на Евгенію Борисовну.. Я перечиталъ страницы изъ сочиненій его, относящихся ко времени знакомства съ нимъ Евгеніи Борисовны. Къ этому времени принадлежитъ его стихотвореніе въ прозѣ «Нимфы». Кто не знаетъ этихъ чудныхъ строкъ?.. «По всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. Панъ воскресъ! шумѣли молодые голоса. Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину... Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними .. Впереди несется бо-

гиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны... Это Діана. Но вдругъ богиня остановилась... и тотчасъ вслѣдъ за нею остановились всѣ нимфы. Звонкій смѣхъ замеръ. Я видѣлъ, какъ лицо внезапно онѣмѣвшей богини покрылось смертельной блѣдностью; я видѣлъ, какъ окаменѣли ея ноги; какъ невыразимый ужасъ разверзъ ея уста, расширилъ глаза, устремленные вдаль... Что она увидѣла? Куда глядѣла она? Я обернулся въ ту сторону, куда она глядѣла... На самомъ краю неба, за низкой чертою полей, горѣлъ огненной точкой золотой крестъ на бѣлой колокольнѣ христіанской церкви... Этотъ крестъ увидала богиня. Я слышалъ за собою неровный, длинный вздохъ, подобный трепетанію лопнувшей струны,—и когда я обернулся снова, уже отъ нимфъ не осталось слѣда»...

Трудно указать другой, столь же прекрасный и сильный образъ отношенія христіанства къ язычеству. Эта проблема несомнѣнно предносилась великому уму Тургенева.

Болѣе продолжительно было сближеніе Евгеніи Борисовны съ семьей Аксаковыхъ,—и вліяніе съ этой стороны было несомнѣнно болѣе опредѣленнымъ и болѣе прочнымъ. Вліяніе славянофильства съ его вѣрою въ особое призваніе русскаго народа. «Исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ.—исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни... Русская исторія, въ сравненіи съ исторіей Запада Европы, отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ. Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного краснваго эффекта, ни одного яркаго пятна, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ Русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности—необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольскаго драматизма страстей. Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій, насъ посѣща-

тихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры».

Глубокая любовь къ своему народу внушена славянофилами м. Екатеринѣ, и это вліяніе мы должны принять во вниманіе, если хотимъ вполнѣ понять ея столь новую для монастырскихъ традицій дѣятельность. Христіанская любовь для нея является не отвлеченнымъ понятіемъ, не мертвой заповѣдью, но живой силой, воплощенной въ любви къ народу Насколько это важный моментъ въ христіанскомъ обликѣ Лѣсненской игумени, видно изъ того, что ей твердо хотѣлось принять монашество 19 февраля... И все же не пришлось...

Практическимъ поборникомъ идеаловъ славянофильства въ узкой области отношеній къ дѣтямъ былъ С. А Рачинскій—племянникъ поэта Баратынскаго и другъ славянофиловъ. Оставивъ профессорство въ университетѣ, онъ посвятилъ свою дѣятельность народной школѣ. Его взгляды на первоначальное обученіе народа имѣютъ характеръ строгой систематичности. Русская школа должна быть своеобразна, какъ своеобразенъ русскій народъ. Какими же чертами опредѣляется образъ первоначальной русской школы? Прежде всего наша народная школа проявляетъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ рѣшительную тенденцію быть школой религіозной, церковной. Несмотря на то, что до введенія церковно-приходской школы позднѣйшаго типа наше духовенство относилось къ школамъ и къ законоучительству въ нихъ съ равнодушіемъ, вопреки тому, что интеллигенція шла въ народъ съ нигилистической пропагандой, народныя школы пріобрѣтали сами собою болѣе и болѣе церковный характеръ, отводя центральное мѣсто среди своихъ учебныхъ предметовъ Закону Божію. Этотъ религіозный, церковный характеръ, налагаемый на нашу школу силою вещей, обусловливаетъ другую ея рѣзкую особенность — учебную программу, отличающуюся отъ учебныхъ программъ всѣхъ школъ иноземныхъ. Въ программѣ русской школы должны занимать почетное мѣсто церковно-славянскій языкъ и церковное пѣніе. Изученіе церковно-славянскаго языка, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, должно придать жизни и смыслъ изученію языка русскаго, придать незыблемую прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности. Участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи откроетъ, далѣе, нашему народу широкіе горизонты религіозно-художественнаго развитія. Въ послѣдніе дни принято говорить о нуждѣ народнаго

театра. Несомнѣнно, нужно развивать въ народѣ эстетическіе вкусы. Но не въ сферѣ отрѣшеннаго искусства нужно искать удовлетворенія эстетическихъ потребностей народа, а въ сферѣ его практическихъ нуждъ, въ сферѣ его обыденной жизни. Русскій народъ—народъ глубоко вѣрующій, и первая изъ его практическихъ потребностей, наряду съ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, есть общеніе съ Божествомъ. Эта потребность, источникъ и условіе всякаго человѣческаго искусства, прежде всего должна быть удовлетворена и можетъ быть удовлетворена лишь при помощи искусства. Не театръ ему нуженъ, а церковь, достойная своего высокаго назначенія, — школа, раскрывающая предъ нимъ сокровища церкви. Мало дать народу въ сценическихъ представленіяхъ художественныя впечатлѣнія, нужно возбудить его умственную и художественную дѣятельность. Такъ именно дѣятельности открываетъ широкій просторъ наша церковь для всякаго человѣка, получившаго дѣйствительное, а не мнимое элементарное образованіе, возможное въ русской сельской школѣ. Эта дѣятельность заключается въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Церковное чтеніе есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неописанные законы,—искусство, требующее и природнаго таланта, и многолѣтняго упражненія, — искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ. Но еще болѣе широкій просторъ истинно народной художественной дѣятельности даетъ церковное пѣніе. Въ немъ можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ хотя бы самыми ограниченными голосовыми средствами, хотя бы самою посредственною музыкальною способностью. Эти задатки, столь распространенные въ нашемъ народѣ, совершенно недостаточные для одиночной художественной дѣятельности, въ хоровомъ пѣніи пріобрѣтаютъ глубокій смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства. Вызывать и развивать эту дѣятельность значитъ идти навстрѣчу потребностямъ русскаго народа. Присмотритесь — глохнутъ и гаснутъ въ народѣ народная пѣсня, народная сказка, эти живучіе отголоски иной вѣры, иного міросозерцанія. Среди тягостнаго однообразія сѣрой, трудовой жизни, среди лжи и пошлости, вѣющей отъ полуобразованнаго слоя сельскаго населенія, гдѣ просвѣтъ для души нашего крестьянина, гдѣ отзывъ на тѣ стремленія, которыя лежатъ на днѣ этой души, составляютъ существеннѣйшую ея суть? Въ церковномъ праздникѣ, приносящемъ ему

полуискаженный отголосокъ дивнаго древняго напѣва; въ баснословномъ, но согрѣтомъ вѣрою, разсказѣ темнаго странника, въ походѣ въ дальній монастырь, гдѣ его молитва обрѣтаетъ достойные ея звуки, въ чтеніи Священнаго Писанія или Житій Святыхъ. Школа должна дать русскому народу средства использовать всѣ эти сокровища духовной жизни. И если въ настоящее время, въ минуты пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, соперникомъ церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ слишкомъ часто заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый и рѣшительный поворотъ,—то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія! Позоръ и проклятіе нашему мертвому образованію!.

Третья особенность нашихъ сельскихъ школъ (сѣверной полосы) обусловлена причинами чисто внѣшними, но имѣетъ на ея внутреннюю жизнь неизмѣримое вліяніе. Девять десятыхъ изъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ не ходятъ въ школу, а живутъ въ ней. Деревни наши такъ разбросаны, ученики наши такъ малы и такъ плохо одѣты, что лишь изъ одной, много двухъ, трехъ деревень они могутъ ходить ежедневно въ школу. Всѣ, живущіе въ деревняхъ болѣе отдаленныхъ, приходятъ на цѣлую недѣлю съ запасомъ хлѣба, цѣлый день сидятъ въ школѣ... Это обстоятельство превращаетъ сельскую школу изъ учебнаго заведенія въ воспитательное. Школа захватываетъ всю жизнь ребенка и становится великою силою, налагающею на него неизгладимую печать. Какую? Это зависитъ отъ духа школы, отъ ея организаціи, отъ лицъ, ею управляющихъ... Одно несомнѣнно, что людямъ досуга и достатка, мысли и знанія недостаточно строить школьныя помѣщенія, снабжать ихъ пособіями, приставлять къ нимъ патентованныхъ учителей. Намъ самимъ нужно жить тою жизнью духовною и нравственною, которую мы хотимъ вдохнуть въ учениковъ нашихъ школъ...

Этому призыву С. А. Рачинскій самъ первый послѣдовалъ. Выстроивъ въ своемъ родовомъ Татевѣ превосходное школьное зданіе, С. А, «покинувъ всѣ свои привычки, все удобство и покой цивилизованной жизни въ кругу родныхъ, переселился изъ барскаго дома въ школу и началъ жить одною жизнью съ своими учениками»..

На тѣхъ, кто «учился» у С. А. Рачинскаго школьному дѣлу, сей образъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Одинъ изъ та-

ковыхъ пишетъ: «Непобѣдимое увлеченіе Сергѣя Александровича, его вдохновенное учительство не могло не увлекать и насъ. Мы видѣли, что онъ трудится непрестанно круглый годъ, видѣли неугасающій огонь его самоотверженнаго служенія, и намъ ли было жалѣть себя?.. Между моими воспоминаніями о годахъ моего учительства въ Глуховѣ, объ этомъ соревнованіи въ неутомимости, воспоминаніи объ этомъ восторгѣ работы—одно изъ самыхъ дорогихъ»...

Графиня Е Б Ефимовская «подвизалась» и «училась» въ Татевѣ И. конечно, многому она здѣсь научилась. Церковный характеръ лѣснинскихъ школъ не есть только вывѣска, сдѣланная внѣшнею властью,—онъ служитъ выраженіемъ ея внутренняго убѣжденія. Наблюдая эти школы и, въ частности, внимая прекрасному церковному пѣнію, которымъ поистинѣ Лѣсная можетъ славиться, невольно припоминаешь школьное время въ Татевскаго подвижника

Этими указаніями я не думаю исчерпать всѣ вліянія, подъ которыми складывалась душа будущей игумени Лѣснинскаго монастыря, но, кажется, отмѣчены важнѣйшія изъ нихъ. Теперь попытаюсь набросать очеркъ внѣшнихъ событій ея жизни, событій, которыми Промыслъ приготовлялъ ее для лѣснинскаго служенія.

Отецъ Е. Б. Ефимовской служилъ въ Смоленской губерніи по выборамъ и состоялъ 23 года предводителемъ дворянства Гжатскаго уѣзда. Когда его экономическое положеніе пошатнулось, и наслѣдственное имѣніе Клементьево перешло въ казну, онъ поступилъ на государственную службу (въ Калишъ), что давало основанія зачислить на пенсію прежнюю службу по выборамъ Онъ переселился на мѣсто новой службы, а семья его переѣхала въ Москву Вскорѣ съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ; мать, собравши, что было, уѣхала къ нему, и Е. Б съ сестрою остались въ Москвѣ, предоставленныя себѣ и безъ средствъ. Нужно было стать на свои ноги и начать трудовую жизнь. И по природной энергіи и по развитію Е Б была къ этому вполнѣ подготовлена. Начальница Николаевскаго института предложила ей мѣсто учительницы французскаго языка,—предложеніе было принято. Впрочемъ, Е. Б. здѣсь пробыла недолго, не болѣе года Для нея были стѣснительны казенные шаблоны учебно-воспитательнаго дѣла и тяжела атмосфера чопорныхъ отношеній между собою служебнаго женскаго персонала Между

тѣмъ мать съ больнымъ отцомъ возвратилась въ Москву, послѣдовалъ второй ударъ, и отецъ скончался. Е. Б. искала «своего» дѣла, въ которомъ могла бы найти просторъ ея душа По совѣту учителей Николаевскаго института, она открыла пансіонъ на двѣнадцать дѣвочекъ для приготовленія къ гимназіи. Здѣсь въ первый разъ нашли себѣ примѣненіе ея педагогическія наклонности и учебно-воспитательные пріемы. Особое вниманіе обращалось на воспитаніе какъ нравственное, такъ и физическое. Практиковалось ежедневное обмываніе. Учебные труды съ Е. Б. раздѣляли ея сестра и одна наемная учительница. Широко поставленное дѣло въ матеріальномъ отношеніи не могли принести ничего, кромѣ убытка и долговъ. На четвертомъ году случилось обстоятельство, которое заставило прекратить это дѣло. Смѣнялась квартира для пансіона. Поздно ночью Е. Б. укладывала книги. Лампа стояла на полу. Погруженная въ работу, Е. Б. остановилась слишкомъ близко къ лампѣ: на ней вспыхнуло платье. Прибѣжавшая на крикъ горничная-дѣвушка такъ потерялась, что не могла оказать никакой помощи. Напрасно Е. Б. кричала ей: «шубу, шубу». Та ничего не понимала Объятая пламенемъ, Е. Б. вынуждена была, не теряя присутствія духа, сойти въ переднюю комнату, взять шубу и накрыться ею. Пламя было потушено, но ноги оказались страшно пострадавшими. Послѣдовали одиннадцать мѣсяцевъ тяжелыхъ страданій. Открывшіяся на ногахъ раны упорно не поддавались медицинскому уходу. Ноги свело. При первыхъ признакахъ выздоровленія больную перевезли въ деревню. «Я узнала,—разсказываетъ м. Екатерина,—всю прелесть деревенской тишины. Я будто просыпалась послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ лихорадочной дѣятельности»... Съ теченіемъ времени отъ болѣзни не осталось слѣдовъ; но Е. Б. получила отвращеніе къ мясу и не можетъ выносить запаха дыма.

Это несчастье случилось въ 77 году. Дѣло съ пансіономъ остановилось. Нужда заставляла искать новыхъ занятій. Слѣдуетъ замѣтить, что мать Е. Б. вторично вышла замужъ. Е. Б. послѣдовательно приготовляетъ въ школу одного мальчика въ Саратовѣ, воспитываетъ двухъ сиротъ, брата и сестру въ Петербургѣ, затѣмъ изъ Москвы сопровождаетъ одну больную дѣвицу заграницу—въ Ментону и Парижъ. При больной, кромѣ Е. Б., состоялъ русскій врачъ, получавшій 12.000 руб. въ годъ, и дѣвушка для услугъ. Врачъ, наблюдая честное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу Е. Б., не могъ скрыть своего удивленія и ска-

залъ ей. «Ваше мѣсто въ монастырѣ». Это первое въ жизни Е.Б. предсказаніе на ея позднѣйшую дѣятельность. Въ Парижѣ Е. Б. познакомилась съ И. С. Тургеневымъ... Когда затѣмъ Е. Б. снова поселилась въ Петербургѣ, занимаясь исключительно литературой, ей пришлось глубоко перечувствовать трагическое событіе 1881 года... Прежде въ обществѣ студентовъ-товарищей своего брата она близко ознакомилась съ либеральными теченіями русской мысли. Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ были близки ея думамъ. Печальное событіе 81 года произвело рѣзкую перемѣну въ ея симпатіяхъ. Черезъ нѣсколько времени она получила мѣсто въ Екатерининскомъ институтѣ. Но работала здѣсь недолго. При посредствѣ врача, съ которымъ она сопровождала за границу больную, она получила предложеніе отъ преосвященнаго Іоанна завѣдывать младшими классами епархіальнаго училища, помѣщавшимися въ Великобудищскомъ монастырѣ, игуменія которой была и начальницей училища. Въ стѣнахъ этой монастырской школы еще разъ и шире, чѣмъ прежде, развернулись педагогическія способности Ев. Б. и притомъ въ направленіи не только гуманитарномъ, но христіанско-гуманномъ. Доселѣ она съ содроганіемъ вспоминаетъ то, что встрѣтила въ этомъ училищѣ. Здѣсь неограниченно царила грязь; дѣти, можно сказать, были заброшены. И это было вполнѣ естественнымъ плодомъ односторонне-аскетическаго отношенія къ дѣтямъ и къ грязи. «Если, говоритъ м. Екатерина, дѣти признаются чертенятами, не радостью и украшеніемъ нашей жизни, не началомъ и ручательствомъ царства Божія, а помѣхой душеспасенія и напоминаніемъ о человѣческой грѣховности; если грязь считается даромъ отъ Бога и даромъ Богу; если изнуряютъ себя ради Бога: то какое же основаніе радостно и любовно ухаживать за дѣтьми, заботливо обмывать и кормить ихъ?» И Евгенія Борисовна подняла рѣшительную борьбу съ этимъ царствомъ грязи. Встрѣчая недовѣріе капризамъ «графини» и насмѣшки надъ новыми порядками, она принялась сама мыть дѣтямъ и вычесывать головы, приучала ихъ къ опрятности, сдѣдила за ними, какъ они встаютъ и какъ ложатся, слѣдила за приготовленіемъ стола. Приходилось бороться съ страшными затрудненіями, встрѣчавшимися въ каждой мелочи. Подавали дѣвочкамъ на ночь воду для питья изъ нечистаго колодца, находившагося недалеко отъ дѣтскаго помѣщенія, хотя въ томъ же монастырѣ былъ хорошій колодезь, но на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ училища. Е. Б. неодно-

кратно просила игуменью распорядиться по этому вопросу. Наконецъ, ей передали отвѣтъ игумени: «у насъ нѣтъ лишнихъ рукъ и времени, чтобы носить воду издали; если хочешь, носи сама». И Е Б стала носить воду. И только эта мѣра подѣйствовала на игуменію. То же повторилось въ вопросѣ о платьяхъ ученическихъ. Онѣ ходили въ безобразныхъ лифчикахъ, которые кроились матерью-казначеею соотвѣтственно монашескому идеалу: укорачивалась передняя сторона лифчиковъ и, напротивъ, удлинялась спинка, такъ что всѣ дѣвочки выглядывали горбатыми. Избѣгали, видите-ли, всякаго напоминанія о томъ, что дѣвочки— будущія женщины Пріучали ихъ, дѣтей-дѣвочекъ, стоять выше щеголяства. И когда Е. Б., возмущаясь въ своемъ эстетическомъ чувствѣ, стала хлопотать, ей отвѣтили «доброе дѣло, крой и шей сама». И она скроила и сшила по своему платьица 108 дѣвочкамъ. Другою стороною монастырской школы, обращавшею на себя невольное вниманіе свѣжаго человѣка, было мрачное отношеніе ученицъ и учительницъ къ монастырскому начальству. Игумени, среди которыхъ нерѣдкость такія, что едва могутъ подписать свое имя, въ школѣ не могутъ пользоваться авторитетомъ. Между тѣмъ монашествующее начальство настаиваетъ на авторитетѣ въ такихъ формахъ, которыя могутъ оскорблять человѣческое достоинство. Требуются низкіе поклоны, цѣлованіе руки: все это тяжело и оскорбительно, когда нѣтъ нравственнаго уваженія къ лицу, когда внутреннее достоинство не соотвѣтствуетъ внѣшней чести. Все это создавало мрачную атмосферу хапьжества и мелочной борьбы Для учительницъ былъ и непрерывнымъ предметомъ разговора и пробнымъ камнемъ ихъ гражданскаго мужества вопросъ о цѣлованіи руки. Встрѣчаясь съ подругами, каждая спѣшила заявить: «не поцѣловала». Нахожденіе училища въ монастырѣ рѣшительно деморализовало и учащихся и учащихъ. Е. Б. съ свойственной ей энергіей взялась за разрѣшеніе этого Гордіева узла. Ей помогло крѣпнувшее въ ней за это время религіозное чувство. Сойдясь близко съ учительницами, встрѣтившими ее сначала недовѣрчиво, и съ ученицами, Е. Б. относилась сама и пріучала другихъ относиться почтительно къ монашествующимъ. Уже къ ея пріѣзду въ монастырскомъ воздухѣ носился вопросъ: «поцѣлуетъ ли графиня руку у игумени?» И когда она почтительно поцѣловала руку игумени, у монастырскихъ сестеръ какъ гора съ плечъ свалилась. Примѣръ же ея благотворно подѣйствовалъ и на противную сторону.

Репутація новоприбывшей окончательно утвердилась въ глазахъ инокинь, когда она сдѣлала земной поклонъ въ церкви матери-казначеѣ, смертельно оскорбившейся за недовѣріе ея кроительному искусству...

Однако, при такихъ условіяхъ дѣятельность, требовавшая громадной траты силъ и не дававшая соотвѣтствующихъ результатовъ, сталкивавшаяся на каждомъ шагу съ обидными затрудненіями, не могла долго продолжаться. Узкія полномочія слишкомъ не отвѣчали работоспособности.

Е. Б. переѣхала въ Москву, жила нѣкоторое время у матери. Затѣмъ въ пріютѣ А. Ѳ. Аксаковой замѣняла заболѣвшую надзирательницу. Къ этому времени относится ея сближеніе съ Аксаковыми. Въ Петербургѣ, по указанію графини Толстой, состоящей членомъ Человѣколюбиваго общества, Е. Б. принимала участіе въ благотворительной дѣятельности общества. Потомъ она занималась въ Татевской школѣ подъ руководствомъ С. А. Рачинскаго, съ которымъ впослѣдствіи переписывалась. Мысль посвятить себя какому-нибудь дѣлу, всецѣло отдаться на служеніе ближнему, безраздѣльно принимала болѣе и болѣе опредѣленныя черты: Е. Б. рѣшила идти въ монашество. «Иду въ монастырь», говорила она близкимъ. Куда? спрашивали ее.—«Куда Богъ укажетъ»... Въ это время архіепископъ Леонтій выработалъ идею просвѣтительно-благотворительнаго монастыря въ цѣляхъ миссіонерскаго воздѣйствія на уніатовъ и упорствующихъ,—мѣстомъ для монастыря была намѣчена Лѣсна. Архіепископъ Леонтій искалъ образованной и энергичной игумени, которая сумѣла бы облечь его идею въ плоть и кровь. «Улей есть, матки нѣтъ», говаривалъ онъ. Ему указали на Е. Б. Послѣдовало предложеніе, которое и было принято съ восторгомъ.

Лѣсна обладаетъ святыней—иконою Божіей Матери. По преданію *), эта икона—явленная. Она обрѣтена пастухами лѣтъ 200 тому назадъ, именно въ 1683 году 14 сентября на грушевомъ деревѣ. Икона была поставлена въ Буковичской православной церкви. Но вскорѣ, уже въ 1686 году, поляки «обманомъ и насиліемъ» отняли икону у православныхъ и на мѣстѣ явленія иконы, въ Лѣснѣ, основали въ началѣ XVIII вѣка монастырь паулиновъ, надолго ставшій центромъ латинской пропаганды. Въ

*) Подробности объ иконѣ и ея исторіи см. въ «Сказаніи о Лѣсненской чудотворной иконѣ Божіей Матери» прот. И. Страшкевича. Холмъ 1900 г.

1863 году паулины за участіе въ мятежѣ были удалены изъ монастыря, а въ 1875 году лѣснинскій костелъ былъ переданъ православному вѣдомству. Въ 1884 году разрѣшено было учредить въ Лѣснѣ, согласно мысли архіепископа Леонтія, православную Свято-Богородицкую женскую общину. 20 октября 1885 г. прибыла въ Лѣсну Е. Б Ефимовская съ пятью сестрами и двумя дѣвочками. Сначала была основана только община, которою управляла Е. Б., еще не связанная иноческими обѣтами. Община преобразована въ общежительный монастырь 26 августа 1889 г.

По характеру своей дѣятельности и общему строю Лѣснинскій монастырь—то же, что Вировскій. Лѣсна, какъ и Вировъ, несетъ мѣстному населенію духовное просвѣщеніе и медицинскую помощь. Лѣсна воспитываетъ 356 дѣтей: изъ нихъ 245 ученицъ девятилѣтней церковно-учительской школы, 23 ученицы ремесленной школы и 21—сельско-хозяйственной, 67 малолѣтокъ, среди которыхъ 19 «ползунковъ». Лѣснинская школа—цѣлая система послѣдовательныхъ школъ: школа грамоты съ 3-лѣтнимъ курсомъ, двухклассная съ пятью отдѣленіями, второклассная, трехлѣтняя и церковно-учительская тоже трехлѣтняя. Три года школы грамоты соотвѣтствуютъ первымъ тремъ годамъ двухклассной школы; пройдя эти три класса, однѣ ученицы продолжаютъ въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ двухклассной школы, а другія, лучшія, поступаютъ во второклассную школу. Эта послѣдняя выпускаетъ учительницъ для школъ грамоты, но лучшія ученицы продолжаютъ ученіе въ церковно-учительской школѣ, которая, такимъ образомъ, имѣетъ въ общемъ девятилѣтній курсъ, съ программою почти гимназическою и приготовляетъ учительницъ для церковно-приходскихъ школъ. Ученицы низшихъ классовъ, обнаруживающія менѣе склонности къ теоретическому обученію, переводятся въ практическія школы—сельскохозяйственную и ремесленную. Младшіе классы являются вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ практически-учительскихъ занятій ученицъ старшихъ церковно-учительскихъ классовъ. Едва-ли какой другой изъ нашихъ монастырей содержитъ въ своихъ стѣнахъ столько интеллигентныхъ инокинь, какъ лѣснинскій. Восемь учительницъ этого монастыря — всѣ свои. Получаемое ими жалованье идетъ всецѣло въ кассу монастыря и является единственнымъ денежнымъ пособіемъ отъ казны монастырю. Впрочемъ, монастырь имѣетъ въ настоящее время до 370 десятинъ земли и ведетъ довольно широкое хозяйство, являющееся необходимымъ

условіемъ существованія школъ сельско-хозяйственной и, отчасти, ремесленной! И всѣ ученицы, въ мѣру возможнаго, принимаютъ участіе въ хозяйственныхъ трудахъ. Другимъ видомъ благотворительной дѣятельности лѣснинскаго монастыря служитъ медицинская помощь окружающему населенію. Всѣмъ больничнымъ дѣломъ и врачебнымъ, и аптекарскимъ, и фельдшерскимъ, завѣдываютъ сами сестры, никогда не обращающіяся къ содѣйствію врачей. Во главѣ этого дѣла стоитъ казначея монастыря, м. Нина. Монастырская больница, удовлетворяя собственнымъ нуждамъ монастыря, принимаетъ нѣсколько тысячъ въ годъ сторонникъ амбулаторныхъ больныхъ, которымъ безплатно выдается и лѣкарство Имѣется лазаретъ. Въ настоящее время выстроено и уже отдѣлывается внутри громадное зданіе лазарета, въ которомъ будетъ постоянныхъ 43 кровати—35 для монастырскихъ обитательницъ, изъ нихъ 10 для заразныхъ больныхъ, и 8 кроватей для народа.

Мы начали осмотръ монастыря, утромъ слѣдующаго дня, съ сада и прудовъ. При своемъ основаніи монастырь былъ окруженъ болотомъ, которое приносило только вредъ и въ гигиническомъ и въ экономическомъ отношеніи. Нужно было осушить его. Былъ приглашенъ инженеръ, который за «приличную плату» устроилъ прудъ, не достигавшій однако своего назначенія. Пришлось исправлять и довершать это дѣло своими силами. За него взялась мать Нина...

Я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этой помощницѣ и другѣ м. Екатерины. Мать Нина—это «миѳическое» лицо въ Лѣснинской обители. Какъ духовный строй обители есть всецѣло созданіе и дѣло м. Екатерины, такъ вся техника экономической и благотворительной жизни монастыря связана съ именемъ м. Нины. Ея всезнаніе, многосторонность дѣятельности и неисчерпываемость ея энергіи удивительны и даже граничатъ съ невѣроятностью. Начиная съ прудовъ, мы наблюдали связь ея имени со всѣми сторонами и со всѣми уголками монастыря. Ея именемъ идутъ въ настоящее время большія постройки.—кромѣ уже готовой больницы, строится большая сельско-хозяйственная школа и производятся нѣкоторыя постройки на скотномъ дворѣ: мать Нина взяла на себя трудъ архитекторскій, включая сюда и составленіе плановъ и общее наблюденіе за исполненіемъ работъ. На ней лежитъ все больничное дѣло: она единственный врачъ и имѣетъ помощницъ лишь въ аптекарскихъ и фельдшер-

сныхъ работахъ. Какъ казначея монастыря, она завѣдуетъ всей монастырской экономией и всѣмъ хозяйствомъ. Когда она присоединилась къ намъ и мы пробыли съ нею нѣсколько часовъ сряду, мы были изумлены количествомъ разнообразныхъ запросовъ, обращенныхъ къ ней, и данныхъ ею указаній и отвѣтовъ: къ ней и эконому и управляющій хозяйствомъ и завѣдующій скотнымъ дворомъ, она давала распоряженія и въ кухнѣ, и въ столовой, и на полѣ, и малярамъ И все это съ такимъ авторитетомъ, съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такимъ вниманіемъ въ каждой мелочи!

М. Нина (въ мірѣ Наталья Григорьевна Касаковская) много горя перенесла въ своей молодости... Впрочемъ, я не уполномоченъ передавать то, что слышалъ отъ нея по этому предмету... Медицинскому дѣлу она научилась у своего брата-врача. Ушла въ монастырь противъ воли своего отца—послѣ того, какъ поставила на ноги всѣхъ братьевъ и сестеръ (она рано лишилась матери). Настроена мистически; ея душа возвышается до видѣній. Такъ она видѣла своего отца въ моментъ его смерти съ поразительною ясностью и съ подробностями, которыя впослѣдствіи подтвердились очевидцами. Уже одно это видѣніе держитъ ея душу въ постоянномъ религіозномъ настроеніи. Но ея душа горитъ и нѣжной дѣятельной любовью. Ея энергія поразительно особенно въ виду того обстоятельства, что она перенесла нѣсколько тяжелыхъ хирургическихъ операцій, вытерпѣла много физическихъ страданій и видѣла смерть на близкомъ разстояніи. Нынѣ она—незамѣнимая помощница м. Екатерины, которая всецѣло предоставила ей всю техническую сторону монастырской жизни. Но она не только ея помощница, она ея другъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Онѣ—мать и дочь. При работоспособности, превосходящей всякое вѣроятіе, м. Нина живетъ на лѣкарствахъ и нуждается въ постоянномъ вниманіи. Съ материнскою нѣжностью м. Екатерина напомнитъ ей принять капли, наброситъ на плечи въ нужную минуту шаль ..

Онѣ говорятъ, что онѣ необходимы другъ другу,—и наблюдателю это кажется аксіомой. Онѣ вмѣстѣ думаютъ, вмѣстѣ чувствуютъ.

М. Нина устроила цѣлую систему прудовъ, соединенныхъ между собою и съ рѣчкою: вода въ нихъ постоянно проточная. Всѣ пруды скрываются въ обширномъ саду, который повсюду показываетъ слѣды внимательнаго ухода. Все это не только

гигіенично и экономично, но и художественно-красиво. Работы землекопательныя и садовыя еще продолжаются.

Затѣмъ мы осматривали больницу и школы. Въ больницѣ застали м. Нину съ помощницами за приготовленіемъ лѣкарствъ, которыхъ дожидалось нѣсколько амбулаторныхъ больныхъ: пріемъ только что окончился... Изъ больницы пошли въ новое зданіе лазарета, гдѣ идутъ послѣднія штукатурныя и малярныя работы. Планъ зданія создавъ съ знаніемъ больничнаго дѣла и съ любовью къ нему. Предвидѣна каждая мелочь. Обращено особое вниманіе на изоляцію заразныхъ больныхъ: для нихъ и особый ходъ и свое все нужное—аптечка, кухня... Между прочимъ, въ устройствѣ больницы принята во вниманіе и мѣстная потребность: дѣти, вновь принимаемыя и возвращающіяся съ каникулъ, обычно страдаютъ накожными болѣзнями. Для такихъ больныхъ отдѣлены особыя палатки... Вообще хозяйственный лазаретъ устроенъ богато. Есть операціонный кабинетъ и комната для приготовленія медицинскихъ травъ и пр. Но вниманіе посѣтителя-неспеціалиста преимущественно привлекаютъ къ себѣ мелочи, свидѣтельствующія о крайней заботливости завѣдующей постройками: напр., печамъ приданы пирамидальныя верхушки, чтобы не задерживали пыли; замазаны штукатуркой углы соединенія стѣнъ и половъ, такъ что отъ щетки не спасется въ углахъ пыль. И т. д. и т. д.

Большое школьное зданіе имѣетъ сложное внутреннее устройство. Множество классныхъ комнатъ въ разныхъ отдѣленіяхъ школы, комнаты съ классными пособіями—библіотека, физическій кабинетъ, спальныя, умывальныя, помѣщенія для малолѣтокъ... Общее впечатлѣніе то же, что и въ Вировѣ. Разница развѣ та, что въ Лѣснѣ нынѣ обучаются только дѣвочки. Посѣтитель не можетъ не замѣтить здороваго вида дѣтей и ихъ непринужденнаго довѣрчиваго отношенія къ старшимъ. Легко предположить, что дѣти старшаго возраста обладаютъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ. Это не только видно изъ ихъ отвѣтовъ, но и изъ программы школы. Очевидно, въ жизнь края онѣ многое вынесутъ изъ своей alma mater. Нужно также упомянуть объ обычаѣ монастыря отпускать дѣтей на лѣтнія каникулы въ деревни—и не только къ роднымъ, имѣющихъ родню, но и сиротъ къ тѣмъ, кто ихъ возьметъ. Такимъ образомъ, дѣти не порываютъ связи съ деревней, изъ которой взяты и въ которой будутъ жить. Монастырь готовитъ ихъ для народа. Готовитъ

онъ ихъ съ миссіонерскою цѣлью, и воспитаніе ихъ церковное, однако, не односторонне-аскетическое... Всѣхъ дѣтей въ сборѣ (за исключеніемъ самыхъ маленькихъ) мы видѣли въ столовой Тѣсно поставленные столы были, какъ пчелинымъ роемъ, обсажены дѣтворой, усердно работавшей за своими деревянными чашками. Когда мы вошли, было уже покончено съ перловымъ супомъ,—и дежурныя разносили тыкву съ молокомъ. Кушанья были приготовлены сытно и вкусно. Дѣти на посѣтителей не обращали вниманія, которое было поглощено однимъ дѣломъ.

Въ послѣобѣденное время мы наблюдали дѣтей въ полѣ, въ полуверстномъ разстояніи отъ монастыря, за уборкой картофеля. Работникъ дѣлалъ борозду сохой, къ которой было придѣлано зубчатое колесо, быстро вращавшееся перпендикулярно къ бороздѣ и разбрасывавшее вырываемый картофель. Дѣти, разставленныя на своихъ участкахъ, подбирали его Работа шла оживленная. Стояла хорошая погода, ярко свѣтило вечернее солнце...

Возвращаясь съ поля, мы зашли въ хлѣбную. Здѣсь много работы: ежедневно выпекается муки на хлѣбъ до 20 пудовъ. Мы застали любопытную процедуру размѣшиванья тѣста: оно производится тутъ посредствомъ соотвѣтствующаго приспособленія, которое приводится въ движеніе лошадью, медленно кружащеюся предъ окномъ хлѣбной...

Но не это хитрое приспособленіе дѣлаетъ примѣчательнымъ помѣщеніе хлѣбной. Это зданіе, въ которомъ, кромѣ хлѣбной, находится еще прачешная, оказало первое гостепріимство въ лѣсу новоприбывшей м Екатеринѣ, тогда еще носившей мірское имя. Нужно лишь взглянуть теперь на это зданіе, чтобы ясно представить себѣ обстановку, въ которой было начато лѣсничское дѣло. Неоднократно съ того времени ремонтированное, зданіе имѣетъ мрачный и жалкій видъ; даже въ качествѣ помѣщенія для хлѣбной и прачешной, оно нынѣ терпится по крайней нуждѣ. Каково же оно было въ то время, когда въ Лѣсну прибыла основательница монастыря? Въ немъ прежде помѣщалось тюремное управленіе. Низкіе потолки съ угрожающими балками, окна, едва поднимающіяся надъ уровнемъ земли и украшенныя желѣзными рѣшетками, земляной полъ, сырой воздухъ... По своей привычкѣ м. Екатерина спала съ открытыми окнами, чрезъ которыя набирались въ комнату лягушки... Бѣдность ужасная... Предъ отъѣздомъ въ Лѣсну Евгенія Борисовна побывала

у К. П. Побѣдоносцева, который принялъ ее съ обычною любезностью и съ отмѣннымъ вниманіемъ къ ея планамъ. Когда же она завела рѣчь о матеріальной помощи этому дѣлу, Г. Оберъ-Прокуроръ поспѣшилъ ее успокоить знаменательными словами: «Работайте. Если дѣло будетъ, будутъ и средства» Т. е.—комментировала со вздохомъ м. Екатерина—сначала сдѣлайте дѣло, а потомъ дадимъ средства... И въ этой нищетѣ приходилось работать не одну работу, приходилось дѣлать множество дѣлъ и всюду поспѣвать. Устраивая обитель, ведя обширную переписку, создавая планы построекъ и учебно-воспитательнаго дѣла, Евгенія Борисовна сама носила дрова и воду, сама ухаживала за первой купленной коровой и—сверхъ всего—«отправляла обязанности» псаломщика. А эти обязанности были нелегки. О. Софроновичъ былъ строгій старикъ, любитель устава, вспыльчивый. Службы начинались рано и были продолжительны. Приходилось даже вести церковное письмоводство, имѣть дѣло съ консисторіей. Не обходилось безъ добровольнаго соглядатайства со стороны «нѣкихъ отъ Іакова».

«А тѣ пять сестеръ, которыя прибыли съ вами, были вашими дѣятельными помощницами?»спросилъ я м. Екатерину.

— Онѣ очень скоро покинули меня. Одна вышла замужъ, а остальныя не выказали расположенія къ новому дѣлу. Была среди нихъ одна обычнаго типиконнаго настроенія: блюла строгую букву устава, который не мѣшалъ ей любить покушать, и ничего не дѣлала...

Были еще враги у возникавшей общины. Гдѣ сейчасъ находятся служебныя монастырскія постройки, была католическая деревушка. Крестьяне-католики, озлобленные, вредили новоприбывшимъ всѣми законными и незаконными путями, особенно же досаждали воровствомъ. Долго м. Екатерина хлопотала, пока добилась, чтобы ихъ выселили на отведенный имъ надѣлъ земли.

Это, конечно, слишкомъ неполное описаніе того подвига христіанской любви, какой подняла на себя игуменія Лѣснинскаго монастыря. И, однакоже, легко по этимъ штрихамъ возсоздать картину начальныхъ дней Лѣснинской общины. Можно понять, что представшая работа потребовала отъ м. Екатерины напряженія всѣхъ силъ и давала ей полное нравственное удовлетвореніе. Она почувствовала, что дѣлала теперь настоящее, нужное дѣло, и ей казалось, что «всю предшествующую жизнь она жила только наканунѣ».

Многое сдѣлано Лѣснинскою игуменію за годы, проведенные ею въ своемъ монастырѣ. Въ настоящее время около нея болѣе 20 помощницъ, среди которыхъ много интеллигентныхъ. Тяжелые годы непрерывнаго напряженнаго труда, повидимому, не оставили слѣдовъ на ней. Ей нынѣ уже болѣе 50 лѣтъ, но ея бодрость и подвижность необычайны. Сколько мы исходили съ нею въ длинный день по саду, полю, постройкамъ и жилымъ помѣщеніямъ съ постоянными лѣстницами—и всюду едва поспѣвали за нею. Не менѣе физической энергіи сохранилось въ м. Екатеринѣ душевной живости и радости. Бесѣдовать съ нею—истинное наслажденіе. Разсказывая всю свою долгую жизнь, все перенесенное ею, все снова переживая въ памяти, она невольно и въ выраженіи лица, и въ звукѣ голоса, и въ словахъ открывала такое сердечное участіе ко всѣмъ людямъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться, что нельзя было не чувствовать всей глубины ея сердечной жизни. Любитъ м. Екатерина поговорить и по богословскимъ вопросамъ.. Столь же интересно было бесѣдовать и съ м. Нинною и съ сестрами, завѣдующими пекотой Все это люди, которые много передумали.—и каждая изъ нихъ за свою вѣру готова положить душу. Это создаетъ любопытную атмосферу живыхъ думъ, живого дѣла, которая столь отлична отъ среды мертвыхъ книгъ и чужихъ словъ. Здѣсь думаютъ по своему, думаютъ свою думу, думаютъ головой и сердцемъ М. Екатерина собрала ихъ вокругъ себя и дала имъ дѣло. И сколько повсюду скрывается такихъ людей, которые только ждутъ, чтобы началось гдѣ-нибудь живое дѣло, жаждутъ примкнуть къ доброму началу.

Личность м. Екатерины кладетъ свой отпечатокъ на все. Даже храмы свидѣтельствуютъ о ея духѣ, о ея непрестанныхъ порывахъ къ свѣту и любви. Такъ карнизъ церкви во имя св. Софіи, при монастырской трапезной, украшается евангельскою надписью, которая начинается въ алтарѣ, обходитъ всю церковь и возвращается въ алтарь: «Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя». Миніатюрная церковка во имя мучениковъ упи, Аптонія, Іоанна и Евстафія, это—храмъ свѣта. Евангеліе въ рукахъ Спасителя, по правую сторону алтаря, открыто на словахъ: «Азъ есмь свѣтъ міру». Эта икона Спасителя,

а равно и всѣ иконы, составляющія алтарную преграду, рисованы на стеклѣ и освѣщаются днемъ алтарными окнами, а ночью лампадками, поставленными такъ, что получается тотъ же свѣтовой эффектъ... Церковь въ честь Воскресенія бросается въ глаза своеобразнымъ устройствомъ: это только алтарь съ клиросами, поставленный на высокій склепъ. Все небольшое деревянное зданіе въ русскомъ стилѣ,—украшено узорнымъ куполомъ, и вся церковка цвѣтная. Съ большой площади предъ этою церковью-алтаремъ къ ней ведутъ три лѣстницы—средняя священнослужительская, а двѣ боковыя назначены для причастниковъ, которыхъ по большимъ монастырскимъ праздникамъ бываетъ нѣсколько тысячъ: они поднимаются по одной лѣстницѣ и сходятъ по другой. Церкви Троицкая и Воздвиженская—старинные храмы. Изъ нихъ первая, небольшая, имѣетъ внутри колодезь, который, по преданію, образовался на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла груша съ иконой Церковь по устройству простая. Но смотрѣть въ широкій и глубокій колодезь, въ которомъ отражается куполъ храма, доставляетъ рѣдкое удовольствіе. Съ одной стороны этого храма находится пристройка съ резервуарами для воды изъ колодца и окнами, въ которыя при праздничномъ стеченіи народа отпускается вода желающимъ ее получить. Вода считается цѣлебною. Съ другой стороны пристроенъ рядъ изъ 8 будочекъ-исповѣдалень, къ которымъ народъ предъ причастіемъ подходитъ съ площади. Главный монастырскій храмъ Воздвиженскій, бывшій католическій костелъ, можетъ быть названъ великолѣпнымъ по оригинальному внутреннему устройству. Четырьмя колоннами онъ раздѣляется на три части—широкую среднюю и двѣ боковыя. Алтарь средней части поставленъ очень высоко, и къ нему ведетъ широкая величественная лѣстница. Иконостасъ, однако, низкій, и лѣсенная святыня, утвержденная высоко на задней алтарной стѣнѣ, видна изъ храма. Примѣчательно, что алтарь не доходитъ до задней стѣны и, отдѣляясь отъ нея пространствомъ около двухъ аршинъ, ограждается деревянною рѣшеткою. Это незамѣтно изъ храма, да и, находясь въ алтарѣ, не сразу замѣтишь, что нельзя подойти къ иконѣ. Но это пространство за алтаремъ имѣетъ видъ коридора, по которому народъ идетъ, чрезъ боковыя двери, и во время богослуженія, нисколько не нарушая его, даже незамѣтно. Икона между тѣмъ спускается внизъ, и богомольцы,

ползущіе обычно по этому коридору на колѣнахъ, прикладываются къ святынѣ. У входа, во всю ширину главной части храма, устроены хоры.

Хорошо въ Лѣсѣ поютъ. Мы были въ Софійской церкви у ранней литургіи. Но и помимо того мы слышали лѣсное пѣніе—въ главномъ монастырскомъ храмѣ.

Прошелъ рано начавшійся день, богатый впечатлѣніями и многими думами. Утомились и сестры на своихъ обычныхъ тяжелыхъ работахъ... Величественный храмъ былъ скудно освѣщенъ нѣсколькими свѣчами съ хоръ, гдѣ помѣстились пѣвчія сестры. Внизу насъ было немного: м. Екатерина, м. Нина и мы двое—впереди задней правой колонны и нѣсколько сестеръ у лѣвыхъ входныхъ дверей.. Съ высоты неслись стройные звуки христіанской молитвы и наполняли темную громаду краснваго храма. Робкій восковой свѣтъ терялся въ густомъ мракѣ, и сильные звуки одни овладѣвали всей душой. Въ этой молитвѣ слышалась громкая хвала Богу, даровавшему силы нести эти труды, и дрожали въ ней слезы людского горя, и звучала любовь, могучая и радостная, и сквозила нѣжная надежда, по временамъ переходившая въ негромкій призывъ грядущаго Господа. И когда раздались трогательныя слова пѣсни: «Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща», то почувствовалось, какъ умѣстны здѣсь эти слова,— и сердце усиленно билось отъ наплыва волненій, связанныхъ съ христіанскимъ вопросомъ. Время отъ времени тихій шопотъ м. Нины спрашивалъ: «Не правда ли, у насъ поютъ совсѣмъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ?» И было ясно, что поютъ здѣсь иначе потому, что чувствуютъ здѣсь по своему и живутъ не какъ вездѣ. И съ жадностью внималъ я молитвѣ. Хотѣлось проникнуть въ ея глубину и открыть по ней то, что лежитъ у этихъ труженицъ на самомъ днѣ ихъ сердца, что скрывается можетъ быть отъ ихъ собственнаго ясной мысли вдали души... Я не понимаю технической красоты музыки и пѣнія, и ихъ дѣйствіе на меня сказывается въ усиленномъ переживаніи собственныхъ мыслей и собственныхъ чувствъ, часто слишкомъ далекихъ отъ словъ автора и мыслей композитора... И въ тѣ незабвенныя минуты я думалъ свою думу. Я думалъ: почему въ этой молитвѣ не слышится вѣры,—той мощной и твердой вѣры, которая угрожала сокрушить міръ и побѣдить его зло? Сюда, въ этотъ уголокъ, доносятся волны мірскихъ бѣдъ и страданій.

Немногія жертвы мірской жизни, которыя здѣсь выбрасываются на берегъ, поднимаются милосердными сестрами: онѣ обмываютъ раны несчастныхъ, кормятъ голодныхъ, выхаживаютъ бѣдныхъ дѣтей. Но отчего такъ грозны и несокрушимы волны этого мірского моря? Отчего оно такъ необъятно, а этотъ «вертоградъ» такъ малъ и такъ немощенъ? Почему кажется, что эти сестры вышли изъ пѣны людскихъ страданій, онѣ вырваны у Бога, какъ падучія звѣзды, силою горя и бѣдъ, онѣ сами подавлены этою силою?

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ..

Она прекрасна—эта душа, прекрасна и божественна, но почему она—нѣжный цвѣтокъ на крѣпкомъ древѣ міра, почему она такъ страстно зоветъ грядущаго Жениха, почему она такъ рвется изъ міра, которому она чужда? Гдѣ—та вѣра, которая сама вышла бы въ міръ и увидала его у своихъ ногъ, вышла бы въ міръ съ надеждою измѣнить его, съ сознаніемъ своей силы пересоздать міръ, затопить своею любовью всю поверхность земли? Развѣ не въ этомъ единственно христіанство? Развѣ оно живетъ только въ нѣжной женской душѣ и уже не имѣетъ мужской бодрости?..

Описанныя мною въ предшествующихъ очеркахъ христіанскіе дѣятели развиваютъ дѣятельность, имѣющую видъ личнохристіанской благотворительности, подвига служенія ближнему, принесенія личной жизни на алтарь человѣческихъ страданій и нуждъ. Далѣе, съ слѣдующаго очерка, я опишу другой видъ христіанской жизни и дѣятельности—устроеніе живой христіанской общины, общежитіе людей, ищущихъ правды.

Въ описаніяхъ перваго типа христіанской дѣятельности я ограничиваюсь изображенными выше лицами и учрежденіями, потому что считаю достаточно обрисовавшимся этотъ типъ въ его наиболѣе ярлыхъ представителяхъ; но это не значитъ, что этими немногими представителями исчерпывается дѣйствительное число дѣлателей этого вида. Я хочу указать читателямъ, к а к і е бываютъ живые люди, совершающіе и въ наши дни свои тихіе подвиги, но я не беру на себя задачи перечислить всѣхъ, с к о л ь к о такихъ дѣятелей знаетъ сама дѣйствительность Ихъ больше, гораздо больше, чѣмъ сколько названо выше. Говорю

это не въ смыслѣ безпочвеннаго предположенія, а на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи свѣдѣній.

Такъ я могъ бы указать на Пюхтицкій Успенскій женскій монастырь *). Онъ находится въ Эстляндской губ., Везенбергскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 25 отъ станціи Іевве Балтійской ж. д., въ двухъ верстахъ отъ деревушки Пюхтица, на Богородицкой горѣ; существуетъ съ 15 августа 1891 года. При монастырѣ находятся: Пюхтицкое двухклассное приходское училище съ интернатомъ; Овсовская вспомогательная школа; безплатная народная библіотека; пріютъ, въ которомъ за отчетный годъ 1 августа 1903 г.—1 августа 1904 года находилось 18 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ; больница и лазаретъ. Близкое участіе въ благотворительныхъ учрежденіяхъ монастыря принимаетъ княгиня Е. Д. Шаховская, супруга бывшаго эстляндскаго губернатора кн. С. В. Шаховскаго, погребеннаго въ монастырѣ...

Я могъ бы назвать далѣе Переславскій Ѳедоровскій монастырь **), существующій съ XVI столѣтія, а какъ женскій съ 1667 года; находится верстахъ въ 4 отъ Переславля, на берегу озера. Благотворительно-трудовая дѣятельность монастыря особенно развилась при нынѣ управляющей монастыремъ игуменіи Евгеніи (съ 1875 года). При монастырѣ (и его трехъ пустынкахъ) находятся 4 церковно-приходскія школы и воспитывается нѣсколько маленькихъ безпріютныхъ сиротъ дѣвочекъ. Монастырь славится рукодѣліями. Монастырскія сестры—а ихъ до 400—ткутъ полотна, выдѣлываютъ половики и ковры, шьютъ гладью и золотомъ, вышиваютъ хоругви и иконы, дѣлаютъ всевозможные цвѣты и модели, шьютъ ризы, бѣлье и обувь, дѣлаютъ мыло, вырабатываютъ кирпичи и горшки разныхъ фасоновъ, сами составляютъ краски, красятъ и бѣлятъ, книги переплетаютъ; не желающія заниматься рукодѣліемъ сестры исполняютъ для монастыря земледѣльческія работы. Монастырь поражаетъ посѣтителя работоспособностью и неутомимостью сестеръ.

---

*) Краткія свѣдѣнія въ Церк. Вѣд. 1893 г. № 17 и 1901 г. № 43; подробныя въ брош. «Сказаніе о почитаемой чудотворной Пюхтицкой иконѣ Успенія Божіей Матери». Ревель 1902 (на рус. и эстонскомъ языкахъ). Я имѣлъ подъ руками также Отчеты Іевенскаго отдѣленія Прибалтійскаго Православнаго Братства за нѣсколько лѣтъ, кончая отчетомъ за время съ 1 августа 1903 г. по 1 августа 1904 года.

**) См. брош. Протоіерея А. Свирѣлина «Переславскій Ѳедоровскій женскій монастырь». Владим. 1903 г.

Я могъ бы назвать Печенгскій монастырь Архангельской губерніи, на Мурманскомъ берегу. Это монастырь въ высшей степени примѣчательный. Не знаю, существуютъ ли о немъ печатныя свѣдѣнія. Основанный въ тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ, монастырь, подъ руководствомъ энергичнаго архимандрита, развернулъ довольно широкую культурную дѣятельность, приходя съ этой стороны на помощь мѣстному населенію. Монастырь, напримѣръ, видя безысходную нужду какого нибудь жалкаго лопаря, даетъ ему корову, которая и остается у него до того времени, пока она съ голоду и холоду не сдѣлается безполезною, тогда монастырь отбираетъ ее, снова выхаживаетъ...

Можно было бы назвать и многихъ одиночекъ. Напр., извѣстная сестра Варвара *). Потерявъ двухъ мужей, она жила въ Кіевскомъ Покровскомъ монастырѣ подъ руководствомъ Великой Княгини, затѣмъ работала въ Петербургскомъ Обществѣ ревнителей «Вѣры и Милосердія», наконецъ, въ 1897 году поселилась въ деревнѣ Любани, Новгор. губ., и посвятила себя на службу босякамъ, которыхъ выбрасываетъ въ обилии Петербургъ. Она открыла для нихъ даровую столовую, помогаетъ имъ платьемъ и обувью, лѣчитъ больныхъ, утѣшаетъ кающихся у подножія креста, читаетъ имъ евангеліе, бесѣдуетъ съ ними, устраиваетъ общія молитвы съ пѣніемъ. Она глубоко чувствуетъ бѣдственное положеніе этихъ людей съ «проходнымъ билетомъ», выброшенныхъ изъ Петербурга и не терпимыхъ въ деревнѣ. «Эти несчастные, говоритъ она, отверженные люди—для всѣхъ лишніе, они всѣмъ мѣшаютъ. У нихъ есть только одинъ выходъ изъ этого положенія—попасть въ каторгу.. Такъ неужели мы должны навсегда отвернуться отъ этихъ горемыкъ? Неужели мы должны забыть, что и они носятъ образъ Божій? Развѣ нѣтъ у нихъ сердца, души и чувства? Развѣ глаза ихъ не плачутъ? Развѣ тѣло ихъ не страдаетъ отъ холода, и желудокъ не проситъ пищи?. А какіе они жалкіе, грязные, иззябшіе, голодные, несчастные. Зимой подойдутъ къ двери, жмутся, вздрагиваютъ въ своихъ лохматьяхъ, переступаютъ съ ноги на ногу въ опоркахъ, въ рваныхъ валенкахъ, въ башмакахъ, въ лаптяхъ... О, Боже мой, думаешь, вѣдь это же люди, люди! Вѣдь Ты ихъ всѣхъ одинаково искупилъ своимъ страданіемъ.—какъ я осмѣлюсь судить ихъ бѣдныхъ? Вѣдь это Твои «малые», которые и про-

*) О ней напр. Душ. Чт. 1901, I, 361 слѣд.

сять-то такъ немного .. Въ это время, кажется, чего бы имъ не отдала» . Много приходится сестрѣ Варварѣ переживать угрожающихъ исторій съ этими босяками, которые не всегда бываютъ ласковы и нѣжны...

Изъ недалекаго прошлаго было бы преступленіемъ не вспомнить на этихъ страницахъ «святого» доктора Гааза (1780—1853). Ему посвящена роскошно изданная и художественно составленная книга А. Ѳ. Кони .. Этотъ иностранецъ, пріѣхавъ въ молодости въ Россію, навсегда остался въ ней и посвятилъ всего себя мученикамъ русской тюрьмы Онъ старался облегчить имъ жизнь, удалить отъ нихъ ненужныя страданія, уменьшить неизбѣжныя, принести возможное утѣшеніе преступникамъ, смягчить страданія больныхъ, возродить и поддержать въ каждомъ изъ нихъ ч е л о в ѣ к а. Что онъ дѣлалъ для борьбы съ жестокой заковкой пересыльныхъ, съ дурнымъ содержаніемъ тюремныхъ зданій и т д.—все это трудно пересказать въ немногихъ строкахъ. Онъ работалъ неустанно, сносился съ сильными міра сего, падалъ предъ ними на колѣна, проливалъ слезы, вымаливалъ у богатыхъ, убѣждалъ. жаловался, угрожалъ, терпѣлъ обиды, оскорбленія .. Посѣщая нѣсколько разъ каждую партію пересыльныхъ, онъ привозилъ имъ провизію, разспрашивалъ ихъ о нуждахъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней узнавалъ каждаго изъ нихъ, при прощаніи цѣловался съ ними, провожалъ ихъ пѣшкомъ за нѣсколько верстъ отъ Москвы. Посѣщая больныхъ арестантовъ, онъ садился на край кровати больного, вступалъ съ нимъ въ бесѣду, нерѣдко цѣловалъ больныхъ, приносилъ имъ крендели и лакомства. на Пасху христосовался со всѣми. Онъ любилъ дѣлать пожертвованія на тюрьмы «отъ неизвѣстной благотворительной особы», бѣднымъ больнымъ на дому вмѣстѣ съ рецептомъ раздавалъ кредитки. Отъ большого состоянія, которое онъ нажилъ въ первые годы своей врачебной практики въ Москвѣ, ко дню его смерти ничего не осталось, и его пришлось хоронить на городской счетъ. «Самый вѣрный путь къ счастью, писалъ Гаазъ своему воспитаннику Норшину, не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми. Для этого нужно внимать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, словомъ, л ю б и т ь ихъ, причемъ, чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно тому, какъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что

онъ непрерывно находится въ дѣйствіи». По такому правилу жилъ самъ Гаазъ.

Предо мною встаетъ цѣлый рядъ дѣятелей въ этомъ родѣ. Въ этой галлереѣ живыхъ душъ встрѣчаются имена изъ всѣхъ слоевъ общества и положенія—и титулованныя особы, и купцы, и сельскія учительницы, и семинаристъ-учитель...

Думаю, что изъ представленныхъ описаній, которыми я ограничился, для читателя ясно, что такое живая душа. Живыя души—носители христіанской любви. Чтобы достигнуть жизни на этомъ пути, нужно отдаться любви всецѣло, не оглядываясь назадъ, нужно видѣть счастье въ дѣлахъ любви, нужно, чтобы любовь къ ближнему вдохновляла человѣка, окрыляла его. Кто считаетъ добрыя дѣла ариѳметически, кто говоритъ: вотъ это отдамъ, а это себѣ,—кто оцѣниваетъ доброе дѣло юридически и ждетъ за него награды, тотъ не понимаетъ, что значитъ жить любовью. Христіанская любовь не понятна въ качествѣ долга, обязательства,—она понятна лишь въ качествѣ вдохновенія. Долгъ для раба, а въ царствѣ Христа—свободные. Вдохновеніе любви даетъ всецѣлую и достаточную награду ея носителямъ.

Я соглашаюсь съ тѣмъ, что устроительницы Лѣспы и Вирова, докторъ Гаазъ, сестра Варвара—наиболѣе яркіе носители живой жизни, дающіе возможность обрисовать ихъ дѣятельность выразительно и наглядно, указать на нее, какъ на фактъ нашей жизни, что ими не ограничивается число живыхъ людей. Можно не имѣть такихъ громкихъ дѣлъ, можно дѣйствовать въ болѣе скромной обстановкѣ и все же жить дѣйствительною жизнью. Можно всю душу свою вложить въ скромное занятіе сельскаго учителя, сестры милосердія,—и жить такъ же полно, какъ докторъ Гаазъ, или сестра Анна.. Но я настаиваю на томъ, что дѣйствительная полнота жизни въ сферѣ личнаго подвига можетъ раскрыться только на почвѣ христіанской любви. Пусть оттѣнки будутъ различны, и видимость будетъ разнообразна, и слова будутъ звучать каждый разъ по своему, но сущность дѣла въ любви. Что меня трогаетъ, умиляетъ, восторгаетъ, тянетъ къ себѣ,—это окрыленность любви, ея самозабвеніе, ея радость. И всѣ мы воспитаны въ такихъ чувствахъ, всѣ мы пропитаны христіанствомъ, напоены его воздухомъ, обвѣяны его дыханіемъ,—и не можемъ выйти изъ его атмосферы, не можемъ вообразить себя на лунѣ. Не о догматикѣ Макарія я говорю, не о различіяхъ православія, католичества и протестантства, не о

границахъ между церковью, расколомъ и сектантствомъ, я говорю о христіанскомъ духѣ, о евангельскомъ міровоззрѣніи, которому мы учимся не изъ книгъ, которымъ насыщенъ нашъ воздухъ. Мы не можемъ представить себѣ подвига человѣческаго не въ сіяніи лучей любви... Ведетъ Немировичъ-Данченко разсказы о «бодрыхъ людяхъ». Курсистки, студенты, улица, чердакъ, полиція, дворникъ—знакомая рамка будничной жизни. Но что сіяетъ въ этой рамкѣ, это все она—любовь, Божья любовь къ ближнему. Въ этомъ гомонѣ, въ этой сутолокѣ, въ этомъ петербургскомъ туманѣ, въ этой пестротѣ полицейской улицы раздаются тихія слова, все покрывающія, все пронизывающія, одухотворяющія, омысливающія: «Такъ разсуждать нельзя! Если на каждомъ шагу оглядываться да за шкуру дрожать, такъ лучше не жить. Вѣдь не устрицы мы на самомъ дѣлѣ... Люди—братья. Одного ударь,—сосѣду должно быть больно. Другъ за друга. а Богъ за всѣхъ. И потомъ, кому же за правду, какъ не молодымъ? Если мы теперь пріучимся молчать да терпѣть,—ничего сказать,—хороши потомъ будемъ»... Вы видите, бодрые люди это тѣ же живыя души. Это ничего, что здѣсь не видно рубища, или черной рясы Анны, или стариннаго платья доктора Гааза, что здѣсь не слышно выдержекъ изъ Златоустаго—суть дѣла одна и та же. Нашъ героизмъ — героизмъ любви, наша жизнь—жизнь любви. И внѣ ея лучей мы не можемъ представить себѣ жизни. Мы не знаемъ, чѣмъ иначе намъ наполнить ту безграничность, которая предъ нами открывается, ту свободу, въ которой мы себя чувствуемъ, тѣ громкія слова, которыхъ такъ много раздается въ нашей жизни. Взглянувъ въ эту бездну свободы, наслушавшись этихъ громкихъ словъ, одинъ изъ героевъ «Дна» говоритъ: «Я, братъ, боюсь иногда. Понимаешь? Трушу... Потому, что же дальше?.. Все какъ во снѣ .. Зачѣмъ я родился?»... И этотъ вопросъ: «что же дальше» подрываетъ въ корнѣ всякую позитивно-индивидуалистическую философію. И пока не дано отвѣта на этотъ вопросъ, пока не наполнена бездна, пока не подыскано содержаніе для высокихъ словъ, до тѣхъ поръ пошлы и противны всякое стремленіе къ свободѣ, всякій протестъ. «Иной разъ думаешь, думаешь. И вдругъ все исчезнетъ изъ тебя, точно провалится насквозь куда-то. Въ душѣ тогда, какъ въ погребѣ, темно, сыро и совсѣмъ пусто. Совсѣмъ ничего нѣтъ! Даже страшно... какъ будто ты не человѣкъ, а оврагъ бездонный»... И въ этой безпомощности предъ лицомъ

внутренней бездонности люди культурные сходя съ босяками. Овладѣвъ полною свободою, завоевавъ себѣ полную несвязанность соціальными путами, босякъ въ недоумѣніи остановился передъ ужасающими пустотою и бездонностью. Но и культурный человѣкъ—чѣмъ онъ можетъ оправдать свои протесты, свои революціи, кромѣ поэзіи любви,—любви беззавѣтной къ народу? Дѣти, разрывающія оковы мѣщанской семьи въ погонѣ за свѣтомъ науки, супруги, сбрасывающіе съ себя тяжесть взаимныхъ обязательствъ, сестры, рвущіяся вдаль, родители, бросающіе своихъ дѣтей, чѣмъ они могутъ оправдать свою свободу, какъ не красотою всеобъемлющей любви? И выкиньте изъ ихъ стремленій эту нотку любви къ ближнему, отнимите у ихъ порывовъ это оправданіе,—вы увидите на другомъ концѣ то же мѣщанское счастье, отъ котораго они бѣгутъ, то же животное благополучіе, выше котораго они хотятъ стать. Мы не можемъ достаточно надивиться пошлости героя разсказа Арцыбашева «Жена», который возсталъ противъ семейныхъ узъ ради «свободнаго кутежа» ничѣмъ не связанныхъ людей. Мы не можемъ сочувствовать протестующимъ героинямъ новаго драматическаго очерка Е. Чирикова «Иванъ Мироныч», потому что чувствуемъ, что онѣ и «новую жизнь» наполнятъ старою пошлостью въ родѣ «японскихъ ширмочекъ»..

Но помимо утилитарной пошлости, оспаривающей царство христіанской любви, есть еще врагъ этого царства, нападающій на него съ той стороны, которая кажется наиболѣе безопасной—со стороны религіозной. Этотъ врагъ—современные теоретики традиціоннаго аскетизма.

На традиціонный аскетизмъ можно смотрѣть различно, и мы о немъ не говоримъ. Но современные теоретики его, о которыхъ мы и говоримъ, берутъ его въ опредѣленномъ освѣщеніи. Они считаютъ подвигъ аскетизма высшею формою христіанской жизни, высшимъ христіанскимъ идеаломъ, и при этомъ аскетизмъ понимается въ смыслѣ, рѣшительно отличающимъ его отъ подвига христіанской любви. Въ этомъ отношеніи современный аскетизмъ говоритъ съ такою ясностью и опредѣленностью, которой можетъ позавидовать любая теорія.

Я разумѣю, преимущественно, статью въ Душ. Чт. (1902, ч. 3 стр. 194 слѣд.). «Что такое монастырь? спрашиваетъ авторъ—На чемъ должна быть всецѣло сосредоточена мысль монаха? Исключительно на своемъ личномъ спасеніи. Вся цѣль

его жизни и подвига,—очистивъ свое сердце отъ страстей, сдѣлать его обителью непрестанной Іисусовой молитвы. На вопросъ: зачѣмъ онъ убѣжалъ въ пустыню изъ міра? онъ могъ бы отвѣтить: пусть міръ забудетъ меня, пусть и я умру для него,—я безраздѣльно хочу принадлежать моему Господу». Это— «эгоизмъ спасенія», «святой эгоизмъ». «Если послѣдователи Будды считаютъ необходимымъ уединеніе, какъ средство къ нравственному совершенству, то кто жъ посмѣетъ отказать въ этомъ тому, кто всѣмъ сердцемъ ищетъ Христа, кто порывается еще во плоти жить жизнью безплотныхъ?» Итакъ, монашество, по мнѣнію этого писателя, подобно буддійскому отшельничеству, есть путь къ достиженію естественнаго, физическаго совершенства—безплотности Но христіанство тѣмъ и отлично отъ всего язычества, что язычникъ хочетъ подняться до Бога естественнымъ усовершенствованіемъ, достигнуть до Него въ экстазѣ, въ созерцаніи, въ утонченіи природы, въ м е р т в о й жизни, а христіанинъ хочетъ, чтобы Богъ вселился въ него, хочетъ жить по-божьему, а какъ Богъ есть любовь, то любить по-божьему. Любить по-божьему, значитъ любить безъ конца, абсолютно. И обратно—абсолютная жизнь доступна человѣку единственно въ любви. И это есть ж и в а я жизнь. Христіанское единеніе съ Богомъ есть единеніе любви. Христіанинъ живетъ не сумрачною стихійною жизнью, а свѣтлою богочеловѣческою жизнью.

Н о в а я заповѣдь евангелія, положившая грань между язычествомъ и христіанствомъ, есть заповѣдь л ю б в и. Правда, христіанская заповѣдь о любви двухсоставная; христіанская любовь есть прежде всего любовь къ Богу—любовь къ Нему всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ разумѣніемъ. Это первая и наибольшая заповѣдь. Заповѣдь о любви къ ближнему есть вторая и подобная ей. Нельзя пренебрегать ни одной изъ этихъ двухъ частей христіанской заповѣди. Въ томъ, что религіозная любовь есть прежде всего любовь къ Богу,—въ этомъ абсолютный характеръ христіанской любви, рѣшительно отличающій ее отъ утилитаризма, отъ соціальной этики, которой недостаетъ полета къ небу, которая сводится къ земному благоустройству. Утилитарная этика въ томъ, чтобы люди были счастливы, чтобы общество благоденствовало, хотя бы индивидууму пришлось пострадать ради общества; напротивъ, христіанство въ томъ, чтобы любящій жилъ абсолютно божественною жизнью. Утилитарная любовь это разсчетъ, христіанская любовь это творчество. Въ утилита-

ризмѣ объективный результатъ—все; въ христіанствѣ все—въ личномъ творчествѣ, по отношенію къ которому объективный результатъ есть лишь плодъ. Отнимите отъ христіанской любви ея первую часть, и она также обратится въ пошлое попеченіе о человѣческомъ благоденствіи, въ мѣщанскія заботы о соціальномъ счастьѣ, въ благотворительность—частную и общественную, цѣна которой въ ариѳметической величинѣ подаянія. Однако, не менѣе важна и вторая половина новой христіанской заповѣди. Сила въ томъ, что любовь къ ближнему не есть только математическое добавленіе къ любви Божіей, но образуетъ оболочку для нея, дастъ ей плоть и кровь, дѣлаетъ ее дѣйствительною, придастъ ей значеніе ж и в о й силы. Если сказано, что заповѣдь о любви къ Богу есть первая и наибольшая, то сказано также: «нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ». Любить Бога, а не человѣка—это только язычество; любить по-божьему человѣка это христіанство. Въ христіанствѣ кто говоритъ, что любитъ Бога, но не любитъ ближняго, называется лжецомъ, не имѣющимъ въ себѣ ж и з н и божественной.

Въ то время, какъ евангельская любовь къ Богу неудержимо наклоняется въ сторону любви къ ближнему, въ ней воплощается,—монашество въ любви къ ближнему видитъ ущербъ для любви къ Богу, защищаетъ свою религію отъ требованій любви къ ближнему, какъ отъ осквернения. Въ этомъ разрывѣ евангельской заповѣди, въ этомъ непосредственномъ устремленіи къ Богу помимо пути любви къ ближнему монашество полагаетъ личное спасеніе, святой эгоизмъ, въ этомъ оно видитъ свою специфическую особенность. Статья, о которой у насъ рѣчь, тѣмъ и примѣчательна, что она не останавливается предъ такими выводами. Авторъ признаетъ съ монашеской точки зрѣнія подвигъ любви къ ближнему лишь «исключеніемъ» по немощи, по неспособности вынести болѣе высокій подвигъ поста и молитвы, признаетъ его лишь дѣломъ «нужды», лишь второстепеннымъ «подѣлемъ», оскверняющимъ инока, отвлекающимъ его отъ главнаго, но онъ рѣшительно противъ того, чтобы сдѣлать подвигъ любви обязательнымъ для инока, онъ называетъ это «повшествомъ». «Кто хочетъ, — пишетъ авторъ съ поразительной откровенностью.—кто хочетъ подвига ухода за больными, или трудовъ въ школахъ, тотъ пусть и идетъ въ тѣ благотворительныя заведенія, гдѣ это нужно. Ему нечего дѣлать въ монастырѣ»...

Сопоставляя эти взгляды, оправдываемые практикою монастырей обычнаго типа, съ тѣми носителями христіанской любви, которые описаны выше, мы должны признать фактъ расхожденія въ нравственномъ сознаніи современнаго христіанства. Два идеала стали одинъ противъ другого. идеалъ молитвы, терпящей около себя любовь какъ слабость, и идеалъ любви, молитвенно дѣйствующей, — идеалъ умертвія и идеалъ жизни, — идеалъ заживо погребенныхъ и идеалъ живыхъ душъ. Царство христіанской любви представляется намъ чуждымъ какихъ-либо внѣшнихъ границъ, оно обнимаетъ и любящихъ церковное православіе, и аскетически-настренныхъ, и свободныхъ отъ типиконной законности, и инославныхъ, оно хочетъ быть универсальнымъ и всеобъемлющимъ.

Эта внутренняя борьба—религіозный смыслъ нашего времени. Мы должны оцѣнить ее принципіально, мы должны отнестись къ ней сознательно. Въ ней зародыши нашего развитія. Легко предвидѣть, что идеалъ умертвія есть пережитокъ, а идеалъ живыхъ душъ—идеалъ будущаго ..

IV. Крестовоздвиженское трудовое братство.

Названные выше христіанскіе дѣятели могутъ быть подведены подъ одинъ типъ дѣятельности—типъ лично-христіанской благотворительности, личнаго подвига. Другою формою христіанской жизнедѣятельности является христіанская ассоціація, христіанское общежитіе, религіозный союзъ. Конечно, и личный христіанскій подвигъ можетъ быть поставленъ въ условія той или другой общественной организаціи, и, съ другой стороны, христіанская ассоціація во всякомъ случаѣ предполагаетъ усилія личнаго подвига по самой идеѣ христіанской жизни, не можетъ обойтись безъ содѣйствія со стороны личныхъ стремленій къ внутреннему совершенствованію, не можетъ быть поставлена внѣ цѣлей послѣдняго. Но существенная разница въ томъ, что носители личнаго христіанскаго подвига—въ видѣ ли символической системы личнаго спасенія или въ проявленіяхъ христіанской любви, живой жизни и дѣла—устремляются только въ глубину христіанской жизни, въ глубину личнаго настроенія, жаждутъ полноты религіознаго блага въ степени внутренняго проникновенія имъ, тогда какъ въ христіанской ассоціаціи главное вниманіе направлено на широту христіанскаго дѣла, на устроеніе

по христіанскому духу всѣхъ сторонъ жизни, на полноту религіознаго блага въ мѣрѣ расширенія его на всю сферу дѣйствительной жизни. Вотъ почему, какъ прежде мы не говорили объ аскетическомъ душеспасеніи, такъ и теперь не останавливаемся на монастырскихъ общежитіяхъ: въ послѣднихъ, какъ и въ затворничествѣ, жизнь втискивается въ рамки прокрустова ложа по идеалу умертвія. Христіанское общежитіе есть общежитіе любви и труда, ассоціація живыхъ людей съ цѣлью освященія всей широты мірской жизни религіозными лучами. Вотъ почему, далѣе, особенно поучительно не столько вспоминать исторію первобытно-христіанскаго братства, которое окрашивалось вѣрою въ близкій конецъ міровой жизни, сколько наблюсти опыты христіанскаго братства въ новѣйшее время, когда въ устроеніи религіозныхъ ассоціацій исходятъ изъ желанія религіозно освятить длительное существованіе. Эти опыты служатъ отвѣтомъ на вопросъ, можно ли и какъ можно сдѣлать истинно-христіанскою подлинную человѣческую жизнь, не умороченную ни предположеніемъ ея скораго прекращенія, ни отрѣшенностью отъ ея наличныхъ условій. И являются такіе опыты только въ послѣднее время. Съ тѣхъ поръ, какъ апостольская братская община окончательно разложилась со времени Константина, во все протяженіе среднихъ вѣковъ единственными представителями христіанскаго братства были монастыри, исторической заслуги которыхъ въ этомъ отношеніи было бы несправедливо отрицать и дѣйствительно не отрицаютъ сами устроители позднѣйшихъ трудовыхъ братствъ. «Съ той минуты,—говоритъ одинъ изъ такихъ устроителей,—какъ въ первобытную христіанскую общину допущена была разлагающая закваска мірскихъ порядковъ, и у нея отнята была всякая самостоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность защищать себя отъ вредныхъ элементовъ, церковь омірщилась, и очень скоро стало потребностью христіанской совѣсти для людей живой вѣры обособиться отъ омірщившагося прихода, утратившаго духовную суть апостольской общины, ставшаго «міромъ симъ». И вотъ появляются пустынножители и общежительные монастыри, которые и пронесли сквозь тьму временъ до нашихъ дней великую идею трудового братства, которые и были хранителями великихъ традицій вѣка апостольскаго. Что очень затемняло пониманіе ихъ жизненнаго значенія, это то, что они были «аскетическими» трудовыми братствами и, такимъ образомъ, отрицая земную жизнь, не могли служить нор-

мою для нея, не могли быть признаваемы явленіемъ нормальнымъ. Если мы высвободимъ идею общежительнаго монастыря изъ-подъ покрова аскетизма, особенно дурно понятаго, самодовлѣющаго аскетизма, получится братская община и общій безкорыстный трудъ на началахъ братолюбія, получится трудовое братство». Поэтому съ широкой церковно-исторической точки зрѣнія трудовыя братства не могутъ быть названы повшествомъ, но по условіямъ своего возникновенія въ позднѣйшее время они оказываются новымъ явленіемъ, такъ какъ они народились нынѣ не какъ естественный плодъ наличныхъ формъ церковной жизни, а какъ протестъ противъ безжизненности застывшихъ формъ, какъ плодъ новой концепціи христіанства.

Въ общинной концепціи христіанской жизни важнымъ является то обстоятельство, что здѣсь христіанская вѣра распростираетъ свои крылья надъ всѣмъ міромъ, хочетъ обнять всѣхъ людей и расшириться надъ всѣмъ грядущимъ временемъ. Вѣдь личная дѣятельность любви, милосердія и благотворительности—все равно, является ли она предъ нами въ связи съ христіанскими идеями, или нѣтъ—не имѣетъ въ нашихъ глазахъ характера всеобъемлющей вѣры Такою именно, сотеріологическою, была дѣятельность любви въ лицѣ Христа-Спасителя міра. Его призваніемъ не было то, чтобы дать большему числу больныхъ облегченіе, большему числу несчастныхъ утѣшеніе, но Его задачею было такъ проявить Свою любовь, чтобы рѣшить религіозную проблему всего міра, чтобы внести радикальную перемѣну въ отношеніи Отца Небеснаго къ людямъ, чтобы направить иначе общую историческую жизнь. Его ученики и первые послѣдователи совершали дѣло своей любви подъ тѣмъ же угломъ мірового спасенія, «восполняли» каждый въ свою мѣру «дѣло» Христа. Эта концепція дѣла любви состояла въ существенной связи съ эсхатологическими ожиданіями, съ надеждами на скорое завершеніе всемірной исторіи, на измѣненіе неба и земли... Нынѣ эта связь любви съ всепобѣждающею вѣрою забыта. Это съ нашей стороны не догматическое размышленіе, а простое наблюденіе надъ современною дѣйствительностью. Мы нынѣ не видимъ дѣятельной любви, которые исходили бы изъ какихъ-нибудь надеждъ на скорое преобразованіе міра, которые—лучше сказать—ставили бы осуществленіе такихъ надеждъ въ зависимость отъ своей дѣятельности. Поэтому современные дѣятели христіанской любви, не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ язы-

ческихъ человѣколюбцевъ, опредѣляются къ своей дѣятельности болѣе природною жалостью къ страданіямъ людскимъ, чѣмъ воодушевленіемъ вѣры, вызываются и даже создаются скорѣе наличными страданіями, чѣмъ грядущими идеалами, скорѣе подавляются безнадежностью людскихъ страданій, чѣмъ надѣются на спасеніе міра. Поэтому съ христіанской точки зрѣнія несомнѣнно любопытными оказываются опыты общиннаго устройства жизни, поскольку именно здѣсь мы видимъ переходъ къ реальному преобразованію міра, къ практическому осуществленію царства Божія, къ пропагандѣ самой любви между людьми, а не къ сообщенію только людямъ продуктовъ своей любви.

Современныя христіанскія общины напоминаютъ всякому, знакомому съ церковною исторіею, первобытную христіанскую жизнь, первобытный христіанскій коммунизмъ. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать значенія послѣдняго. Нужно признать или крайнюю недостаточность свѣдѣній о немъ, или же предположить позднѣйшую идеализацію въ древнихъ повѣствованіяхъ о немъ *). Во всякомъ случаѣ нужно имѣть въ виду то немаловажное отличіе позднѣйшихъ общинъ отъ первобытной христіанской общины, что въ первые дни христіанства были живы эсхатологическія ожиданія. Еще важнѣе другое отличіе, можетъ быть естественно вытекающее изъ того,—то отличіе, что первобытное общеніе имуществъ было коммунизмомъ потребленія, а не коммунизмомъ производства и труда. Христіанская семья отдавала весь свой избытокъ въ пользу общины, или христіанинъ раздавалъ все свое имущество бѣднымъ — вотъ въ чемъ выражался первобытный коммунизмъ, а производство и трудъ всецѣло оставались задачею христіанской семьи, которая не измѣнила своего характера. Но, очевидно, только при высокомъ энтузіазмѣ христіанъ и напряженномъ ожиданіи скораго конца было возможно, чтобы всѣ христіане, которые владѣли землями или домами, продавали свои имѣнія и всякую собственность и вносили цѣну проданнаго въ общую кассу, на которую всѣ содержались. Этотъ видъ коммунизма уничтожалъ самую возможность производства, и потому конфликтъ между трудящеюся семьею и общиннымъ потребленіемъ, постепенно усиливаясь, свелъ христіанскій коммунизмъ къ простому приходскому попеченію о бѣдныхъ, къ тепловатой благотворительности. Позднѣй-

*) Ср. Bobschutz Die urchristlichen Gemeinden, Leipz. 1902, стр. 105—106.

шая горячая проповѣдь Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и другихъ учителей Церкви не могла произвести ничего существеннаго въ этомъ отношеніи. Напротивъ, новѣйшая община, въ зависимости отъ многихъ культурныхъ условій, является коопераціей труда, коммунизмомъ производства и потребленія. Это создаетъ новую концепцію христіанства, ставитъ предъ нимъ новыя задачи. И намъ интересно видѣть не только то, какъ практически рѣшается эта задача, но и то, изъ какого строя представленій и понятій ея рѣшеніе исходитъ.

Учредитель Крестовоздвиженскаго Трудового Братства, Н. Н Неплюевъ, въ своихъ сочиненіяхъ *) раскрываетъ съ неутомимостью и возможною полнотою тѣ основанія, которыя привели его къ новому дѣлу. Эти основанія, эти взгляды на христіанское дѣло во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія.

Читателю прежде всего внушается мысль о недостаточности съ христіанской точки зрѣнія аскетическаго подвижничества и подвиговъ личной благотворительности. При аскетическомъ пониманіи религіи, христіанство никогда не станетъ тѣмъ, что должно быть—вселенскою религіей и истинной основой жизни всего человѣчества; оно всегда останется достояніемъ рѣдкихъ исключеній, стремящихся не жить повѣрѣ, а умереть для жизни ради вѣры. Монашество никогда не могло и не можетъ быть принято за примѣръ для подражанія именно потому, что, отказываясь отъ всѣхъ радостей жизни, оно тѣмъ самымъ какъ бы отрицаетъ возможность жить по вѣрѣ, даетъ поводъ уклоняться отъ жизни по вѣрѣ тѣмъ, которые не сочувствуютъ аскетизму и слишкомъ мало знакомы съ вѣчной

*) Полное собраніе сочиненій Н. Н. Неплюева предположено въ 6 томахъ,—изъ нихъ вышло 4 тома. Кромѣ того имѣются у меня брошюры: «Вѣра и Жизнь—публичная лекція для вѣрующихъ», Спб. 1905, «Война или миръ?» публичная лекція для невѣрующихъ, Спб. 1904, «Жизненное значеніе трудовыхъ братствъ», 1905, «19 Февраля и крестьянская община», 1905; «Партія мирнаго прогресса. Ея идеальныя основы и жизненная программа», 1905; «Письмо къ духовенству», 1905; «Письмо къ сельскому населенію», 1905; «Краткія свѣдѣнія о православномъ Крестовоздвиженскомъ Братствѣ», Черн. 1905; «Краткія свѣдѣнія о Воздвиженской школѣ», Черн. 1904; брошюры членовъ Трудового Братства, напр. Ѳ. Е. Спановскаго «Въ защиту трудового братства», А. И. Фурсея «Имѣютъ ли основаніе говорить о Неплюевщинѣ и Неплюевцахъ»... Въ виду этого обилія матеріала, охватывающаго всѣ стороны братской жизни, я въ этомъ очеркѣ стараюсь, гдѣ только возможно, говорить с о б с т в е н н ы м и с л о в а м и учредителя и членовъ Братства и поставляю своею главною задачею быть точнымъ въ передачѣ ихъ мыслей и въ описаніи строя братской жизни.

истиной правды Божіей во всей ея строиности, чтобы судить современную жизнь, не теряясь въ пестромъ разнообразіи ея чрезвычайной осложненности. Даже для такого вѣрующаго человѣка, какимъ былъ нашъ геніальный Достоевскій, христіанское міровоззрѣніе и идеалъ были до того затемнены ложью жизни нашего псевдо-христіанскаго міра, что онъ въ своихъ излюбленныхъ герояхъ, каковы князь Мышкинъ и Алеша Карамазовъ, представляетъ намъ лишь жалкія пародіи на христіанъ. Единственный христіанинъ у Достоевскаго — отрекшійся отъ міра старецъ Зосима невольно наводитъ на мысль, что по его понятіямъ христіанство и аскетизмъ однозначущи, и что умные люди, какъ Зосима, непремѣнно должны отречься отъ міра, а не преобразовывать міръ, — что оставаться въ мірѣ, исповѣдуя Христа, могутъ только такія добросердечныя ничтожества, какъ Мышкинъ и Алеша Карамазовъ, которые умѣютъ только все переносить по-христіански, а когда коснется до активнаго отношенія къ жизни, не понимаютъ даже и того, что дѣлу Бога Разумнаго и служить необходимо разумно, что крестъ—безуміе лишь для враговъ Христа, для Его же послѣдователей необходимо далъ много разума для того, чтобы разумно принять на себя крестъ и разумно нести его въ жизни, сколько никогда не потребуется на всякое другое менѣе разумное дѣло .. Основатель Крестовоздвиженскаго Братства не отрицаетъ значенія аскетизма; онъ вооружается противъ матеріалистическаго порабощенія плотью духа. Онъ не противъ аскетизма, какъ средства духовной жизни, какъ пути къ свободѣ христіанскаго дѣла; но онъ противъ односторонняго аскетизма. Признавая аскетизмъ обязательнымъ для всякаго истиннаго христіанина, онъ считаетъ въ то же время дурно понятый аскетизмъ за громадное зло, за одинъ изъ главныхъ тормазовъ на пути христіанскаго прогресса, на пути осуществленія христіанства въ жизни. Аскетизмъ дурно понятъ, когда изъ средства становится самодовлѣющею цѣлью. Онъ дурно понятъ, когда изъ активнаго становится пассивнымъ, изъ свободнаго изволенія духа становится рабскою покорностью, когда изъ характернаго для данной личности становится шаблоннымъ и, особенно, когда изъ упорядочивающаго душу становится душу изсушающимъ, мертвящимъ. Не воздержаніе, не жертва, не скорби аскетическихъ подвиговъ богоугодны,—богоугодна любовь. Аскетизмъ долженъ приводить къ любви. Если же

плодомъ аскетизма не является любовь, то онъ не имѣетъ цѣны въ очахъ Бога—Любви,—болѣе того, онъ является оскорбленіемъ Бога и грубымъ кощунствомъ, настоящимъ идолопоклонствомъ, обличая полное непониманіе Того, въ Кого вѣруютъ. Жестокій Богъ, для Котораго всякая радость—оскорбленіе и только страданія и жертвы пріятны,—не имѣетъ ничего общаго съ Богомъ—Любовью Это обращеніе аскета изъ христіанина въ язычника неизбѣжно, какъ только, увлекшись подвигами аскетизма, онъ забываетъ главную цѣль, не алчетъ и не жаждетъ правды любви...

Но недостаточна и личная благотворительность, которая составляетъ одно изъ самыхъ затемненныхъ явленій современной жизни. Одни совсѣмъ успокаиваютъ на ней свою, по временамъ пробуждающуюся, совѣсть; другіе восторгаются ею, какъ однимъ изъ самыхъ изящныхъ проявленій цивилизаціи; третьи спорятъ о преимуществѣ того или другого вида ея, большинство подрываетъ къ ней всякое уваженіе и довѣріе, дѣлая изъ нея заурядное свѣтское развлеченіе, модную игрушку, одинъ изъ видовъ спорта для убиванія времени. Особенно повинны въ послѣднемъ свѣтскія женщины, которыя, внося и въ это дѣло свою легкомысленную суетливость, свою страсть къ тщеславной выставкѣ нарядовъ, свое грубо-самоувѣренное, зазывающее кокетство, слишкомъ часто представляютъ изъ себя не величественный образъ скромной, любвеобильной христіанки, а пошлый типъ разбитной, шансонеточной пѣвицы, ряженой въ костюмъ доброй феи. Конечно не всякая благотворительность имѣетъ такой балаганный видъ, но и самая искренняя безсистемная благотворительность, основанная на чувствѣ сердечнаго участія, живой жалости—только палліативъ, не подготовляющій лучшаго будущаго, не организующій жизнь на началахъ добра и любви,—напротивъ, часто вредный, такъ какъ усыпляетъ совѣсть, покрываетъ грязь и безобразіе жизни цвѣтами совсѣмъ неестественными, несоотвѣтствующими основамъ этой жизни. Это ребяческое отношеніе къ дѣлу любви, при которомъ любовь всегда останется украшеніемъ жизни, а не станетъ ея основою. Это настоящее вливаніе вина новаго въ мѣхи ветхіе. Конечно, отсюда не слѣдуетъ, что не надо накормить голоднаго, одѣть нагого или облегчить страданія больного. Все это дѣла живой любви. Не надо только успокаиваться на той малой степени любви, при которой довольствуются безсистемной помощью

тѣмъ немногимъ, которыхъ видятъ, и тѣмъ немногимъ страданіямъ, которыя непосредственно бьютъ по нервамъ нашимъ, ничего не дѣлая для предупрежденія безвинныхъ страданій, которыя, будучи не менѣе реальными и жестокими, менѣе бьютъ по нашимъ нервамъ. Человѣчество такъ много вѣковъ живетъ на основахъ страха и корысти, что зло является рутиною, а добро— исключеніемъ. Плоды зла неисчислимы. Цѣлая жизнь, самыя большія состоянія—ничто въ дѣлѣ вычерпыванія этого моря зла и скорби. Самая широкая благотворительность въ этомъ направленіи—наивная сантиментальность и близорукая утопія. Безсистемно благотворить — значитъ, плавая на спасательномъ поясѣ богатства по бездонной пучинѣ горя страданій, вытаскивать изъ воды утопающихъ не для того, чтобы поставить ихъ на берегъ, а для того, чтобы, давъ имъ немного подышать, вновь погружать въ ту же бездну, въ которой они раньше захлебывались. Надо дорости до той степени любви, при которой становится насущной потребностью любящаго сердца не ограничиваться утѣшеніемъ людей, измученныхъ злобою, а является потребностью разумной любви организовать жизнь на началахъ добра, оградить милліоны людей отъ возможности безвинныхъ страданій Надо быть исключительно жестокосердымъ человѣкомъ, чтобы не пожалѣть изнуреннаго голодомъ, или дрожащаго отъ холода, или покрытаго гнойными ранами. Видъ этихъ страданій возмущаетъ покой души нашей. Накормить, одѣть, вылѣчить при такихъ обстоятельствахъ является вопросомъ приличія, благочинія, собственнаго комфорта. Степень любви, способная стать основою жизни, начинается только съ того момента, когда любовь наша перестаетъ быть капризомъ, когда она становится нормальнымъ отношеніемъ нашимъ ко всему міру, естественнымъ состояніемъ души нашей. Только тогда мы не проглядимъ лѣса изъ-за деревьевъ. не забудемъ обязанности любви ко всему человѣчеству изъ-за прихоти любви или жалости къ отдѣльнымъ людямъ, не забудемъ страданій ума и сердца изъ-за болѣе бьющихъ по нашимъ нервамъ страданій физическихъ, поймемъ необходимость идти разумными путями къ цѣлямъ, намѣченнымъ любовью. Накормите голоднаго. но не забывайте, что вы этимъ ничего не сдѣлали для того. чтобы не было безвинно голодныхъ, и пусть то малое дѣло любви. которое вы сдѣлали, не успокаиваетъ совѣсть вашу, не заслоняетъ отъ васъ того великаго дѣла любви, которое вы можете и, слѣдова-

тельно, должны сдѣлать. Если, дѣлая великое дѣло любви, вы отъ него отвлекаетесь на дѣланіе малыхъ дѣлъ потому, что видъ частныхъ страданій такъ сильно бьетъ по нервамъ вашимъ, что капризъ жалости къ одному заставляетъ васъ забыть разумное дѣло жалости ко всему человѣчеству,—не обманывайте себя, сознайтесь, что вы отняли у великаго дѣла любви ко многимъ, страданій которыхъ вы не видите, то, что отдали на прекращеніе страданія, случайно попавшаго вамъ на глаза .

Эти слова буквально и безъ запинки повторитъ вамъ любой изъ членовъ Крестовоздвиженскаго Братства, если вы заговорите съ ними по вопросу о личной благотворительности и организаціи любви въ братство. Можно догадываться, что это для нихъ больной вопросъ, что съ этой стороны имъ чаще всего приходится встрѣчать возраженія. Крестовоздвиженское Братство—это оазисъ среди окружающаго его міра, оно сознательно хочетъ быть такимъ оазисомъ. До какой степени оно является изолированнымъ въ средѣ обнимающей его жизни, это видно изъ того, что за богослуженіемъ въ Крестовоздвиженской церкви мы не видали никого изъ посторонихъ братству—не только изъ сосѣднихъ деревень, но и кого нибудь изъ той же многолюдной Воздвиженской экономіи, въ которой пріютилось братство. Даже храмъ братскій видитъ только братчиковъ. И всякое благодѣяніе здѣсь обставлено условіемъ поступленія въ братство. Достойнаго въ братство примутъ, но на стоящихъ внѣ братства принципіально не расходуется его имущество. И этимъ принципомъ для братства служитъ изложенный взглядъ на личную, безсистемную благотворительность. Я не буду теперь разсматривать этого взгляда критически, такъ какъ вообще въ этихъ очеркахъ прежде и болѣе всего стараюсь быть объективнымъ повѣствователемъ. Но не могу не замѣтить, что этотъ взглядъ недостаточно полно раскрытъ. При внимательномъ изученіи сочиненій Н. Н. Неплюева, я не нашелъ въ нихъ ни одной строчки, ни одного слова по слѣдующимъ двумъ пунктамъ. Во-первыхъ Личная благотворительность почему-то представляется у него преимущественно легкомысленною. Вѣдь противъ благотворительныхъ вечеровъ съ танцами и выставкою не однихъ нарядовъ можно возставать не съ точки зрѣнія лишь организованнаго братства,—и, стало быть, что же говорить о такихъ искаженіяхъ. Это пріемъ дурной полемики,—дурной апологетики. Отъ слабости противника еще далеко до нашей собственной

силы. Вѣдь субъективно, по расходуемой энергіи, по внутренней полнотѣ духа, личная благотворительность не есть непремѣнно малая степень любви по сравненію съ организаціей братства.— вспомнимъ доктора Гааза. Напротивъ, и въ условіяхъ организаціи труда все-же вмѣстилищемъ любви можетъ быть лишь личность, т. е. и самая организація можетъ быть разсматриваема какъ личная благотворительность, иначе это будетъ лишь форма безъ внутренняго духа, въ нее вложеннаго и ее освящающаго. Въ томъ и состоитъ богословскій вопросъ значительной важности, выражается ли и въ организаціи братства та же христіанская абсолютность, которая, несомнѣнно, можетъ выражаться въ личной благотворительности. Конечно, съ точки зрѣнія трудового братства остается возможность отвѣтить указаніемъ на недостаточность личной благотворительности, въ самыхъ высшихъ ея представителяхъ, для борьбы съ неисчислимыми плодами зла. Но вѣдь нужно же считаться съ тѣмъ, что и братство недостаточно для огражденія милліоновъ людей отъ возможности безвинныхъ страданій. Братство есть только оазисъ, оно рѣшаетъ вопросъ общежитія, но не рѣшаетъ вопроса общественнаго устройства. Если личная благотворительность не можетъ обнять всѣхъ несчастныхъ, то вѣдь братство принципіально не хочетъ знать всѣхъ тѣхъ страдальцевъ, которые находятся внѣ его границъ. И здѣсь мы переходимъ къ другому пункту. Мы видѣли тѣ разсужденія, силою которыхъ читатель возводится отъ личной благотворительности къ признанію болѣе высокаго значенія братской организаціи. Примемъ силу этихъ разсужденій, но при этомъ переходѣ можемъ ли остановиться на ступени братства и не должны ли мы дойти до дѣятельности, направленной на устроеніе всего общества, а не одного только братскаго оазиса? Вѣдь только эта дѣятельность направляется именно къ тому, чтобы не было совсѣмъ безвинно голодныхъ— во всемъ обществѣ, во всемъ человѣчествѣ. Впрочемъ, къ этому пункту мы вернемся ниже.

Кромѣ критики односторонняго аскетизма и безсистемной благотворительности, отрицательною основою идеи трудового братства служитъ «критика зла» всей наличной жизни нашей, мимо христіанской — государства, науки, литературы, искусства, экономическаго строя общества .. Не пойдемъ за авторомъ по всѣмъ тропамъ его критики, которая повсюду приходитъ къ одному отрицательному разультату,—къ признанію, что наша

жизнь по всѣмъ сторонамъ своимъ не имѣетъ христіанскаго характера Не будемъ останавливаться и на томъ тяжеломъ положеніи, которое занимаетъ въ современномъ антихристіанскомъ экономическомъ строѣ общества рабочій классъ, вообще, и земледѣльческій, въ частности, такъ какъ, съ одной стороны, мы не можемъ признать цѣлью «братствъ» измѣнять экономическія условія общественной жизни, а съ другой стороны—должны признать право критики современныхъ экономическихъ отношеній не во имя только идеи братства. Современный экономическій строй находитъ себѣ строгихъ судей и въ средѣ представителей личнаго христіанскаго совершенства и со стороны тѣхъ, которые стремятся къ переустройству всего общества. Я хочу этимъ сказать, что какъ ни прекрасны многочисленныя страницы въ сочиненіяхъ Н. Н. Неплюева, на которыхъ живописуются печальные результаты и несчастныя жертвы капиталистическаго строя, онѣ были бы характерными для идеи трудового братства лишь въ томъ случаѣ, если бы единственнымъ логическимъ выходомъ изъ экономическихъ затрудненій настоящаго времени была идея братства. Я выбираю изъ этихъ страницъ лишь тѣ, которыя характерны для идеи трудового братства, логически приводятъ къ этому единственному выводу—и это именно тѣ, которыя говорятъ о грустномъ положеніи среди современнаго общества немногихъ лучшихъ труженниковъ. По наблюденію Н. Н. Неплюева, громадное, подавляющее большинство простого народа живой вѣры не имѣетъ, самыхъ основныхъ христіанскихъ истинъ не знаетъ, самыхъ основныхъ христіанскихъ добродѣтелей не понимаетъ, своею участью глубоко недовольно, властей боится, богатымъ завидуетъ, часто унываетъ и съ каждымъ днемъ все болѣе озлобляется. Только въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются среди него люди Божіи, вѣрующіе живою вѣрою Какъ же имъ живется—этимъ рѣдкимъ исключеніямъ? Такой человѣкъ не будетъ тяготиться работою и тѣмъ, что удовлетворяетъ только насущныя потребности, но мученичества онъ не избѣжитъ; капиталистическій строй жизни воздвигаетъ на каждомъ шагу его пути такія изысканныя орудія пытки и ловушки, что вся его жизнь будетъ непрерывной серіей нравственныхъ страданій, среди которыхъ для него поддержкой и отрадой будетъ звучать пророческое слово Того, Который все зналъ и предвидѣлъ, говоря: «блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески несправедливо злословить за

Меня» Если этотъ человѣкъ Божій дѣйствительно сталъ врагомъ міра, чтобы быть другомъ Бога, раньше, нежели избралъ себѣ подругу жизни, повѣрьте, онъ рѣдко найдетъ такую дѣвушку, которую онъ могъ бы полюбить и сдѣлать своею женою, не чувствуя всѣмъ существомъ своимъ, что измѣняетъ тѣмъ и Богу и Христу; всего чаще онъ, лучше другихъ понимающій любовь и болѣе нуждающійся любить и быть любимымъ, будетъ, помимо воли, обреченъ на пожизненную каторгу холоднаго одиночества Онъ рѣдко найдетъ отвѣтную любовь даже въ формѣ искренняго и прочнаго сочувствія... Если, напротивъ, онъ сталъ сознательнымъ христіаниномъ послѣ брака, имѣя жену и дѣтей, его положеніе можетъ быть много хуже холоднаго одиночества; жить въ постоянномъ общеніи съ существами совершенно чуждыми по духу, любить ихъ и сознавать, что каждое слово и каждый шагъ ихъ находится въ непримиримомъ разладѣ съ собственными убѣжденіями и сознаніемъ, что каждое собственное слово для нихъ—смѣшное чудачество, что каждый собственный поступокъ для нихъ—глупая непрактичность, однимъ словомъ, быть другомъ Бога и жить съ тѣми, кто хочетъ оставаться другомъ міра, живя по обычаю міра сего, это ежечасное мученіе, способное превратить всю жизнь въ одну сплошную пытку. Даже въ лучшемъ случаѣ, когда и жена раздѣляетъ его образъ мыслей, когда и она вѣритъ живою вѣрою и хочетъ жить по вѣрѣ, когда эта христіанская чета, эта малая церковь Христова, глубоко понимаетъ свои родительскія обязанности и смотритъ на дѣтей, какъ на драгоцѣнный залогъ, ввѣренный Богомъ и за который придется дать отвѣтъ,—какой непрестанный страхъ, сколько ревнивыхъ страданій для бѣднаго человѣка сознавать злетворность окружающей нравственной атмосферы, безконечное разнообразіе дурныхъ искушеній окружающей среды и не быть въ состояніи оградить отъ нихъ дѣтей своихъ!.. Посмотримъ теперь на экономическое положеніе труженика-христіанина. Проповѣдники фикціи капиталистической идилліи думаютъ, что труженику-христіанину нужны только трудолюбіе и бережливость, чтобы, оставаясь добрымъ христіаниномъ и идеально честнымъ человѣкомъ, не только безбѣдно прожить, но и деньги скопить. Пустыя слова. Трудолюбіе предполагаетъ любовь къ полезному труду, способность охотно и бодро пріобрѣтать хлѣбъ насущный, но трудолюбіе не предполагаетъ непремѣнно эгоистичный трудъ на свою собственную пользу. Тру-

долюбивый христіанинъ любитъ трудъ, болѣе полезный для многихъ ближнихъ, а не болѣе выгодный: напротивъ, для выгоды необходимо заниматься трудомъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ производительнымъ, и тѣмъ самымъ отнимать насущный хлѣбъ у другихъ. При современномъ экономическомъ строѣ христіанинъ не выдержитъ конкуренціи и не заработаетъ лишней копѣйки. Накопецъ, чтобы понять, на сколько невозможно при настоящемъ строѣ жизни трудолюбивому христіанину отложить копѣйку на черный день, намъ достаточно вспомнить, какая вопіющая нужда его окружаетъ, до какой степени эта нужда у него на виду, постоянно передъ глазами, назойливо вымогая его сочувствіе и жалость, до какой степени эта нужда ему понятна и знакома. Бѣдный человѣкъ не можетъ купить себѣ дорогую роскошь обособленности отъ окружающей нужды и страданія ближнихъ.

Вотъ, для такихъ честныхъ тружениковъ и неизбѣжно братство. Въ матеріальномъ отношеніи братство гарантировало бы своихъ сочленовъ, ихъ вдовъ и сиротъ отъ нищеты, слишкомъ часто постигающей людей неповинныхъ. Пожаръ, падежъ скота, болѣзнь, неурожай, дурное поведеніе главы семьи, подвохъ лихого человѣка—всѣ эти бѣдствія, способныя въ конецъ разорить одинокую, предоставленную самой себѣ среди ожесточенной борьбы за существованіе, крестьянскую семью, не имѣли бы въ братствѣ столь роковыхъ послѣдствій. Братство, отчисляя ежегодно извѣстный процентъ чистаго дохода въ основной капиталъ, могло бы постепенно скопить сумму, достаточную для того, чтобы по временамъ прикупать новыя земли и тѣмъ обезпечивать нормальный приростъ своего населенія. Заболѣвшій братъ пользовался бы уходомъ, и вся семья его—содержаніемъ на общій братскій счетъ, а по смерти—его вдова и дѣти пользовались бы покровительствомъ и матеріальною поддержкою братства до тѣхъ поръ, пока пожелаютъ жить въ братствѣ, подчиняясь его уставу и строю братской жизни. Дѣти не составляли бы обузы, часто невыносимой, и приростъ не задерживался бы искусственными средствами. Такимъ образомъ хлѣбъ насущный былъ бы обезпеченъ, не представляя, однако, такой приманки, ради которой согласились бы поступать въ братство корыстные люди. Въ умственномъ отношеніи братство доставило бы возможность развиваться въ общеніи съ людьми болѣе образованными, удѣлять часы досуга на общее чтеніе и бесѣды, завести общую библіо-

тому: давать дѣтямъ христіанское образованіе въ христіанской школѣ, приглашать на общій счетъ ученыхъ спеціалистовъ, агрономовъ и техниковъ руководителями работъ на поляхъ и заводахъ, принадлежащихъ братству, или давать средства получить спеціальное образованіе собственнымъ дѣтямъ, если братство того пожелаетъ. Въ нравственномъ отношеніи братство обезпечитъ возможность честнаго согласованія всего строя жизни съ вѣрою среди единомыслія и единодушія братскаго общенія съ тѣми, кто искренно желаетъ быть не на словахъ только, но и на дѣлѣ вѣрными чадами Единаго Отца Небеснаго, — обезпечитъ возможность дышать живительною атмосферою христіанскаго настроенія всего окружающаго общества, обезпечитъ и неоцѣнимое сокровище спокойной радости духа, оградивъ его отъ хаоса жизненной биржи, оградивъ его, жену и дѣтей отъ тлетворнаго общенія съ тѣми, чье каждое слово и каждый шагъ есть отреченіе отъ Бога и измѣна Христу Его.

Итакъ, братство представляется панацеей отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, въ которыхъ невольно оказывается каждый труженикъ-христіанинъ, предоставленный самому себѣ. Замѣчу кстати, что, по мнѣнію Н. Н. Неплюева, и для христіанина-землевладѣльца учрежденіе братства въ предѣлахъ его имѣнія представляетъ не менѣе насущную потребность, если онъ не хочетъ превратиться изъ христіанина въ дѣльца или обречь себя на пожизненную каторгу горемычной овцы, терзаемой волками, которымъ онъ же платитъ жалованье. Единственный, будто, выходъ изъ этого невыносимаго положенія для всякаго христіанина-землевладѣльца положить всѣ силы духовныя и матеріальныя на организацію трудового братства, и братству этому отдать всѣ свои земли и заводы въ аренду.

Дается и пространное обоснованіе идеи братства. Раскрывается цѣлая богословская система. Главная мысль этой системы—и можетъ быть единственная, тѣсно связанная съ идеею братства, при чемъ несомнѣнно, что система эта можетъ претендовать на значеніе лишь въ качествѣ введенія въ ученіе о братствѣ—главная есть мысль о первенствующемъ значеніи любви. Восторженные гимны любви. Любовь всегда—святыня и все собою освящаетъ, все очищаетъ до святости. Любовь остается святынею при всякихъ обстоятельствахъ. Она—не меньшая святыня и въ сердцѣ атеиста, и въ сердцѣ разбойника, и въ сердцѣ блудника. Грѣховно ихъ злое равнодушіе къ Богу и всему осталь-

пому его творенію.—такъ грѣховно, что въ этой мрачной пучинѣ тонетъ святая капля ихъ исключительной любви, но капля эта остается сама по себѣ не менѣе святою и дѣлаетъ святынею все, что сдѣлано въ духѣ этой искренней любви. Вотъ, почему лучше, чище, святѣе атеистъ, разбойникъ и блудникъ, имѣющіе эту каплю святыни въ сердцѣ, нежели самодовольный фарисей, лишенный ея Безконечно чище, святѣе, болѣе родственны по духу Богу и всѣмъ причастникамъ великаго братства ангеловъ и святыхъ на небѣ тѣ представители живой любви, которые обзываются атеистами, разбойниками и блудниками, нежели тѣ гробы повапленные, которые подъ буквою вѣры, благочестія, законности и строгой нравственности скрываютъ гордое, холодное и злое сердце. «Богъ есть любовь». Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Именно въ томъ—и главное отличіе божественнаго отъ бѣсовскаго, что гдѣ любовь—тамъ и Богъ, гдѣ злоба, насиліе и холодное равнодушіе—тамъ грѣхъ и адъ, тамъ бѣсъ. И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, но не любятъ. Все доступно бѣсамъ, кромѣ любви, пока они остаются бѣсами. Бѣсъ, который полюбитъ, станетъ ангеломъ.

Это воззрѣніе на любовь утверждается на опытѣ личной жизни. Я, говоритъ о себѣ Н Н. Неплюевъ, съ ранняго дѣтства носилъ глубоко въ сердцѣ религію любви и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ фанатикомъ любви. Тамъ, гдѣ не чувствовалось любви, я болѣлъ отъ скуки, замерзалъ отъ духовной стужи. Въ этомъ отношеніи я былъ болѣзненно чуткъ. Не только присутствіе человѣка грубо-недоброжелательнаго, но даже присутствіе человѣка равнодушнаго, холоднаго доставляло мнѣ тяжелое, иногда почти невыносимое страданіе,—мною овладѣвалъ параличъ, мучительный какъ смерть. И природу я мало любилъ, и она казалась мнѣ равнодушною, холодною, и она леденила мое сердце до тѣхъ поръ, пока я не понялъ ее, какъ отраженіе мысли и любви, пока не разобралъ на ней печать высшаго разума и высшей любви. Только проявленія любви утѣшали меня, озаряли душу мою тихимъ свѣтомъ, согрѣвали нѣжною лаской, были чѣмъ-то мнѣ роднымъ, дающимъ смыслъ бытію. Такъ воспринималъ я впечатлѣнія внѣшняго міра, такъ относился я и къ тому, что происходило въ тайникѣ собственной души моей. Любить было для меня такою потребностью, что все остальное казалось мнѣ скучнымъ, пошлымъ, мелкимъ, низкимъ, холоднымъ, чернымъ, жестокимъ... Эта постоянная жажда любви, эта неспо-

собность удовлетворяться чѣмъ либо, кромѣ любви, это ежемгнутное ощущеніе глубокаго разлада между природою души и явленіями земной жизни, были главною причиною инстинкта живой вѣры моего дѣтства.. Конечно, до того, какъ эта дѣтская вѣра перешла въ сознательную опредѣленную православную вѣру въ Бога-Любовь и первенствующее значеніе любви, протянулся длинный путь тяжелыхъ нравственныхъ страданій и горькихъ разочарованій...

Любовь имѣетъ первенствующее значеніе въ жизни христіанина. Но мало сказать это. Необходима логика любви — стройное мировоззрѣніе, освѣщенное лучами любви, необходима дисциплина любви, которая могла бы сдѣлать любовь торжествующею, необходимо дѣло организаціи добра въ жизни. Это дѣло все болѣе и болѣе необходимое для блага всѣхъ церквей, всѣхъ государствъ, всѣхъ народовъ. Человѣчество слишкомъ умственно развилось для того, чтобы возможно было съ прежнею наивностью и недомысліемъ относиться къ вѣрѣ и жизни. Для народовъ необходимъ опредѣленный идеалъ и опредѣленная программа непрестаннаго прогресса въ направленіи къ этому идеалу. Народамъ надоѣло безсрочно толочься на одномъ мѣстѣ, не понимая, гдѣ они и куда ихъ ведутъ. И церковь, пока она не организуетъ добро въ жизни, пока она не предлагаетъ вѣрующимъ никакой опредѣленной программы, не можетъ имѣть на жизнь никакого опредѣленнаго вліянія и тѣмъ самымъ утрачиваетъ всякое жизненное значеніе. Именно это и констатируютъ невѣрующіе, называя такую вѣру абсурдомъ, устарѣлой утопіей, годной развѣ для утѣшенія больныхъ и слабоумныхъ людей, а вѣрующихъ такою вѣрою—фарисеями, лицемѣрами и идіотизированными ханжами. Поставить высоко знамя вѣры, доказать, что она и теперь—живой свѣточъ, способный удовлетворить умъ и сердце,—доказать, что вѣра заключаетъ въ себѣ и самую разумную программу упорядоченія жизни, организацію добра— вотъ священная обязанность Церкви. И для всякаго государства—это залогъ мирнаго развитія и единенія въ братолюбіи всѣхъ классовъ общества.

Организація добра въ жизни сводится главнымъ образомъ къ нравственному воспитанію и къ организаціи труда.

Чтобы быть нравственнымъ, недостаточно однихъ убѣжденій, одной вѣры,—нужна выправка души, воспитаніе съ дѣтства. Невозможно достичь благопріятныхъ результатовъ, смѣшивая

дѣло воспитанія съ дѣломъ дрессировки, корыстную дисциплину съ дисциплиною добровольною, устрашающія наказанія и подкупъ наградъ съ безкорыстіемъ любви и нравственнымъ вліяніемъ. Воспитаніе умственное и физическое должно быть приведено въ стройную гармонію съ воспитаніемъ нравственнымъ, составить съ нимъ одно цѣлое, дисциплинируя и улучшая разумъ, тѣло и волю. Не возможно воспитать волю, ограничиваясь проповѣдью нравственности и благими совѣтами. Необходимо, чтобы добро было строго организовано въ жизни дѣтей, на лонѣ школы, такъ, чтобы дѣти немедленно могли прилагать на практикѣ даваемые имъ совѣты. Такъ, проповѣдуя дѣтямъ вселенскую любовь, логику и дисциплину любви, необходимо, чтобы воспитатели во всемъ этомъ показывали имъ добрый примѣръ, чтобы внутренняя жизнь школы и всѣ отношенія въ ней были стройно организованы на этихъ началахъ, чтобы воспитанники пріучались имъ быть вѣрными въ мелочахъ повседневной жизни и имѣли практику истинно-братскихъ отношеній. Только при этихъ обстоятельствахъ они могутъ постепенно доходить до высоты нравственнаго преображенія, при которой логика торжествующей любви и дисциплина воли становятся естественными для тѣхъ, которые раньше находили злобу, безразличіе и разнузданность. Первая ступень стройной организаціи добра въ жизни школы состоитъ въ организованномъ союзѣ между всѣми дѣтьми доброй воли, составляющими братскій кружокъ, что можетъ создать здоровую нравственную атмосферу и облегчить возможность взаимопомощи въ дѣлѣ нравственнаго самоусовершенствованія. Вторая ступень—старшій братскій кружокъ, объединяющій всѣ лучшія нравственныя силы школы на дѣло систематичнаго нравственнаго воздѣйствія на младшихъ лѣтами и духомъ товарищей. Наказаніе и награды должны быть замѣнены еженедѣльными собраніями, подводящими итоги нравственной жизни школы, долженствующей имѣть характеръ единодушной, тѣсно сплоченной семьи.

Наряду съ воспитаніемъ долженъ быть организованъ трудъ. Онъ долженъ быть строго организованъ на началѣ братолюбія, безъ чего въ экономической области неизбѣжны—грубая борьба или разорительный и постыдный вооруженный миръ, которые неизбѣжно приведутъ къ разъединенію и озлобленію, сдѣлаютъ безплодными и смѣхотворными всѣ попытки, болѣе сантиментальныя, нежели разумныя, исправить зло, съ одной стороны—

проповѣдью мира и единенія, съ другой—безпорядочной благотворительностью. Вопросъ не въ томъ, чтобы найти работу для тѣхъ, которые въ ней нуждаются, не въ томъ, чтобы поднять заработную плату тѣхъ, у кого работа есть. Все это входитъ въ разрядъ благотворительности и улучшаетъ положеніе отдѣльныхъ лицъ и семей, не измѣняя характера общаго положенія дѣла, не предупреждая возможности, даже необходимости конкуренціи, борьбы, разъединенія и озлобленія. До тѣхъ поръ, пока работа самая тяжелая и непріятная будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и наименѣе выгодною и почетною, борьба за положенія почетныя, выгодныя и пріятныя будетъ неизбѣжна. Необходимо, чтобы самый характеръ работы совершенно измѣнился, чтобы работа перестала быть средствомъ наживы и карьеры, что глубоко безнравственно и приводитъ неизбѣжно къ ожесточенной борьбѣ со всѣми тѣми, кто одновременно желаетъ наживаться и дѣлать свою карьеру, приводитъ общество къ обману вооруженнаго мира между конкурентами. Необходимо, чтобы трудъ сталъ насущною потребностью любви, актомъ братскаго геройства, совершенно свободнымъ отъ всякаго характера продажности и корысти. Надо, чтобы всѣ роды труда давали одинаковыя права на совмѣстно вырабатываемыя цѣнности, и чтобы трудъ самый тяжелый и непріятный вознаграждался общественнымъ мнѣніемъ, особою общественною благодарностью и уваженіемъ, когда онъ совершается въ духѣ самоотверженія, смиренія и любви. Необходима трудовая община, стройно организованная на истинно братскихъ началахъ, для того, чтобы трудъ находился въ этихъ условіяхъ. Только трудовая братская община и представляетъ истинное разрѣшеніе соціальной задачи, можетъ стройно организовать жизнь, отношенія и всѣ роды труда на основѣ мира, любви и единенія. Между богатыми людьми, всѣ люди доброй воли должны понять нравственное преимущество этого мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса...

Формою, осуществляющею эти идеи мирнаго труда и прогресса, является братство, преслѣдующее три цѣли: 1) воспитывать дѣтей къ сознанію первенствующаго значенія любви и къ добрымъ привычкамъ устойчиваго торжествующаго братолюбія; 2) стройно организовать всю жизнь, всѣ отношенія и всѣ роды труда на началахъ братолюбія, и 3) по возможности и внѣ братства поддерживать явленія жизни, родственныя первымъ двумъ цѣлямъ.

Такимъ братствомъ и хочетъ быть Крестовоздвиженское Трудовое Братство — въ хуторѣ Воздвиженскѣ Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи, въ 20 верстахъ отъ г. Глухова и въ 6 верстахъ отъ ст. Горѣлые Хутора М.-К.-Ворон. ж. д. Уставъ Братства утвержденъ 23 декабря 1893 года.

Не буду касаться поучительной во многихъ отношеніяхъ исторіи Братства. Опишу его современное состояніе.

Въ брошюрѣ: «Краткія свѣдѣнія о Православномъ Крестовоздвиженскомъ Трудовомъ Братствѣ — изданіе Трудоваго Братства (Черниговъ 1905 года)» такъ опредѣляется цѣль и характеръ Братства.

Братство представляетъ изъ себя производительную и потребительную братскую артель, объединяющую въ себѣ всѣ роды благотворительности въ формѣ самопомощи, и является опытомъ сплоченія и стройной организаціи прихода, путемъ воспитанія души народной къ добровольной дисциплинѣ вѣры и любви, и созданія изъ этого духовно здороваго матеріала на основѣ вѣры, дѣйствующей любовью, живой, здоровой общественной клѣтки братства прихода, столь необходимой для здоровья живого организма Церкви и Государства. Вся собственность Братства составляетъ неприкосновенное достояніе самого дѣла Трудового Братства и находится только въ пользованіи членовъ Братства, пока они остаются на дѣлѣ Братства, при чемъ не только обезпечено мирное добываніе хлѣба насущнаго для себя и своей семьи путемъ дружной совмѣстной дѣятельности, но обезпечена и участь больныхъ и престарѣлыхъ, ихъ вдовъ и сиротъ, какъ равно обезпеченъ каждый членъ Братства, пока онъ остается ему вѣренъ, и отъ разоренія отъ всякихъ случайностей, каковы—пожаръ, падежъ скота, обманы, вѣроломство и дурныя сообщества. Братство является гарантіей крѣпости семейныхъ узъ, нравственнаго достоинства, честнаго быта христіанской семьи и здоровой духовной атмосферы для нормальнаго духовнаго развитія христіанскихъ дѣтей. Такимъ образомъ Братство, доставляя возможность людямъ доброй воли честно согласовать свою жизнь съ идеаломъ вѣры и осуществляя для кроткихъ ихъ неотъемлемое нравственное право обособленія отъ зла и злыхъ, чѣмъ даетъ возможность перейти отъ самозащиты и борьбы къ мирному созиданію

добра въ жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ является для всѣхъ своихъ участниковъ духовною санаторіей, столь необходимою для тяжко болѣющаго антихристіанскими привычками ума и сердца человѣческаго и для всѣхъ—драгоцѣннымъ опытомъ перехода отъ ожесточающей борьбы къ мирному созиданію добра въ жизни, — настоящею программою мирнаго прогресса на христіанскихъ началахъ...

Такое значеніе Крестовоздвиженскому Трудовому Братству придаютъ его основатели. Посмотримъ, какъ эти высокія цѣли достигаются въ разныхъ сторонахъ братской жизни.

Жизнь религіозная. Крестовоздвиженское Трудовое Братство состоитъ въ Духовномъ Вѣдомствѣ, и въ его собственный полный титулъ входитъ наименованіе его «православнымъ». Оно сознательно хочетъ быть религіознымъ братствомъ. По признанію его основателя и его членовъ, завѣты Братства, мира и любви—завѣты Божіи. На осуществленіе ихъ нужны благодатныя силы, и силы эти можно получить только отъ Бога Живаго, путемъ причастія благодати Его. Согласно тому Братство сознаетъ, что дѣло Братства не можетъ быть дѣломъ человѣческимъ, что и доказалъ опытъ жизни человѣчества, всѣ общины котораго распадались, не устаивая въ любви, а должно и только и можетъ быть дѣломъ Божіимъ. Братство основано при храмѣ Воздвиженія Креста Господня, въ которомъ совершаются обычныя праздничныя и постовыя службы. Кромѣ того, пріемы новыхъ членовъ Братства и въ братскіе кружки школъ совершаются съ особенною торжественностью въ храмѣ, при чемъ новые члены приготовляются къ тому говѣніемъ, исповѣдью и причащеніемъ святыхъ таинъ. Сверхъ общихъ молитвъ, утромъ и вечеромъ по братскимъ семьямъ и по школамъ, существуютъ въ Братствѣ и обѣихъ школахъ молитвенныя собранія для особенно ревнующихъ. Помимо того, устраиваются бесѣды по классамъ въ школахъ, а иногда и общія по всѣмъ вопросамъ вѣры и жизни съ цѣлью пробужденія христіанскаго самосознанія...

Мы были на молитвенномъ собраніи Братства—въ пятницу вечеромъ. Это собраніе происходило въ одной изъ залъ женской школы. У стѣны, противоположной входу, стояла икона, налѣво, недалеко отъ входа, столикъ съ библіей. Мы заняли мѣсто у стѣны направо, а члены Братства—налѣво. Собраніе

началось произнесенною священникомъ, ставшимъ предъ иконою, молитвою св. Іоанна Златоустаго предъ чтеніемъ слова Божія: «Господи, Іисусе Христе, отверзи намъ очи сердечныя услышати слово Твое и разумѣти и творити волю Твою, яко странники есмы на земли: не скрый отъ насъ заповѣдей Твоихъ, но открый очи наши, да разумѣемъ чудеса отъ закона Твоего. Скажи намъ безвѣстная и тайная премудрости Твоея. На Тя уповаемъ, Боже нашъ, да намъ просвѣтиши умы свѣтомъ разума Твоего, не токмо чести написанная, но и творити я, да не въ грѣхъ себѣ словеса прочитаемъ, но въ обновленіе, и просвѣщеніе, и въ святыню, и въ спасеніе души, и въ наслѣдіе жизни вѣчныя. Яко Ты еси просвѣщаяй лежащихъ во тьмѣ, и отъ Тебя есть всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ».

Послѣ этого священникъ, сидя предъ столомъ, прочиталъ отдѣлъ изъ библіи. Затѣмъ онъ снова всталъ предъ иконою и произнесъ обычныя начальныя молитвы. Потомъ слѣдовали молитвы, которыя произносились членами Братства. Сначала молитвы о царѣ. Молитва первая о царѣ, царствующемъ домѣ и отечествѣ: «Помяни, Господи, Государя нашего Императора Николая Александровича, Супругу Его, Мать и Наслѣдника. Въ тяжелую годину, переживаемую нашимъ отечествомъ, не оставь, Господи, по грѣхамъ народа русскаго, Помазанника Твоего: пошли Ему мудрость Соломонову, мужество и кротость Давидову; окружи Его мудрыми совѣтниками и помощниками въ великомъ и трудномъ дѣлѣ, да совершитъ Онъ все во славу Твою и во благо народа своего. Господи премилосердый! Съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ припадаемъ къ Тебѣ и молимъ Тебя, прости грѣхи и беззаконія наша и соотечественниковъ нашихъ и не сотвори со всѣми нами по грѣхамъ нашимъ, но по Своему великому милосердію пощади, Владыко, Твое созданіе, помилуй и сохрани отечество наше отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ». Вторая молитва о царѣ: «О Государѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ соборно Тебя Бога молимъ,—посѣти Его, Господи, благодатію Своею, да будетъ Онъ Тебѣ рабомъ неизмѣнно вѣрнымъ, царству своему верховнымъ вождемъ, мудрымъ верховнымъ судіею праведнымъ, о благѣ подданныхъ, согласно вѣчной истинѣ правды Твоей, верховнымъ ревнителемъ. Благослови труды Его, направи стопы Его; ангеламъ Твоимъ заповѣдай, да пріймутъ они и умъ и сердце Его подъ сѣнь крылъ своихъ. Да не въ судъ

и не въ осужденіе будетъ Ему прохожденіе поприща земного и страшная отвѣтственность могущества власти державы Его, но въ спасеніе души Его, во благо народамъ царства Его, въ созиданіе царства небеснаго и Тебѣ, Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, во славу вѣчную. Господи! Свѣтомъ разумѣнія путей Твоихъ просвѣти умъ Его, вдохновеніемъ святой любви зажги сердце Его, смиренною радостью сознанія нищеты своей содѣлай Его достойнымъ быть сработникомъ Твоимъ на русской нивѣ Твоей и сохрани намъ Его на многія лѣта».

Слѣдующая молитва о Россіи. «На отчизну нашу, Имперію Русскую, излей благодать Твою, Боже! Да соединятся всѣ народы, ее населяющіе, въ одну семью, Тебя, Отца Небеснаго, единомысленно исповѣдующую, всю жизнь свою по вѣрѣ единодушно устрояющую, да будетъ едино стадо и Единъ Пастырь. Да будетъ хлѣбъ насущный и духовный для всѣхъ безъ изъятія. Да будетъ миръ и любовь между всѣми нами и да будутъ безсильны козни враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, злыхъ сѣятелей плевелъ на нивѣ Твоей, писаніемъ, словомъ или дѣломъ вносящихъ шаткость въ умы, горечь въ сердца, соблазнъ, раздоръ и всякую скверну въ жизнь.

Пошли, Господи, хлѣтелей добрыхъ на русскую ниву Твою, да опашутъ они ее благодатью правды Твоей, да просвѣтятъ ее примѣромъ жизни по вѣрѣ. Пошли, Господи, народу русскому чуткость сердца, да разумѣетъ онъ святыя рѣчи избранниковъ Твоихъ, да уразумѣетъ онъ святую волю Твою и неизмѣнно съ радостью творитъ ю, да будетъ Русь воистину свята, да соединится она единомысленно и единодушно въ одно великое Братство Христово, мыслью, словомъ и дѣломъ вѣрное Богу и Христу Его. Да будетъ Русь наша свѣтомъ міра и солью земли, да видятъ всѣ народы примѣръ доброй христіанской жизни и прославятъ Отца нашего Небеснаго. Господи, Владыко міра! Посѣти отчизну нашу благодатію Своею, да облечется она святостью, какъ ризою, и да будутъ сыны ея въ смиреніи своемъ достойны одежды брачной, въ ней же внити надлежитъ въ чертоги царства Твоего».

Далѣе слѣдовала молитва о патріархахъ, синодѣ, митрополитахъ, архипастыряхъ, епископахъ и пресвитерахъ христіанскихъ, затѣмъ—молитва о настоятелѣ братскаго Крестовоздви-

женскаго храма и потомъ слѣдующая молитва за Братство: «Отче нашъ! Помяни Братство наше, Думу Братства, Старшинъ семей, братьевъ и сестеръ, Молитвенные и Братскіе Кружки, воспитанниковъ и воспитанницъ школъ и общежитій Братскихъ, дѣтей Братства нашего, друзей Братства, всѣхъ, заповѣдавшихъ намъ молиться о нихъ и съ любовью о насъ молящихся, всѣхъ въ отечествѣ нашемъ находящихся и въ иныхъ странахъ разсѣянныхъ о Христѣ братьевъ и сестеръ нашихъ, всѣхъ труждающихся на святой нивѣ Твоей, всѣхъ о имени Твоемъ соединенныхъ въ содружества и союзы. Умы нашимъ свѣтомъ разумѣнія правды Твоея просвѣти, любовью и радостью согрѣй сердца наши, слова благопотребныя вложи въ уста наши. Не по грѣхамъ нашимъ воздай намъ и Духа Твоего Святаго не отними отъ насъ. Ангеламъ Твоимъ заповѣдай, да примутъ они умы и сердца наши подъ сѣнь крылъ своихъ. Освяти и укрѣпи, Господи, Братство наше, исцѣли душъ нашихъ болѣзни, Жизнодавче, и въ немощахъ нашихъ твори великія и чудныя дѣла Твои. Аминь».

Затѣмъ слышались молитвы—за Блюстителя Братства, за воспитателей, о болящихъ, Пресвятой Богородицѣ, за скорбныхъ, поминовенныя и покаянныя, молитва священника за свою паству и др.

Въ субботу вечеромъ мы присутствовали на всенощномъ богослуженіи... Настоятель Крестовоздвиженскаго храма, о. Александръ, какъ-то въ разговорѣ сказалъ намъ, что иногда у нихъ всенощное богослуженіе совершается подъ открытымъ небомъ,— и мы упросили его сдѣлать именно такъ теперь. Онъ недолго отказывался, указывая на угрожающее дождемъ небо. Но мы упросили его, и онъ уступилъ. Тучки скоро разсѣялись, и наступилъ чудный лѣтній вечеръ. Всѣ братскія строенія находятся среди роскошнаго парка,—въ его тѣни и была совершена всенощная. Соединенный хоръ Братства и его школъ, управляемый однимъ изъ членовъ Братства, можетъ одинаково гордиться и отличными голосами и превосходнымъ строемъ. Традиціи хора—наилучшія: это ученики Калишевскаго. Кругомъ стояла теплая тишина замирающаго лѣтняго дня. Стройные, изъ глубины души вырывавшіеся звуки, сжатые со всѣхъ сторонъ чащею лѣса, могучимъ потокомъ поднимались къ небу. Съ совершенною ясностью стало понятнымъ, что вечерняя служба особенно умѣстна подъ открытымъ небомъ, такъ какъ ея содержаніе имѣетъ ближайшее отношеніе къ природѣ. Возставали картины

мірового творенія и возникновенія роскошной земной жизни изъ первобытнаго хаоса: вся природа славитъ своего Творца. Славословіе людей должно сливаться съ голосомъ тварей... На лонѣ природы началась исторія—долгая исторія борьбы свѣта и тьмы, печальная ветхозавѣтная исторія, приведшая человѣчество къ сознанію своего полнаго безсилія, къ жаждѣ помощи свыше, съ Востока. «Свѣтъ тихій» явился Спасителемъ человѣка, пришедшаго на западъ солнца... И было что-то чарующее, гипнотизирующее въ этомъ соотвѣтствіи между природой и священною пѣснію... Настали новозавѣтныя времена, встали предъ человѣкомъ новыя высокія задачи, которыя должны захватить всѣ силы человѣка. И нельзя было безъ глубокаго чувства смотрѣть на эти группы братьевъ и сестеръ въ ихъ простенькихъ однообразныхъ костюмахъ. Они дѣлаютъ серьезное, великое дѣло, они должны и могутъ молиться съ глубокою искренностью...

На слѣдующій день литургію мы отслушали въ братскомъ храмѣ, выстроенномъ въ 1893 году—во имя Воздвиженія Животворящаго Креста Господня. Бросается въ глаза обиліе крестовъ. Большіе, синіе стеклянные кресты въ бѣлыхъ матовыхъ окнахъ, большіе бѣлые кресты на каждой половинѣ наружныхъ дверей. Внутри крестовъ еще больше. Вся церковь, въ формѣ креста, выкрашена однообразно свѣтло-голубою краскою съ темно-синими колоннами на углахъ, такими же большими крестами на обѣихъ половинкахъ внутреннихъ дверей, лутками и оконными рамами. Иконостасъ свѣтлаго рѣзного дуба, съ инструкціями и рельефными украшеніями изъ чернаго дуба. Цѣлый рядъ крестовъ надъ иконостасомъ, множество прямыхъ и андреевскихъ крестовъ чернаго дуба и такихъ же звѣздъ украшаетъ самый иконостасъ. Большая люстра, ставники, висячія паникадила и четыре большіе креста съ трехсвѣчниками и многими висячими небольшими крестами на стѣнахъ—все это сдѣлано изъ хрусталя. На стѣнахъ, по обѣ стороны иконостаса, большія темносиніе церковныя хоругви съ золотою бахрамою и двѣ маленькія хоругви старшаго и младшаго Братскихъ Кружковъ школы: одна красная съ большимъ золотымъ крестомъ, другая голубая съ крестомъ серебрянымъ...

За часъ до литургіи происходили бесѣды учителей по отдѣльнымъ классамъ. Мы раздѣлились,—я присутствовалъ на бесѣдѣ съ старшимъ классомъ, которую велъ Ѳ. Е. Чвертка-Спановскій, одинъ изъ трехъ учениковъ перваго выпуска школы,

оставшихся въ Братствѣ. Старшій классъ, только что выдержавшій выпускной экзаменъ, представлялъ изъ себя новыхъ кандидатовъ Братства. На тему о Братствѣ, его значеніи, о мотивахъ вступленія въ Братство и происходила бесѣда. Примѣчательна непринужденность, съ которою здѣсь говорятъ на религіозно-общественныя темы. Бесѣда продолжалась цѣлый часъ,—и все время, не прерываясь, журчала рѣчь Ѳедора Евфимовича...

Школы—имѣютъ въ жизни Братства громадное значеніе: онѣ доставляютъ главный контингентъ членовъ Братства. Нужно замѣтить, что практическое осуществленіе изложенныхъ выше идей Братства началось съ отношенія Н Н Неплюева къ сельской школѣ. Онъ разсказываетъ о себѣ слѣдующее. Невозможность жить безъ любви, невозможность любя обходиться безъ сознательной вѣры въ абсолютную истину и правду любви, не приступая къ разумному дѣлу любви, заставила меня ухватиться, какъ за якорь спасенія, за мысль отдать всю жизнь на воспитаніе дѣтей народа въ привычкахъ любви, подготавливая для нихъ возможность стройно организовать жизнь и всѣ роды труда на основѣ братолюбія Эта мысль была дана мнѣ сновидѣніемъ, въ которомъ я видѣлъ себя въ избѣ, въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, съ которыми бесѣдовалъ. Лица ихъ были какъ бы преображенными, просвѣтленными гармоничнымъ сочетаніемъ свѣта разума и вдохновенія любви. Среди нихъ я дышалъ дорогою, родною атмосферою любви Этотъ сонъ далъ толчекъ моимъ мыслямъ и моей волѣ... Онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ сиротъ м. Яниполя. Съ этого началось его дѣло. Нынѣ въ его имѣніяхъ нѣсколько школъ для дѣтей дошкольнаго возраста и — мужская и женская сельско-хозяйственныя школы. Эти двѣ послѣднія и являются собственно братскими школами.

Воздвиженская низшая сельско-хозяйственная (мужская) школа 1-го разряда содержится Братствомъ, которое, по обязательству дарственнаго акта, отпускаетъ на содержаніе ея ежегодно 10.000 рублей. Кромѣ того, ежегодно отпускается на жалованье учителямъ и на учебныя принадлежности правительственнаго пособія 3500 руб. Сюда нужно прибавить до 2000 руб. ежегоднаго дохода отъ школьнаго хозяйства. Всѣ ученики—числомъ до 80—находятся на полномъ содержаніи школы. Курсъ школы пятилѣтній съ опредѣленною теоретическою программою и

практическими занятіями. Учебный годъ продолжается съ 1 октября по 1 апрѣля, рабочее время съ 1 апрѣля по 1 октября. Каникулы зимой съ 15 декабря по 15 января. Для практическихъ занятій въ распоряженіи школы имѣется хозяйство, которое составляютъ: около 50 десятинъ пахатной земли, 12 дес. лугу, болѣе 1 дес. подъ питомниками, древеснымъ и плодовымъ, 8 воловъ рабочихъ, 4 лошади, 4 коровы, свинарникъ, необходимый для обработки этого участка земли инвентарь. Воспитанники исполняютъ въ этихъ размѣрахъ всѣ главныя хозяйственныя работы Учебно-рабочее время распредѣляется такъ: зимой съ 8 до 12 классныя занятія, а съ $12^1/_2$ до 4 часовъ работы въ мастерскихъ (столярно-плотничной и кузнечно-слесарной) и по дежурствамъ по дому, по скотному двору и проч. Лѣтомъ исключительно работы.

Эта учебно-практическая программа удовлетворяетъ общимъ цѣлямъ школы, которыя въ уставѣ школы опредѣляются такъ: «школа эта имѣетъ цѣлью распространеніе въ народѣ, преимущественно путемъ практическихъ занятій, основныхъ познаній по сельскому хозяйству вообще, а отчасти по садоводству и по виноку рсенному производству, а также по ремесламъ—столярному и слесарному». По всему, что мы видѣли, мы имѣемъ возможность засвидѣтельствовать, что Воздвиженская школа стоитъ довольно высоко, обладаетъ выдающимися средствами сельско-хозяйственнаго обученія. Особенно любопытно было видѣть практическія занятія учениковъ въ обѣихъ мастерскихъ, гдѣ успѣхи ихъ обнаруживаются довольно наглядно.

Но это не единственная цѣль школы. Рядомъ съ этой общей стоитъ вторая цѣль, спеціальная—воспитать души дѣтей въ направленіи сознательной вѣры и любви къ Господу Богу, любви и преданности Царю и Отечеству и Церкви Православной, а также и въ братской любви къ ближнимъ и искреннемъ желаніи созидать въ жизни братство. Говоря проще, школа должна приготовить кандидатовъ для Братства. Родители, желающіе помѣстить дѣтей своихъ въ Воздвиженскую школу, предупреждаются, что школа задается цѣлью подготовить изъ среды своихъ питомцевъ возможно большее число убѣжденныхъ дѣятелей Братства, и что, слѣдовательно, ихъ дѣти, оканчивая школу, могутъ, въ силу искренняго убѣжденія, пожелать вступить въ Трудовое Братство, такъ что тѣ изъ родителей, которые не желаютъ этого, не должны помѣщать своихъ дѣтей въ школу подъ опасеніемъ крайне неже-

лательнаго разлада между вліяніемъ школы и родителей. Воздвиженская школа не возлагаетъ въ этомъ отношеніи на воспитанниковъ никакихъ обязательствъ, но открыто выражается желаніе, чтобы воспитанникъ не былъ поставленъ въ необходимость выбирать между любовью, довѣріемъ и уваженіемъ къ школѣ и воспитателямъ съ одной стороны и любовью, довѣріемъ и уваженіемъ къ родителямъ съ другой. Въ этомъ смыслѣ школа заключаетъ съ родителями формальное условіе.

Такая цѣль школы ставитъ предъ нею своеобразныя задачи воспитанія и создала сложную педагогическую систему, на которой мы и должны остановить свое вниманіе.

Предварительно замѣтимъ, что воспитанники ограждены отъ всякаго сторонняго вліянія: всѣ учителя этой школы вышли изъ ея стѣнъ, ея собственные питомцы. Былъ даже проектъ и священникомъ-законоучителемъ поставить воспитанника же этой школы, но намѣченный кандидатъ, одинъ изъ трехъ братчиковъ перваго выпуска школы, скончался вскорѣ по выходѣ изъ школы. Извѣстно, что у Братства долго не ладилось дѣло съ законоучителями. Нынѣ братскимъ священникомъ состоитъ воспитанникъ Новгородской семинаріи, о. Александръ Александровичъ Секундовъ, которымъ въ Братствѣ всѣ довольны. И неудивительно. Непоколебимо твердый въ православіи, сердечно преданный дѣлу Братства, юный батюшка привлекаетъ къ себѣ привѣтливостью, отзывчивостью и прямодушіемъ.

Во главѣ воспитательнаго дѣла стоитъ попечитель школы П. Н. Неплюевъ. Какъ онъ смотритъ на это дѣло и что онъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, объ этомъ онъ высказывается съ совершенною опредѣленностью. Я, говоритъ Н. Н., стою во главѣ дѣла нравственнаго воспитанія въ школѣ и ревниво ограждаю его отъ всего, что можетъ тормозить духовный ростъ воспитанниковъ и поддерживать въ нихъ анти-христіанскія привычки ума и сердца. Главною моею обязанностью въ этомъ направленіи я считаю уясненіе воспитанникамъ абсолютной истины христіанскаго міровоззрѣнія и руководства въ дѣлѣ согласованія собственныхъ мыслей и чувствъ съ христіанскимъ идеаломъ. Для этого я пользуюсь всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы почитать съ воспитанниками священное Писаніе и побесѣдовать съ ними о словѣ Божіемъ. Пользуюсь и каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы каждое явленіе окружающей жизни, каждое событіе, происшедшее въ стѣнахъ школы, и каждый посту-

покъ воспитанника освѣтить для христіанской совѣсти съ точки зрѣнія христіанской правды. Для выполненія моихъ обязанностей по руководству дѣтьми въ дѣлѣ воспитанія характера я не пропускаю ни одного субботняго круга во время моего пребыванія на хуторѣ, очень часто, а по субботамъ вечеромъ еженедѣльно собираю старшій Братскій кружокъ для совмѣстнаго съ ними обсужденія характеровъ ихъ младшихъ друзей, а иногда и просто на дружескую бесѣду или чтеніе, часто присутствую и на собраніяхъ младшаго Братскаго кружка, по возможности ежедневно принимаю по очереди каждаго изъ членовъ старшаго Братскаго кружка и его младшихъ друзей, чтобы поговорить съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Кромѣ того, въ теченіе всего Великаго поста, ежедневно приходятъ ко мнѣ воспитанники группами или въ одиночку молиться, нерѣдко два раза въ день, что служитъ подготовленіемъ къ говѣнію и святому таинству причащенія, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ попыткою пробужденія молитвеннаго настроенія духа при совмѣстной молитвѣ съ человѣкомъ, искренно вѣрующимъ, внѣ отвлекающаго присутствія многихъ людей разнаго настроенія. Воскресные и праздничные дни я отдаю школѣ и Братству безъ остатка, находя для самого себя высшею радостью какъ можно тѣснѣе слить мою жизнь съ ихъ жизнью. Какъ только ребенокъ поступаетъ въ школу, онъ становится для меня роднымъ. По мѣрѣ того, какъ отношеніе ребенка къ окружающей средѣ становится болѣе сознательно, опредѣляется все болѣе и болѣе и его отношеніе къ добру и злу. Тѣмъ дѣтямъ, которыя высокими качествами своей души пріобрѣтаютъ мою преимущественную любовь и уваженіе, я не стѣсняюсь выказывать эти чувства; они постепенно восходятъ отъ положенія воспитанниковъ до положенія близкихъ друзей, уважаемыхъ помощниковъ и, наконецъ, вполнѣ равноправныхъ братьевъ о Христѣ. По отношенію къ тѣмъ, которые проявляютъ порочныя наклонности, сонливую апатію и упорное грѣхолюбіе, испробовавъ и ласковость, и убѣжденія, и строгость, я естественно становлюсь болѣе далекимъ, переходя отъ положенія любящаго и ласковаго воспитателя въ положеніе требовательнаго начальника и даже совсѣмъ чужого человѣка. Воспитанникъ, прожившій пять лѣтъ въ нашей школѣ, среди ежедневныхъ призывовъ къ любви и добру, если онъ, выходя изъ школы, заявляетъ, что предпочитаетъ положеніе наемника положенію о Христѣ брата, есте-

ственно тѣмъ самымъ становится для меня болѣе чужимъ, чѣмъ всѣ милліоны людей...

Ближайшими помощниками попечителя являются преподаватели, всецѣло проникнутые его взглядами, дѣйствующіе всецѣло въ его духѣ. Но этими дѣятелями воспитаніе школы не ограничивается, оно переходитъ въ самовоспитаніе, и это—самая любопытная черта Воздвиженской школы.

Въ каждомъ изъ пяти классовъ имѣется старшина, избираемый каждымъ класомъ ежемѣсячно изъ своей среды. Старшина обязанъ наблюдать за порядкомъ въ своемъ классѣ Всѣ воспитанники обязаны ему повиноваться во всемъ, что касается принятыхъ имъ на себя обязанностей. Дѣло нужно представлять такъ, что избранный старшина имѣетъ право требовать безпрекословнаго повиновенія своимъ распоряженіямъ. Воспитанникъ на обращенное къ нему со стороны старшины требованіе, которое ему кажется неосновательнымъ, можетъ высказать свое мнѣніе; при повторенномъ же требованіи онъ обязанъ повиноваться безпрекословно. Въ субботнемъ собраніи—кругу каждый воспитанникъ можетъ заявить мотивированное неудовольствіе на старшину, дѣйствія котораго такимъ образомъ подвергаются строгой провѣркѣ.

Помимо старшинъ, дѣйствующихъ на цѣлый классъ, помощниками воспитателей изъ среды воспитанниковъ являются такъ называемые старшіе, которые составляютъ вмѣстѣ съ старшимъ Братскій кружокъ: каждому изъ нихъ поручаются для ближайшаго руководства нѣсколько младшихъ воспитанниковъ. Старшіе живутъ съ своими младшими въ самомъ тѣсномъ общеніи, въ дортуарахъ спятъ рядомъ съ ними, причемъ постель старшаго находится въ срединѣ между постелями младшихъ, за обѣдомъ сидятъ съ ними за однимъ столомъ и въ остальное время стараются какъ можно чаще быть для нихъ доступными. Выбираются старшіе самими младшими воспитанниками, которые на запискахъ обозначаютъ имена старшихъ по порядку большаго или меньшаго желанія имѣть того или другого изъ нихъ своимъ руководителемъ. Исключеніе дѣлается только для вновь поступившихъ, которые распредѣляются между старшими безъ предварительнаго изъявленія своего желанія, такъ какъ никого изъ старшихъ они не знаютъ. Если старшій не оказываетъ достаточно благотворнаго вліянія на младшаго, то послѣднему предлагается избрать другого старшаго. Между собою старшіе образуютъ сплоченную

ассоціацію—старшій Братскій Кружокъ. Вступающему въ старшіе Братскаго Кружка не сразу поручаютъ младшихъ: сначала его только допускаютъ присутствовать при всѣхъ собраніяхъ кружка и, только убѣдившись въ его духовной солидарности съ кружкомъ, его торжественно, съ молитвою принимаютъ въ число членовъ кружка и поручаютъ ему нѣсколько младшихъ. Ежедневно, по очереди, одинъ изъ членовъ старшихъ Братскаго Кружка приходитъ къ попечителю со своими младшими. Каждую субботу старшій Братскаго Кружка собирается вечеромъ для обсужденія поведенія младшихъ и ихъ отношенія къ старшимъ. Къ 1 января каждаго года всѣ старшіе пишутъ подробныя характеристики своихъ младшихъ; около 7 января характеристики эти прочитываются на собраніяхъ ст. Братскаго Кружка.

Подготовленіемъ къ старшему Братскому Кружку служитъ младшій Братскій Кружокъ, объединяющій, по терминологіи братской школы, не дѣтей, окончательно побѣдившихъ въ себѣ порочныя наклонности, а тѣхъ изъ учениковъ, которые обнаружили искреннее желаніе бороться съ такими наклонностями и особенно проявили добрыя чувства къ братьямъ по кружку. Цѣль этого союза—взаимная помощь воспитанниковъ въ дѣлѣ самостоятельнаго нравственнаго самоусовершенствованія. Время отъ времени младшій Братскій Кружокъ собирается для обсужденія поведенія своихъ сочленовъ. Но и младшій Братскій Кружокъ не довольствуется своею внутреннею жизнью, онъ простираетъ свое наблюденіе и за внѣ кружковыми товарищами. Какъ только замѣчается въ комъ-либо изъ послѣднихъ желательное настроеніе, члены младшаго Братскаго Кружка ухаживаютъ за нимъ, приглашаютъ его въ свое собраніе и при общемъ ликованіи заявляютъ ему о своихъ надеждахъ на него. Пріемъ новаго члена въ младшій Братскій Кружокъ обставляется молитвенною торжественностью. Читается Матѳ. XVIII, 15—17 съ объясненіемъ. Затѣмъ поютъ и читаютъ приличныя случаю молитвы, вновь поступающій цѣлуетъ крестъ и хоругвь младшаго Братскаго Кружка и обѣщаетъ любить младшій Братскій Кружокъ и всѣхъ его сочленовъ. Торжество заканчивается тѣмъ, что вновь поступающему даютъ первый братскій поцѣлуй, и всѣ радостно поздравляютъ другъ друга съ пріобрѣтеніемъ новаго брата.

Другая школа—Преображенская низшая женская сельскохозяйственная школа 2-го разряда, которою завѣдуетъ Марія

Николаевна Уманецъ, во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ изъ себя копію мужской школы, другую ея, женскую половину.

Въ общемъ жизнь школъ представляетъ стройную воспитательную систему кружковъ. Преподаватели представляютъ изъ себя братскую семью во главѣ съ попечителемъ; каждый изъ нихъ имѣетъ въ своемъ ближайшемъ попеченіи нѣсколькихъ членовъ старшаго Братскаго Кружка, о которыхъ пишетъ характеристики; каждый изъ членовъ старшаго Братскаго Кружка руководитъ нѣсколькими младшими. Всѣ рѣшительно ученики ведутъ личные дневники. Учительская семья, старшій Братскій Кружокъ и младшій Братскій Кружокъ собираются для обсужденія общихъ вопросовъ. Каждая ассоціація ведетъ журналы. Ведутся журналы общей школьной жизни. На субботнемъ кругу бываетъ собраніе всѣхъ школьниковъ. Также общія собранія бываютъ молитвенныя и для бесѣдъ. Бываютъ литературно-музыкальные вечера. Мы присутствовали на такомъ вечерѣ съ участіемъ членовъ Трудового Братства и вынесли наилучшія впечатлѣнія. Образцовая декламація, прекрасный хоръ, очень хорошій оркестръ балалаечниковъ, художественныя и идейныя живыя картины. Особенно хороша была картина, символизирующая трудъ и Трудовое Братство.

Не высказываю критическихъ сужденій объ этой воспитательной системѣ: это дѣло спеціалистовъ-педагоговъ. Но не могу не признать, что въ Воздвиженской и Преображенской школахъ дѣтей дѣйствительно воспитываютъ. Дѣти въ этихъ школахъ воспитываются личнымъ примѣромъ наставниковъ, ихъ близкимъ словомъ, воспитываются взаимно. Обычныя школьныя наказанія не примѣняются. Но, вмѣсто ихъ озлобляющей системы, здѣсь слѣдятъ за каждымъ ученикомъ—попечитель, учителя, товарищи, знаютъ душу каждаго, его личную жизнь, его настроеніе, характеръ, наклонности, съ нимъ говорятъ о немъ, ему даютъ высказаться и устно, и письменно, его заинтересовываютъ въ дѣлѣ самовоспитанія. Передаютъ, что въ этихъ школахъ, какъ и въ братской жизни, не слышно о куреніи табака, воровствѣ, пьянствѣ. Этому легко можно повѣрить. Не только отсутствуютъ такіе грубые пороки, но не подлежитъ сомнѣнію опредѣленное религіозно-нравственное настроеніе. Я говорилъ съ учениками по вопросамъ христіанской жизни, искушалъ ихъ и могу засвидѣтельствовать, что они готовы дать отвѣтъ всякому вопрошающему. Это не то, что заучиваніе учебниковъ, которые такъ скоро

улетучиваются изъ головы, здѣсь сказывается привычка къ постояннымъ живымъ бесѣдамъ по этимъ вопросамъ...

Экономическая и общественная жизнь Братства. Въ экономическомъ отношеніи Братство обезпечено землей. Учредитель Крестовоздвиженскаго Братства передалъ ему въ даръ. съ правами полной собственности, Воздвиженское имѣніе, заключающееся въ 16435 дес. земли, со всѣми находящимися на этой землѣ лѣсами, постройками и заводами. Въ настоящее время въ фактическое пользованіе Братства перешло 5313 десятинъ, а остальная земля остается въ пожизненномъ пользованіи дарителя, его матушки и двухъ сестеръ. Братство приняло на себя обязательство содержать двѣ сельско-хозяйственныя школы, храмъ и больницу и взяло на себя долгъ, лежавшій на имѣніи, что требуетъ отъ Братства ежегодно около 28000 рублей.

Члены Братства въ имущественномъ отношеніи раздѣляются на два разряда. Члены, обладающіе личною собственностью внѣ предѣловъ Братства, живутъ на своемъ содержаніи и въ доходахъ Братства не участвуютъ. Полноправные члены Братства живутъ на полномъ содержаніи Братства, участвуютъ въ доходахъ Братства, не имѣютъ права обладать собственностью на сторонѣ, обязаны жить въ Братствѣ, принимать участіе въ его трудахъ и подчиняться порядкамъ, принятымъ въ Братствѣ. При поступленіи въ число полноправныхъ членовъ Братства, лица, обладающія собственностью, передаютъ ее въ Братство по оцѣнкѣ, оставляя за собою право при выходѣ изъ Братства получить равноцѣнное имущество.

Полноправные члены Братства являются хозяевами братскаго имущества. Чистая прибыль, получаемая Братствомъ, распредѣляется такъ: 20% отчисляется въ общіе капиталы Братства—основной и запасной, а 80% поступаютъ въ распоряженіе членовъ Братства, которое свободно распоряжается этими процентами, отчисляя нѣкоторую часть ихъ въ личную собственность братчиковъ. Суммами, числящимися на личныхъ счетахъ, члены Братства могутъ свободно распоряжаться при выходѣ изъ Братства и по духовному завѣщанію.

Кромѣ полноправныхъ членовъ Братства могутъ быть пріемные братья-члены, которые поступаютъ въ Братство со стороны. Они подчиняются всему строю братской жизни, живутъ на содержаніи Братства и участвуютъ въ его доходахъ наравнѣ съ полно-

правными членами, но не имѣютъ рѣшительнаго участія въ управленіи братскою жизнью, которое принадлежитъ только полноправнымъ членамъ. Пріемнымъ братьямъ дается, однако, право совѣщательнаго голоса. Первый же годъ по поступленіи въ Братство лица называются допущенными на испытаніе и не принимаютъ никакого участія въ управленіи братскою жизнью.

Полноправные братья и сестры составляютъ изъ себя Братскую думу, которая рѣшаетъ всѣ вопросы братской жизни. Отъ нея зависитъ пріемъ новыхъ членовъ Братства. Она свободно пополняется сама изъ числа пріемныхъ братьевъ, при чемъ наблюдаетъ тотъ принципъ, чтобы руководительство братскою жизнью принадлежало не большинству всѣхъ членовъ Братства, а испытанному и надежному меньшинству. Сама дума выбираетъ изъ своей среды пожизненнаго блюстителя.

Для управленія собственно трудовою жизнью Братства Братская дума выбираетъ изъ всѣхъ членовъ хозяйственный совѣтъ и правленіе.

Затѣмъ всѣ члены Братства раздѣляются на братскія семьи. Братская семья представляетъ изъ себя соединеніе нѣсколькихъ брачныхъ и безбрачныхъ членовъ, имѣющихъ общій трудъ, общій домъ и столъ. Семейные члены имѣютъ свою отдѣльную комнату, а холостые помѣщаются по нѣскольку въ спальнѣ Частныя помѣщенія не велики, самое большее для двухъ взрослыхъ и трехъ дѣтей. Общаго типа. Кромѣ кроватей, гардеробный и бѣльевой шкафы, столъ для письменныхъ и подобныхъ занятій; въ переднемъ углу божница, окаймленная бѣлой занавѣсью, съ лампадой. Убранство комнатъ очень однообразно. Однообразная одежда—черная блуза и черныя брюки у братьевъ и темно-синія платья у сестеръ. Для молитвы утренней и вечерней всѣ члены братской семьи собираются въ столовую. На обѣдъ и ужинъ обычно подаются борщъ съ мясомъ и каша съ саломъ, съ масломъ или молокомъ; на завтракъ или супъ въ семьяхъ, занимающихся физическимъ трудомъ, или чай въ остальныхъ семьяхъ. Содержаніе (столъ и одежда) каждаго члена Братству обходится въ годъ отъ 105 до 125 рублей. Общія дѣтскія служатъ: двѣ спальнями для мальчиковъ и дѣвочекъ старшаго возраста, а одна для общихъ дѣтскихъ игръ. Я долженъ сказать два слова о братскихъ дѣтяхъ. Легко представить себѣ, что все населеніе Братства связано узами тѣснаго содружества, которое замѣтно обнаруживается вовнѣ: всѣ знаютъ другъ друга, называютъ

другъ друга ласковыми именами, члены одной братской семьи имѣютъ общій столъ и домъ. Дѣти считаются членами Братства и содержатся на общій счетъ Братства, независимо отъ числа ихъ въ брачной семьѣ. Все это отражается на дѣтяхъ въ высшей степени благотворно. Всѣ они ласковы, довѣрчивы, привѣтливы. Бывало проходишь мимо того или другого братскаго дома, около котораго копошится группа дѣтворы въ возрастѣ отъ 4 до 7 лѣтъ. Завидятъ тебя дѣтишки и подбѣгаютъ. «Здравствуй, дядя! Какъ тебя зовутъ? А гдѣ ты былъ? Куда идешь? Посмотри наши игрушки».. Или проходимъ, при осмотрѣ братскихъ помѣщеній, чрезъ комнату, въ которой сидитъ въ качалкѣ только что проснувшійся малышъ. и рѣдко кто не скажетъ ему ласковаго привѣтствія, не тронетъ его за ручку, а насъ было около 25 человѣкъ, и онъ смотритъ на всѣхъ своими свѣтлыми глазами, улыбается... И всему поселку эти здоровыя, веселыя и привѣтливыя дѣтишки придаютъ хорошій, сердечный видъ... Самыя старшія изъ братскихъ дѣтей въ настоящее время достигаютъ, кажется, семилѣтняго возраста. И предъ Братствомъ возникаетъ новая задача—создать приготовительную школу для своихъ дѣтей.

Жизнь каждой братской семьи—общая. Во главѣ ея стоитъ старшина, назначаемый Братской думой. Назначается для всѣхъ работа или общая, или обнимающая разныя стороны потребностей братской семьи. Напримѣръ, младшія дѣти поручаются одной сестрѣ, другая находится при дѣтяхъ отъ 4—7 лѣтъ; одна на кухнѣ. Распорядитель работами дѣйствуетъ въ согласіи со всѣми членами братской семьи. Общіе вопросы братской семьи рѣшаются на собраніяхъ всѣхъ ея членовъ. Каждая братская семья ведетъ лѣтопись, которая прочитывается и обсуждается на этихъ собраніяхъ. Между собою разныя братскія семьи, независимо отъ рода труда, равноправны: занятія интеллигентныя и административныя не предпочитаются физическому труду.

Братскія семьи находятся въ постоянномъ общеніи. Ихъ объединяютъ, кромѣ обычныхъ братскихъ интересовъ, праздничныя собранія и особыя братскія торжества, напр., пріемъ новыхъ членовъ. Обращается вниманіе на «красоту» и «торжественность». По большимъ праздникамъ всѣ одѣваются въ бѣлое. Пріемъ новыхъ братьевъ и сестеръ сопровождается крестнымъ ходомъ, молебномъ... Существуетъ Братскій знакъ—крестикъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Братство собирается—днемъ на дѣловыя Братскія собранія или на собранія литературно-музыкаль-

ный, а по вечерамъ на галлереѣ при домѣ блюстителя для непринужденной братской бесѣды... Намъ удалось присутствовать на такой бесѣдѣ .

Остается сказать о томъ, какъ Трудовое Братство смотритъ на свое будущее, и мы закончимъ очеркъ его строя и воззрѣній.

Православное Кресто-Воздвиженское Трудовое Братство— читаемъ мы въ «Краткихъ Свѣдѣніяхъ о Братствѣ», изданныхъ въ 1905 г.—предназначено быть центральнымъ, какъ бы колыбелью всѣхъ будущихъ отдѣленій и имѣющихъ изъ нихъ возникнуть самостоятельныхъ трудовыхъ братствъ. какъ въ предѣлахъ нашего отечества, такъ и за его предѣлами. Центральное Братство будетъ признано законченнымъ, когда по числу своихъ сочленовъ окажется въ состояніи довольствоваться своими силами, не прибѣгая къ помощи наемныхъ рабочихъ, когда на всемъ протяженіи братскихъ владѣній не будетъ ни одного постояннаго жителя, не состоящаго членомъ Братства. Тогда молодые люди, выходящіе изъ братскихъ школъ, и лица, вновь вступающія въ Братство со стороны, будутъ приниматься попрежнему въ центральное Братство, а опытные въ братскомъ дѣлѣ полноправные братья получатъ изъ основного капитала или доходовъ съ той части имѣнія, которая будетъ къ тому предназначена послѣ смерти послѣдняго изъ переживающихъ семьи Неплюевыхъ, ссуду на учрежденіе новаго отдѣленія Братства по договору, заключенному между основателями этого отдѣленія и думою центральнаго Братства Отдѣленіе можетъ стать и самостоятельнымъ Братствомъ, никогда, однако, не прерывая нравственной связи съ центральнымъ Братствомъ. Такія братства могутъ быть учреждаемы не только въ селахъ, но и въ городахъ, избирая своею спеціальностью трудъ промышленный и торговый и даже всякія либеральныя профессіи, т. е. братства докторовъ, юристовъ, ученыхъ, художниковъ и проч.

Мы были въ Воздвиженскѣ экскурсіей человѣкъ въ 25, большинство составляли студенты нашей академіи. Пробыли въ Воздвиженскѣ три полныхъ и два неполныхъ дня. Н. Н. Неплюева не было дома, и мы пользовались гостепріимствомъ его матушки Александры Николаевны, которая несетъ обязанности попечительницы Преображенской с.-х. школы, и сестеръ· Маріи Николаевны (Уманецъ), которая руководитъ воспитаніемъ дѣвушекъ, и Ольги Николаевны, которая завѣдуетъ Яппольскимъ

дѣтскимъ общежитіемъ. Со стороны братства насъ принималъ Оедоръ Евфимовичъ, управляющій Воздвиженской школой, и Василій Михайловичъ, состоящій личнымъ секретаремъ Н. Н. Неплюева и представлявшій его въ его домѣ, въ которомъ мы жили. Насъ встрѣтили въ высшей степени радушно. Удобства, которыми было обставлено наше пребываніе, и сердечная любезность хозяекъ оставили въ насъ самую пріятную память. Были приняты всѣ мѣры, чтобы дать намъ возможность использовать время, бывшее въ нашемъ распоряженіи, для всесторонняго ознакомленія съ братской жизнью. Конечно, мы не можемъ сказать о себѣ, что на мѣстѣ изучили во всей полнотѣ братскую жизнь, но что можно было видѣть и узнать въ три дня, мы видѣли и узнали. Что прежде мы знали изъ книгъ, теперь предстало предъ нами въ качествѣ живой дѣйствительности; слова, формулы, цыфры приняли для насъ плоть и кровь; мы видѣли картину братской жизни и почувствовали ея атмосферу. Нужно было видѣть, какъ братскія дѣтишки при первомъ удобномъ случаѣ безцеремонно взбирались на колѣна къ Александрѣ Николаевнѣ, чтобы понять, какая здѣсь царитъ простота сердечныхъ отношеній. Мы видѣли школьниковъ за работой въ мастерскихъ и подивились ихъ силѣ и ловкости; мы бесѣдовали съ членами старшаго Братскаго кружка и не менѣе подивились той самоувѣренности, съ какою они отвѣчали опредѣленными словами по всѣмъ вопросамъ христіанской жизни, очевидно, всякія сомнѣнія устранены отъ нихъ прежде, чѣмъ могли въ нихъ возникнуть. Намъ хотѣлось поговорить и съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ, не числящихся въ братскихъ кружкахъ, но намъ это не удалось. Намъ назвали одного изъ старшихъ, какъ упорно отказывавшагося вступить въ братскій кружокъ; но когда мы съ нимъ встрѣтились, выяснилось, что онъ уже заявилъ о своемъ желаніи зачислиться въ младшій Братскій кружокъ. О томъ, что Воздвиженску, изобилующему лѣсами и парками, недостаетъ проточной воды, мы уже знали изъ описаній Воздвиженскаго Братства, но нужно было лично посѣтить Воздвиженскъ, чтобы видѣть странное обстоятельство: всѣ женщины и дѣвушки Крестовоздвиженскаго Братства нецвѣтущи и на всѣхъ лежитъ какая-то печать грусти. Я называю это обстоятельство страннымъ, потому что женщины въ Братствѣ не изнурены работой и находятся въ благопріятныхъ физическихъ условіяхъ. Я говорилъ объ этомъ съ членами Братства и мнѣ отвѣчали: «Мы это

знаемъ На это печальное обстоятельство въ Братствѣ уже обращалось вниманіе, но неизвѣстны причины его». Можетъ быть, эта печать грусти и эта тѣнь аскетизма неотъемлемый признакъ христианства?..

Наканунѣ нашего отъѣзда изъ Воздвиженска вечеромъ воскреснаго дня собралось все Братство въ домѣ Н. Н. Неплюева, въ которомъ мы обитали, и наша бесѣда на верандѣ этого дома затянулась до поздняго часа. По желанію своихъ студентовъ, я сказалъ коротенькую рѣчь Братству. Не могу сейчасъ воспроизвести буквально того, что у меня тогда вылилось подъ живымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго... Сказалъ я, что наши экскурсанты являются здѣсь и, кажется, первыми представителями богословской науки, что по существу между задачами Братства и задачами богословской школы находится тѣсная связь, и между нами должно быть живое общеніе. Здѣсь стремятся на практикѣ осуществить то, что мы изучаемъ въ теоріи, и дѣло Братства для насъ интереса какъ одинъ изъ опытовъ, безъ отношенія къ которымъ наша богословская наука является отвлеченною и схоластическою Мы, богословы, должны внимательно изучать то, что здѣсь дѣлается. Но и представители Братства должны быть внимательны къ нашей богословской наукѣ, если хотятъ быть чуждыми сектантской исключительности и партійной односторонности Миновали тѣ времена, когда богословская наука была мертвымъ изученіемъ мертваго матеріала; нынѣ мы прямо и смѣло смотримъ въ глаза самой жизни, не сторонимся отъ ея запросовъ и принимаемъ самую откровенную постановку религіознаго вопроса. Если на сторонѣ Братства преимущество живого опыта, то на нашей сторонѣ преимущество широкаго историческаго горизонта и объективнаго безпристрастія, не суженнаго оградой одного лишь двора, хотя бы и просторнаго. Мы ставимъ для себя задачей прослѣдить всю историческую даль христіанскаго опыта и ознакомиться со всѣми его явленіями въ современной жизни, которыя можемъ сравнивать... И вотъ, въ эти дни мы проѣхали почти всю Россію отъ холоднаго сѣвера до жаркаго юга... И мы можемъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ не встрѣтили такого своеобразнаго уголка. Эти сердечныя отношенія братьевъ и сестеръ, эти объединяющія всѣхъ высокія христіанскія задачи, это радушное гостепріимство, которое мы здѣсь нашли, сдѣлаютъ для насъ навсегда памятными дни, проведенные здѣсь... Поблагодаривъ

Братство за его гостепріимство и за тѣ удобства, въ которыхъ мы знакомились съ его жизнью, я просилъ простить насъ, если мы слишкомъ назойливо заглядывали въ каждый уголокъ, въ ихъ души, если мы въ своихъ бесѣдахъ, особенно съ учениками, ставили искушающіе вопросы: это проистекало единственно отъ нашей любознательности, отъ нашего желанія все вывѣдать, все видѣть и слышать, но никакъ не отъ нашего недовѣрія къ ихъ дѣлу. Мы хотѣли только узнать и даже воздерживаемся отъ критики, такъ какъ не хотимъ ослаблять живыхъ впечатлѣній... Впрочемъ, въ эту минуту, близкую къ разставанію, считаемъ вѣроятнымъ желаніе членовъ Братства знать наше мнѣніе объ ихъ дѣлѣ. Но мнѣніе каждаго изъ насъ есть личное мнѣніе, которое ничѣмъ не можетъ быть стѣснено, но и не можетъ имѣть какого-либо обязательнаго значенія. Если угодно, я могу высказать свое мнѣніе, рискуя быть непонятымъ, такъ какъ оно исходитъ изъ нѣкотораго міровоззрѣнія, Братству, конечно, неизвѣстнаго, но оставляя за собою право впослѣдствіи высказаться полнѣе и яснѣе. Я цѣню съ христіанской точки зрѣнія лица, а не формы. И во всемъ дѣлѣ Братства я вижу и цѣню дѣло одной личности — его основателя. Всѣ члены Братства для меня пока не дѣятели, а благотворимые, причемъ форма ихъ жизни интересуетъ меня исключительно какъ форма благотворенія по отношенію къ нимъ, но не какъ самобытное начало новой жизни, на которое возлагаютъ большія надежды... Конечно, и каждый ученикъ, усовершившись, можетъ быть какъ учитель и даже выше его. Но это дѣло будущаго. И мы отъ души желаемъ, чтобы каждый изъ членовъ Братства не почилъ на полученномъ, но сталъ бы живымъ подражателемъ своего учителя...

Сердечно простились мы съ Братствомъ...

Крестовоздвиженское Трудовое Братство имѣетъ много друзей, съ которыми находится въ дѣятельныхъ и разнообразныхъ, преимущественно письменныхъ, сношеніяхъ, и много недоброжелателей, отъ которыхъ старательно отписывается. Среди послѣднихъ особенно извѣстенъ Ив. Абрамовъ, написавшій брошюру «Въ культурномъ скиту» (среди неплюевцевъ), заклейменный среди членовъ Братства именемъ ренегата. Въ этой брошюркѣ указывается на соглядатайство, ханжество и лицемѣріе, которыя порождаются системой воспитанія, принятой въ Все-

движенскихъ школахъ, на гипнотизирующее и подавляющее всякіе проблески индивидуальнаго развитія вліяніе личности г. Неплюева на учениковъ, на барскую театральность пріемовъ, которыми обставляется его отношеніе къ школѣ и Братству, на его любовь къ красивой фразѣ, на сентиментальную и удушливую атмосферу постоянныхъ поцѣлуевъ, рѣчей, адресовъ, на паразитную жизнь братчиковъ и на дурное экономическое и санитарное положеніе рабочихъ въ экономіяхъ г. Неплюева. Съ своей стороны я рекомендую брошюрку Абрамова (и названныя въ ней статьи другихъ отзывовъ о Братствѣ) вниманію всѣхъ, кто заинтересованъ именно въ практической сторонѣ братской жизни, какъ, напр., хотѣлъ бы, при возможности, примѣнить ту же систему воспитанія къ какой-нибудь школѣ. Я принципіально не противъ такого рода критики, какая примѣнена въ брошюркѣ Абрамова, т. е. разсмотрѣніе закулисныхъ мелочей, которыя могутъ набрасывать тѣнь иронiи и подозрѣнія на громкое дѣло. И во всякомъ случаѣ представители Братской системы должны считаться съ голосомъ тѣхъ, которымъ они благодѣтельствуютъ, которыхъ они воспитываютъ: если съ этой стороны раздается протестъ противъ желѣзной дисциплины и шпіонства, то это не можетъ быть для нихъ безразличнымъ. Пусть, наконецъ, это только неудавшіеся, ренегаты, но вѣдь и они были въ этой системѣ, они могутъ быть названы жертвами ея. Если бы только одна такая жертва была заложена въ основу братской жизни, то и это уже заставило бы насъ призадуматься.

Я принципіально не противъ такой закулисной критики, но лично я далекъ отъ нея. Признаюсь въ своей неосвѣдомленности съ этою стороною братской жизни,—поэтому я не могу провѣрить этого отзыва, не высказываюсь ни за него, ни противъ него. Я не собираюсь устраивать школы, не беру на себя составленіе уставовъ,—мое вниманіе поглощается идейною стороною дѣла. Я склоненъ понимать людей и объяснять ихъ дѣйствія въ лучшую сторону. Конечно, могутъ смѣшиваться съ хорошими и дурные мотивы, хорошее въ общемъ дѣло можетъ имѣть смѣшныя детали, но это важно лишь для того, кто смотритъ на самую форму, а не для того, кто смотритъ на суть дѣла. Если и правда, что въ э т о м ъ случаѣ къ хорошему присоединяется смѣшное и къ великому мелочное, то вѣдь не трудно предположить, что въ другомъ случаѣ этого соединенія могло бы

и не быть. По существу дѣло нужно судить въ основномъ, а не случайномъ Я и ставилъ задачею своего очерка такъ изобразить основу и жизнь Братства, какъ та и другая предносятся взору самихъ учредителей и членовъ Братства. И думаю, что въ этомъ отношеніи на меня едва ли могутъ посѣтовать дѣятели Воздвиженска. Меня скорѣе можно упрекнуть въ противномъ, что я при описаніи слишкомъ близко держался буквы братскихъ уставовъ и не внесъ достаточно деталей. Но я и хотѣлъ очертить основную сторону братской жизни, т. е. лучшую возможную братскую организацію, не заподозривая никого въ неискренности. И теперь я хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній съ этой же существенной точки зрѣнія—во исполненіе своего обѣщанія Братству.

Важнѣйшій недостатокъ въ религіозномъ міровоззрѣніи Н. Н. Неплюева тотъ, что въ немъ не обезпечивается свобода автономной разумной личности. Не только вообще каждый религіозенъ по-своему, но и въ частности христіанская религія каждымъ усвояется, если только усвояется, во свѣтѣ личности,— усвоенное христіанство не есть общая формула, а личное творчество. Это по смыслу евангелія. Поэтому настойчивое желаніе учредителя Братства, чтобы члены Братства думали его мыслями и говорили его словами, не можетъ имѣть перспективы долговѣчности. Въ этомъ случаѣ даже недостатокъ литературнаго таланта, вполнѣ понятный у практическаго дѣятеля, отсутствіе литературно-изящной закругленности системы и афористическихъ формулъ, возбуждающихъ самодѣятельность мысли и создающихъ сектантскую изолированность, можетъ сыграть неблагопріятную роль, несмотря на утомительное повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей и словъ. Прочна лишь та система, которая разсчитана на свободное творчество грядущихъ поколѣній. То же слѣдуетъ сказать и относительно практическихъ формъ жизни. Если формы не претендуютъ на сакраментальное значеніе, если онѣ не подводятся подъ категорію мертваго и тяжелаго долга, то ихъ увѣковѣченіе въ лучшемъ случаѣ вызоветъ протестъ, въ худшемъ создастъ лицемѣріе. Въ предисловіи Н. Горбова къ «Сельской школѣ» С. А. Рачинскаго разсказывается слѣдующее. «...Послѣ ужина мой помощникъ и другъ, Романъ Степановичъ Крыловъ, также бывшій ученикъ Рачинскаго (нынѣ уже діаконъ), обыкновенно молился одинъ въ опустѣвшемъ классѣ. Я не входилъ туда, чтобы не мѣшать

сму. Между тѣмъ началъ я замѣчать, что часто въ спальнѣ (она же и столовая), гдѣ послѣ ужина оставались ученики, недостаетъ нѣсколькихъ мальчиковъ, преимущественно изъ старшихъ. Взглянулъ я разъ въ классъ и вижу: передъ иконой молится Романъ, а поодаль на колѣняхъ стоитъ кучка ребятъ, что они начали приходить потихоньку, стараясь быть незамѣченными, въ классъ,—и тоже молились». Не правда ли, чудная картина? Христосъ былъ съ этими потихоньку приходившими помолиться. Но послушайте дальше. «Потомъ они упросили Романа вычитывать всѣ молитвы вслухъ. Такимъ образомъ сама собой, по желанію самихъ же ребятъ, вечерняя молитва расширилась, и теперь на ней прочитываются уже всѣ молитвы на сонъ грядущимъ, для поддержанія бодрости прерываемыя пѣшемъ»... Потомъ, конечно, для поддержанія бодрости придется прибѣгать къ дисциплинарнымъ мѣрамъ, бороться съ разговорами и смѣшками во время молитвы, повторить все то, что теперь продѣлывается во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ. Какъ не поймутъ люди, что переходъ отъ добровольнаго дѣла, выливающагося въ свободную форму, къ обязательной формѣ есть самый рѣшительный, что это величайшій грѣхъ—осквернить святую свободу религіознаго творчества помпистическими кандалами. Въ брошюрѣ А. Лютецкаго «Самобытное воспитаніе» передается, что организація братскихъ кружковъ въ Воздвиженской школѣ возникла свободно. Это прекрасно. Но она и должна продолжаться свободно. Если же на внѣкружковыхъ смотрятъ косо, то стало быть ангелъ свободы давно отлетѣлъ на небо, а на его мѣстѣ вселилась мертвая дисциплина. Ничего такъ не нужно избѣгать, какъ лицемѣрія. Христосъ время отъ времени спрашивалъ своихъ учениковъ: «не хотите ли вы отойти отъ Меня»? А простымъ смертнымъ учителямъ нужно повторять такіе вопросы предъ своими учениками ежедневно. Изъ трехъ учениковъ старшаго Братскаго Кружка на мой вопросъ: «на чьей сторонѣ у васъ соблазняющія выгоды, кто изъ васъ герои — вступающіе въ кружки или остающіеся внѣкружковыми?» — двое отвѣтили: «конечно, мы герои царства Божія», а третій сказалъ: «ну, что вы? Чтобы не вступить въ кружокъ, нужно быть героемъ»... Въ предѣлахъ школы воспитаніе можно основывать на внушеніи и дисциплинѣ, но мысль, что этимъ путемъ можно создать дѣятелей жизни и перссоздать самую жизнь, нужно назвать утопіей.

Искусственная изоляція не можетъ быть признана серьезной мѣрой. Прежде всего, въ отношеніи къ внутреннимъ предѣламъ самой колоніи—на чемъ основываются надежды на долговѣчность воспитательнаго значенія заведенная строя? «Руководящія правила въ братствѣ и школахъ его» нестрятъ словами «долженъ», «должна», «должны», повторяющимися сотни разъ. «Воспитанники должны понимать, должны помнить... должны сознавать. Субботній кругъ долженъ быть»... И такъ далѣе. Что это—пророчество на основаніи новооткрытыхъ силъ и законовъ или непререкаемое законодательство въ надеждѣ на новыя силы, привитыя человѣчеству? Если ни то, ни другое, то это—пустыя слова И ихъ безсиліе скоро окажется. Исходя только изъ прожитой исторіи христіанства, легко предвидѣть распаденіе колоніи. Дѣло въ слѣдующемъ Въ Братствѣ подрастаютъ дѣти. Кто поручится, что всѣ они свободно воспитаются въ духѣ Братства, что половина ихъ не потребуетъ свободы младшихъ сыновей—свободы (не говорю жить распутно) по своему мыслить, по своему молиться? Достоевскій самымъ страшнымъ зломъ каторги называлъ то, что несчастный лишается возможности остаться въ одиночествѣ. Пробыть время отъ времени одному съ самимъ собою—это такая святая потребность. Религія преимущественно есть дѣло одинокой личности. Помолиться своему Богу, своему Отцу Небесному—это въ иныя минуты и для иныхъ натуръ столь же необходимо, какъ въ другія минуты и для другихъ натуръ объединиться въ молитвѣ. Для иныхъ дороже всего мыслить своими словами, составить свою систему міровоззрѣнія, попытать свои пути... Нынѣ члены Трудового Братства оставляютъ отца и мать; придетъ время, и они станутъ въ коллизію съ своими дѣтьми Не трудно оставить отца и мать, труднѣе—бросить дѣтей. И предъ Трудовымъ Братствомъ возникнетъ дилемма: или извергать вмѣстѣ съ неудавшимися дѣтьми ихъ родителей, или расширить свободныя условія пребыванія въ Братствѣ.

Много важнѣе вопросъ объ отношеніи Братства къ окружающему міру. Трудовому Братству постоянно приходится слышать такое возраженіе: «Братство замыкается, живетъ своею обособленною жизнью и не приноситъ никакой пользы окружающему обществу». Въ отвѣтъ на такое возраженіе учредителямъ Братства составлена брошюра «Жизненное значеніе трудовыхъ братствъ церковное, государ-

ственное и общественное — бесѣда для друзей и враговъ». Здѣсь учредитель Братства пишетъ: «Если мы не беремъ на себя судить тѣхъ, кто не приступаетъ къ дѣлу устроенія жизни на началахъ вѣры, любви и мира, не считая себя въ правѣ оскорблять ихъ публичными выговорами за это, справедливость требуетъ, чтобы и мы не подвергались оскорбленіямъ публичныхъ выговоровъ за то доброе дѣло, которое безкорыстно и самоотверженно созидаемъ на пользу общую... Обвинять насъ въ томъ, что мы излишне обособляемся, со стороны лицъ постороннихъ нашему дѣлу несправедливо, жестоко и оскорбительно для насъ какъ судъ надъ совѣстью нашею»... На это слѣдуетъ отвѣтить, что можно не судить лицъ и судить принципы ихъ дѣятельности. Если бы члены Трудового Братства просто жили, какъ имъ хочется, то ихъ жизнь не имѣла бы принципіальнаго значенія, и они въ правѣ были бы требовать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, но они претендуютъ на то, что осуществляютъ въ своей жизни христіанскіе принципы, и потому лица посторонніе могутъ судить о принципахъ ихъ рѣчей и дѣлъ,—тѣмъ болѣе, что въ основѣ ихъ идеи лежитъ рѣзкая критика всего наличнаго строя жизни и мысль, что форма Братства есть единственная форма осуществленія христіанства. Это, какъ хотите, смѣлый вызовъ всѣмъ постороннимъ лицамъ высказаться объ ихъ дѣлѣ. Всѣ, принимающіе близко къ сердцу вопросъ христіанскій и вопросъ общественный, должны рѣшить: 1) осуществляется ли идея христіанства въ формѣ Трудового Братства и 2) дастъ ли форма Братства рѣшеніе общественнаго вопроса?

Авторъ брошюры пишетъ: «То, что мы дѣлаемъ, не ново, а старо, какъ христіанство. Это именно то, что во всѣ вѣка проповѣдывалось съ церковныхъ каѳедръ, что заповѣдано намъ Спасителемъ міра. Ново только наше отношеніе къ вѣрѣ. Ново то, что мы отъ словъ перешли къ дѣлу, отъ проповѣди словомъ къ проповѣди дѣломъ. Нова та степень осуществленія правды, которую мы отъ себя требуемъ, та степень практическаго осуществленія вѣры и идеаловъ, возможность которой мы на дѣлѣ доказываемъ»... Нѣтъ, нова въ исторіи христіанства столь сознательно и прямо высказанная мысль объ обособленіи христіанской общины отъ окружающаго міра въ дѣлѣ благотворительности. Врагъ древняго христіанства и защитникъ язычества свидѣтельствовалъ: «Іудеи не имѣютъ у себя нищихъ, нечести-

вые галилеяне (христіане) питаютъ нашихъ вмѣстѣ съ своими»... Тертулліанъ говорилъ язычникамъ: «наше милосердіе даетъ болѣе на улицахъ, чѣмъ ваша набожность въ храмахъ... Если всѣ люди имѣютъ любовь къ своимъ друзьямъ, то особенность христіанъ состоитъ въ томъ, что они любятъ даже и тѣхъ, которые ненавидятъ ихъ»... Въ неограниченности своихъ благотвореній Церковь всегда видѣла признакъ своей универсальности и вмѣстѣ съ тѣмъ средство для побѣды надъ всѣмъ міромъ. Этому вѣчному христіанскому принципу Трудовое Братство сознательно измѣняетъ, разрывая такимъ образомъ христіанско-общинное дѣло отъ дѣла общественнаго.

Дѣло общинное не то же, что дѣло общественное, а христіанство въ томъ, чтобы благотвореніе общины расширить до предѣловъ общественныхъ. Единеніе внутри общины еще можетъ не побѣдить опаснаго уединенія. Вотъ относящаяся сюда страничка изъ сочиненій самого Н. Н. Неплюева. «Уединеніе, пишетъ онъ, можетъ быть одиночное, можетъ быть семейное, можетъ быть кружковое. Человѣкъ, выбравшій изъ всего человѣчества любящую и покорную жену и кромѣ нея да покорныхъ себѣ, вполнѣ отъ него зависимыхъ, дѣтей, никого и ничего знать не желающій,—развѣ это не представитель самаго грубаго семейнаго эгоизма, расширенное «я», уединившееся отъ всего остального міра? Такой человѣкъ можетъ имѣть обширныя дѣловыя и соціальныя связи, но это будетъ только внѣшнее соприкосновеніе съ толпою, общеніе биржи и раута, а не христіанское общеніе нѣжнаго братолюбія. Онъ и семья его—обособленный, замкнутый міръ, уединившійся отъ всѣхъ, не желающій интимнаго, братскаго единенія ни съ кѣмъ... Можно и изъ цѣлаго кружка лицъ, изъ цѣлой партіи, даже изъ цѣлаго народа, изъ цѣлой церкви сдѣлать для себя одну большую фиктивную семью, соединенную какими либо матеріальными интересами, фанатизмомъ, національною или исповѣдною гордостью, и все это не будетъ христіанскимъ братскимъ общеніемъ, а тѣмъ же эгоистическимъ обособленіемъ еще болѣе расширеннаго «я», уединеннаго отъ всего остального міра»... Авторъ этихъ строкъ глубоко убѣжденъ, что обличенное въ этихъ словахъ уединеніе чуждо Трудовому Братству, что оно существуетъ по совершенно иному принципу. «Съ христіанской точки зрѣнія истинно братское общеніе—только тамъ, гдѣ люди соединены живою вѣрою въ общаго Отца Небеснаго»... Онъ

полагаетъ, что только вѣра въ общаго Отца дастъ истинное общеніе внутри самаго Братства и что такое внутреннее единеніе имѣетъ только Братство. Но это ошибочно думать, что вообще крѣпкая и нѣжная любовь возможна только въ христіанскомъ обществѣ. Нѣтъ, и язычниковъ можетъ соединять между собою крѣпкая любовь, и мытари могутъ быть нѣжны въ отношеніи другъ къ другу. Отличіе истинно-христіанской любви отъ любви языческой, отъ любви семейной и кружковой, не въ томъ, что только она есть крѣпкая и искренняя любовь, а въ томъ, что семейная и кружковая любовь ограничивается предѣлами семьи и круга, тогда какъ христіанская любовь выступаетъ за предѣлы христіанской общины. «Любите враговъ вашихъ. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?» Трудовое Братство хочетъ оградить себя отъ этой логики христіанской любви. Его основатель разсуждаетъ такъ: «Обвиненіе Трудового Братства въ замкнутости и обособленіи сводится къ требованію отъ насъ братскихъ отношеній не только между собою, но въ той же мѣрѣ ко всѣмъ безъ различія. Такихъ обязательствъ мы на себя не принимали и не примемъ; я совершенно отвергаю право у окружающаго насъ общества предъявлять къ намъ такія требованія. Самое понятіе «братство» заключаетъ въ себѣ требованіе взаимности. Есть логика братская и есть логика анти-братская». Т. е. съ братьями нужно жить по-братски, а съ прочими такъ, каковы они сами. Братскія отношенія ко всѣмъ были бы, будто, лживымъ отношеніемъ. «Мы даромъ не отдаемъ окружающему насъ міру, продукты нашего труда и вообще не доставляемъ ему братскихъ выгодъ, пока онъ не желаетъ принять на себя братскій подвигъ. Вотъ почему мы не согласны обманывать народъ и запгрывать съ нимъ на почвѣ братскихъ отношеній», т. е. улучшать матеріальное положеніе наемныхъ рабочихъ и благотворить окружающему населенію. Итакъ, съ хорошими по-хорошему и съ злыми по-злому. Принципъ поражаетъ своею простотою. Но это есть ветхозавѣтный принципъ: любить ближнихъ и ненавидѣть враговъ. Христіанство открыло міру совершенно другой принципъ. Нужно любить не только ближнихъ, но и враговъ,—мало того, не только добрыхъ, но и злыхъ. Это именно значитъ любить со-

ершенною любовью Отца Небеснаго, Который повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Единственное условіе (conditio sine qua non) того, чтобы община пріобрѣла христіанскій характеръ, это если община благотворитъ не только своимъ, но и чужимъ, не только добрымъ, но и злымъ; не только праведнымъ, но и неправедныхъ. Только въ этомъ единственномъ случаѣ естественная любовь перерождается въ религіозную, христіанскую. Иначе будетъ кружковая любовь людей, соединенныхъ матеріальными интересами и взаимнымъ преслѣдованіемъ идеи,—рабочая ассоціація.. Никто не говоритъ, что окружающее общество имѣетъ право предъявлять къ Братству какія нибудь требованія. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Дѣло въ самомъ Братствѣ. Если бы, — повторю еще разъ, его члены жили такъ просто потому, что имъ такъ хочется, то ни о какихъ правахъ окружающаго общества не было бы рѣчи. Но Братство претендуетъ быть выразителемъ христіанской идеи, съ рѣзкимъ сужденіемъ по адресу всѣхъ, кто живетъ иначе. Это иное дѣло. Въ этомъ дается основаніе прилагать къ Братству извѣстный критерій для сужденія о его дѣлахъ. «Отъ словъ своихъ оправдываешься,—и отъ словъ своихъ осудишься». Каждый судится по своимъ принципамъ. Каждый въ своей совѣсти и въ своемъ исповѣданіи носитъ мѣру своего суда. Претендующее быть единственнымъ носителемъ въ современной жизни христіанской идеи, Крестовоздвиженское Братство о б я з а н о стоять на высотѣ этой идеи, д о л ж н о быть судимо по этой идеѣ. А оно не стоитъ на этой высотѣ, оно понижаетъ христіанскій идеалъ. За разсужденіями, что только этимъ путемъ христіанство пріобрѣтаетъ жизненное значеніе и вѣрующіе получаютъ опредѣленную программу, мы признаемъ извѣстную силу. Ну и пусть въ такомъ случаѣ прямо и открыто скажутъ, что христіанство въ своей евангельской высотѣ непримѣнимо къ жизни, не можетъ создать общины, есть чистая утопія: это по крайней мѣрѣ будетъ откровенная и искренняя мысль Какъ искренняя, она будетъ имѣть свою цѣну. Но мы рѣшительно отказываемся понять, почему Братство можетъ накоплять свое благоденствіе, тогда какъ для отдѣльнаго христіанина это невозможно, такъ какъ его окружаетъ вопіющая нужда, назойливо вымогающая его сочувствіе и жалость. Что же, Братство можетъ купить себѣ дорогую роскошь обособленности отъ окру-

жающей нужды и страданій?! Какою же цѣною? Иди прочь, бѣдпота и нужда,—мы помогаемъ другъ другу!.. Это все, что хотите,—только это не христіанство... Это какая-то эволюція въ отношеніяхъ «русскаго помѣщика» къ «русскому крестьянину», эволюція рабочаго вопроса, но не эволюція христіанства.

Посмотримъ теперь на общественное значеніе Братства. Въ названной выше брошюрѣ читаемъ: «Трудовое Братство являетъ собою полезный для Церкви и Государства опытъ стройной организаціи и сплоченія прихода, опытъ оздоровленія и оживленія общественной клѣтки церковнаго и государственнаго организма, что такъ необходимо для здоровья живого организма Церкви и Государства, организмовъ, на здоровьи которыхъ не можетъ не отражаться губительно болѣзненное состояніе живыхъ клѣтокъ, ихъ составляющихъ. Для Церкви и Государства тѣсно сплоченное и стройно организованное Трудовое Братство является лучшею гарантіей неизмѣнной вѣрности имъ и практическаго осуществленія въ жизни ихъ идеаловъ мирнаго преуспѣянія страны и мирнаго прогресса». Т. е. Трудовое Братство есть часть государства и церкви. Чѣмъ болѣе благоустроена и чѣмъ болѣе благоденствуетъ часть, тѣмъ лучше цѣлому. Въ этомъ общественное значеніе Трудового Братства. Противъ этого спорить трудно. Но такое общественное значеніе можетъ имѣть и эгоизмъ кружковый или семейный. Въ семьѣ особенно указываютъ гармонію личнаго эгоизма съ интересами цѣлаго. «Чѣмъ эгоистичнѣе семья, тѣмъ—говорятъ—она замкнутѣе въ себѣ, отрѣзаннѣе отъ міра: и тѣмъ болѣе собирается тепла въ ней, главнаго жизненнаго условія дѣтей, будущихъ согражданъ отечества. Чѣмъ эгоистичнѣе мужъ, тѣмъ онъ требовательнѣе къ женѣ: строже блюдетъ ея вѣрность, какъ жены, и преданность дѣтямъ, какъ матери. Опять выигрываетъ, отъ эгоизма мужа, интересъ общества, коего прекраснымъ членомъ является таковая жена и мать. Жена эгоистичная—она держитъ мужа: тогда—растетъ хозяйство, избытокъ, все части собственности націи. Такимъ образомъ здѣсь чѣмъ больше кто себѣ требуетъ, тѣмъ болѣе онъ всѣмъ даетъ». Да что семья? То же можно сказать и объ индивидуальномъ эгоизмѣ и благодействіи. Чѣмъ лучше мнѣ, тѣмъ лучше государству, такъ какъ я часть государства. Такъ именно разсуждаетъ извѣстный сторонникъ экономическаго индивидуализма, Бастіа, утверждающій, что личный эгоизмъ находится въ естественной гармоніи

съ общимъ интересомъ, и каждый, заботясь о себѣ, тѣмъ самымъ служитъ обществу. Все это такъ, разумѣется. Но это только посредственное служеніе обществу, это только натуральное (а не моральное) совпаденіе эгоизма съ общественною пользою, поскольку эгоизмъ въ извѣстныхъ границахъ совпадаетъ съ общественнымъ благомъ. Однако, государство не есть только сумма индивидуумовъ и отдѣльныхъ союзовъ. Государственные и общественные порядки имѣютъ объективное существованіе и оказываютъ вліяніе на жизнь индивидуумовъ и отдѣльныхъ союзовъ. Государственныя общественныя нужды требуютъ отъ гражданъ и непосредственнаго вниманія. Въ положеніи Минина послужить обществу значило пожертвовать женой и дѣтьми, а не сохранять семейный эгоизмъ. Въ положеніи помѣщика рабовладѣльческой страны жалкій минимумъ нравственности поддерживать свое семейное или сословное благоденствіе. При извѣстныхъ обстоятельствахъ эгоизмъ и общественная польза сталкиваются; нѣкоторыя острыя общественныя нужды требуютъ прямого вниманія со стороны индивидуумовъ и кружковъ и даже жертвы индивидуальными, семейными и кружковыми интересами. Заведенный порядокъ только поддерживаетъ общественную жизнь. Всякій прогрессъ общества, всякій подъемъ его на высшую ступень совершается сознательными усиліями свободныхъ дѣятелей Есть же различіе между какимъ нибудь полипнякомъ или трубчатникомъ и человѣческимъ обществомъ. У трубчатника (сифонофоры) одни члены служатъ питательными органами, другіе плавательными и т. д. Каждые служатъ цѣлому, отправляя свои спеціальныя функціи и только этимъ путемъ. Но человѣческое общество прогрессируетъ только потому, что его члены с о з н а т е л ь н о относятся къ общему дѣлу, къ общественнымъ вопросамъ, служатъ общественнымъ нуждамъ. При недостаткѣ вниманія къ общественному дѣлу, застывшіе порядки начинаютъ неблагопріятно дѣйствовать на состояніе кружковъ, семей и индивидуумовъ. Несомнѣнно, и въ странѣ рабовладѣльческой или въ странѣ, придавленной бюрократическимъ режимомъ, могутъ быть нѣкоторые индивидуумы, или сословія, или кружки особенно благоденствующими, но это именно паразитарные члены, у которыхъ самое благоденствіе можетъ быть лишь чисто физіологическимъ и неизбѣжно сопровождается духовнымъ пониженіемъ. Самое безучастіе къ жертвамъ общественнаго строя является свидѣтельствомъ объ ихъ

нравственномъ разложеніи. Здѣсь не можетъ быть выбора— необходимо выйти изъ скорлупы индивидуальнаго, семейнаго или кружковаго эгоизма на болѣе широкую арену общественной дѣятельности.

Представители Крестовоздвиженскаго Трудового Братства думаютъ, что оно имѣетъ и прямое общественное значеніе. «Обособляясь отъ окружающаго насъ общества въ размѣрѣ требованій совѣсти нашей, мы, говорятъ члены Братства, однако, имѣемъ несравненно большую степень общенія, не только между нами, но и съ окружающимъ насъ обществомъ, чѣмъ могли бы имѣть внѣ Братства. Многіе этого не понимаютъ, для многихъ это не очевидно только потому, что общеніе это имѣетъ болѣе систематичный характеръ и иныя формы, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли въ рутинѣ окружающей насъ жизни». Такія вводныя слова повышаютъ вниманіе читателя къ слѣдующимъ строкамъ. Оказывается, существуютъ систематичныя сношенія Братства съ обществомъ, лишь отличны они отъ шаблонныхъ и рутинныхъ, лишь не замѣчаются они по ихъ крайней своеобразности. Что же это за формы сношенія? «На братство наше мы смотримъ, какъ на живую книгу, раскрытую для чтенія всѣхъ, отъ ученаго до иску́ча, отъ знатнаго до простолюдина, для всѣхъ, кто пожелаетъ читать ее, не считая себя въ правѣ писать на страницахъ ея, что вздумается, книгу, болѣе убѣдительную и краснорѣчивую, чѣмъ все, что мы могли бы сказать въ защиту и разъясненіе жизненной правды вѣры и самыхъ возвышенныхъ гуманитарныхъ идеаловъ». Это значитъ, что опытъ братской жизни, практикуемой въ Воздвиженскѣ, есть спасительный для всѣхъ образецъ, цѣлительный для общества примѣръ, при чемъ, разумѣется, не вина Братства, если не понимаютъ этого значенія его и не желаютъ его использовать. «Именно въ этомъ высшая общественная заслуга наша, способная, при доброй волѣ понять насъ и воспользоваться жизненнымъ опытомъ нашимъ, стать истиннымъ общественнымъ благодѣяніемъ»... И Братство не только молчаливо совершаетъ спасительный примѣръ,—«двери Братства нашего широко раскрыты для всѣхъ, кто захочетъ посѣтить его на мѣстѣ съ нимъ ознакомиться, будь то представитель самыхъ высшихъ слоевъ общества или простой крестьянинъ».

Разумѣется пріемъ гостей, на который въ Братствѣ ассиг-

пуется до 800 рублей въ годъ. Этого мало. «Теорія нашего дѣла и животворящій духъ его подробно выяснены въ четырехъ томахъ полнаго собранія моихъ сочиненій. Именно въ этихъ формахъ, наряду съ воспитаніемъ души народной къ дисциплинѣ вѣры и любви, въ лицѣ тѣхъ дѣтей народа, которыхъ мы воспитываемъ, горячо желая сдѣлать ихъ достояніемъ Божіимъ и братьями нашими по достоянію Божію—дѣлу Братства Трудового, мы и полагаемъ самое широкое и самое полезное общеніе съ окружающимъ насъ обществомъ».

Таковы четыре главныя формы общенія Братства съ обществомъ. Нужно сказать особо о послѣдней формѣ. На Воздвиженскія школы отпускается государственныхъ средствъ что-то около 5000 рублей, и Государство ставитъ этой школѣ цѣлью распространеніе въ народѣ основныхъ сельско-хозяйственныхъ познаній. Братство же съ своей стороны прилагаетъ стараніе удержать учениковъ школы въ предѣлахъ Братства, и это именно называется четвертою формою общественной заслуги Братства. Кажется, здѣсь мы имѣемъ образчикъ совершеннаго извращенія понятій. Въ томъ, что Братство не выпускаетъ учениковъ школы въ народъ, а удерживаетъ ихъ у себя, проявляется несомнѣнная противообщественная тенденція Братства. Это ясно, какъ Божій день. Поэтому формами сношенія Братства съ обществомъ остаются три — примѣръ братской жизни, поясненный гостепріимствомъ и печатнымъ словомъ. Эти формы оказываются недѣйствительными, что даетъ поводъ къ негодованію учредителя Братства. «Не наша вина, восклицаетъ онъ, если не желаютъ вступать съ нами въ тѣ формы общенія, которыя логично вытекаютъ изъ самого дѣла нашего. Не наша вина, если, живя въ непосредственной близости отъ насъ, даже въ предѣлахъ Глуховского уѣзда, относятся съ такимъ презрительнымъ невниманіемъ ко мнѣ и дѣлу Трудового Братства, что сочиненій моихъ не читаютъ и дѣло Братства Трудового на мѣстѣ не изучаютъ»... Отъ этого негодованія г. Неплюева вѣетъ глубокою искренностью, но оно еще болѣе несправедливо.

Не одинъ основатель Крестовоздвиженской колоніи бросаетъ подобный упрекъ человѣчеству—это пріемъ всѣхъ утопистовъ, это судьба всѣхъ самообольщенныхъ мечтателей. Утопія есть надежда на водвореніе въ мірѣ золотого вѣка, основанная не на

знаніи реальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ человѣчествѣ, а на проектѣ автора той или другой утопіи. Въ этомъ и трагизмъ всякаго утописта: онъ глубоко убѣжденъ, что стоитъ только человѣчеству осуществить его проектъ—ну для пробы, ну, на одинъ день—и счастье человѣчества обезпечено. Однако, человѣчество ни мало не склонно продѣлывать надъ собою эксперименты, угодные кому нибудь. Отсюда негодованіе утописта.. Тутъ могла бы помочь только объективность взгляда, до которой одностороннему увлеченію слишкомъ далеко. Возьмемъ примѣръ издалека. Извѣстный Фурье надѣялся, что проектированные имъ фаланстеры исключительно силою примѣра, своею привлекательностью, измѣнятъ соціальную жизнь человѣчества. Можно указать примѣры и ближе къ намъ. Нашъ Толстой увѣряетъ, что стоитъ только одному человѣку понять жизнь такъ, какъ учитъ его понимать ее христіанство, и начать жить такъ и за нимъ сдѣлать то же другому, третьему, сотому, для того, чтобы разрушился тотъ заколдованный кругъ общественной жизни, изъ которой, повидимому, нѣтъ выхода. «Пусть только каждый человѣкъ сейчасъ же въ своей жизни, по мѣрѣ силъ своихъ, исповѣдуетъ ту правду, которую онъ знаетъ, или хотя, по крайней мѣрѣ, пусть не защищаетъ ту неправду, которую онъ дѣлаетъ, выдавая ее за правду, и тотчасъ же въ нынѣшнемъ году совершились бы такія перемѣны къ освобожденію людей и установленію правды на землѣ, о которыхъ мы не смѣемъ мечтать и черезъ столѣтія». И рядомъ съ этими серьезными мыслителями сколько пошляковъ, тоже мечтающихъ и негодующихъ! Вотъ книжка К. Мережковскаго «Рай земной или сонъ въ зимнюю ночь». Нелѣпѣйшее размазываніе половыхъ мерзостей,—и это проектъ осчастливить человѣчество. Жалкій авторъ, отъ котораго талантъ такъ же далекъ, какъ отъ земли небо, однако, искренно презираетъ человѣчество, которое—онъ предчувствуетъ — не пойметъ благодѣтельности его проекта.... А вотъ кучка не менѣе жалкихъ стихописателей, думающихъ, что они открыли «невѣдомому міру религію», что они перерождаютъ человѣчество. «Стихійныя силы разражаются въ поэзіи Брюсова землетрясеніемъ»... Будто?.. Будьте покойны, ни одно стекло не разобьется отъ этого землетрясенія... Конечно, мечты и слова благородныхъ утопистовъ не сравнить съ этими бреднями, но ихъ негодованіе столь же смѣшно. Да развѣ не то же дѣлаетъ жалкими всѣхъ оффиціальныхъ пропо-

вѣдниковъ христіанства? Вѣдь, представьте себѣ, у насъ — допустимъ— 35.000 проповѣдниковъ. Каждый изъ нихъ, много или немного разъ, скажетъ прекрасное слово о христіанской любви и братствѣ. Если бы хоть одного изъ нихъ, хоть на одинъ день послушался русскій народъ, какое это было бы чреватое послѣдствіями событіе. Да въ томъ-то и дѣло, что эти слова безсильны. О, это прекрасныя по содержанію слова, но въ нихъ нѣтъ реальной силы! И потому негодованіе проповѣдника смѣшно. Есть слова и есть реальная сила. Реальная сила есть та, которая дѣйствительно проявляется, если не задерживается препятствіями. Негодованіе въ этомъ случаѣ можетъ имѣть значеніе лишь то, что оно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи общественнаго значенія слова или примѣра. Не слушаютъ и не читаютъ, слѣдовательно слова и рѣчи не имѣютъ общественнаго значенія. Если бы вопросъ былъ объ юридической отвѣтственности, тогда имѣла бы смыслъ защита: «я сказалъ или показалъ, а дальше не моя вина». Но вѣдь юридически никого не обвиняютъ, а говорятъ только о фактическомъ отсутствіи общественнаго значенія... Да и кромѣ того, не слишкомъ ли этого мало: «сказалъ слово и показалъ примѣръ»?.. Не въ наше бы время слушать такія жалкія слова. Нынѣ для всякаго мыслящаго человѣка не подлежитъ сомнѣнію, что благосостояніе и даже нравственное благообразіе толпы (исключая немногихъ передовыхъ дѣятелей или минутъ нравственнаго подъема) зависитъ отъ общественно-экономическаго строя. Измѣните общественно-экономическій строй, и тогда вы въ правѣ ожидать нравственнаго и экономическаго благоустроенія личнаго и семейнаго. И во всякомъ случаѣ, если личная благотворительность имѣетъ ограниченные и даже ничтожные результаты, то переходъ отъ нея къ общинному устройству въ силу простой логики не позволяетъ остановиться и на этой ступени, но заставляетъ переходить къ слѣдующей — къ активно-общественной дѣятельности.

Подведу итогъ сказанному. Я даю Крестовоздвиженскому Трудовому Братству дружескій совѣтъ: а) предоставить личностямъ — членамъ Братства больше субъективно-религіознаго простора, нормируя лишь внѣшне-общинныя отношенія братчиковъ, и б) открыть возможно-широкую благотворительную дѣятельность въ отношеніи къ окружающему населенію, не отка-

зываясь отъ активно-непосредственнаго участія и въ общественно-экономическихъ вопросахъ.

Было бы для меня крайне печально, если бы эти мои разсужденія были поняты какъ результатъ моего нерасположенія къ Братству,—это было бы такъ несправедливо! Напротивъ, я говорю все это именно потому, что смотрю вполнѣ серьезно на дѣло Братства и отношусь къ нему съ искреннимъ уваженіемъ, признавая его заслуживающимъ всесторонняго вниманія и изученія. Это ясно изъ каждой строки моего описанія. Только я не принадлежу къ числу людей, для которыхъ въ христіанствѣ все до прозрачности ясно и всѣ христіанско-общественныя проблемы суть легко разрѣшимыя задачи съ однимъ неизвѣстнымъ. Я думаю, что въ христіанской задачѣ много неизвѣстныхъ, и что нужно начать научное изученіе современнаго отношенія христіанства къ жизни, современныхъ опытовъ христіанскаго дѣланія: нужно собирать матеріалы, сравнивать, классифицировать, дѣлать выводы. Поэтому-то объективно-научный взглядъ безпристрастнаго наблюдателя имѣетъ свою цѣнность наряду съ дѣланіемъ въ той или другой частной формѣ. И было бы съ моей стороны подлиннымъ неуваженіемъ къ дѣлу Братства и неблагодарностью ему за его гостепріимство, если бы я ограничился гимнологическими чувствами и диллетантскими мыслями, если бы я только восторгался. Я считаю долгомъ высказать тѣ сужденія, которыя подсказываются мнѣ моими религіозными убѣжденіями и общею точкою зрѣнія на всякія формы христіанскаго дѣла. Да и сужденія мои не только не касаются личностей, которыя для меня всегда священны,—они слегка лишь касаются самаго дѣла,—они относятся главнымъ образомъ къ книгамъ основателя Братства, къ данному имъ опредѣленію братскаго принципа, къ словесному выраженію его. Хотѣлось бы, чтобы къ моимъ сужденіямъ члены Братства отнеслись съ тѣмъ братскимъ чувствомъ, которымъ и мнѣ внушены мои слова и мысли, и съ тѣмъ благоговѣніемъ къ высокому христіанскому идеалу, предъ которымъ мелки всѣ наличныя дѣла человѣческія.

КОНЕЦЪ.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ